

№ 3`

Июль 1998 Г.

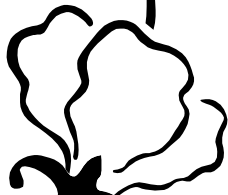
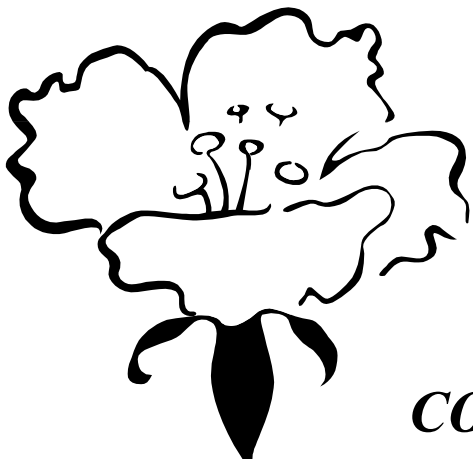
УХТА
ЛИТЕРАТУРНАЯ

Алексей Мильков

РУССКИЙ РОБИНЗОН

(роман-анекдот)

СОДЕРЖАНИЕ

Алексей МИЛЬКОВ

РУССКИЙ РОБИНЗОН (НФ роман)

(Комментарий Игоря Терновского)

3 стр.

Алексей МИЛЬКОВ

ИМЕЕТ ЛИ ПРАВО НА ЖИЗНЬ В ПОЭЗИИ

ЗАРИФМОВАННАЯ ПРОЗА ?

(О творчестве Николая Володарского)

70 стр.

Хроника литературной жизни

74 стр.

Персоналии

75 стр.

Литературно-критический журнал “Ухта литературная”

Редакционная коллегия:

Алексей Мильков тел. 1-74-91
Игорь Терновский 6-12-46

Отпечатано на производственной базе
ОАО УНПЗ
Ген. директор Ипполитов Е.В.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА “УХТА ЛИТЕРАТУРНАЯ” !

Вышло три номера журнала “Ухта литературная”. Первые итоги. В первую очередь они радостные, что в Ухте, наконец-то, появился свой собственный печатный орган и первый русский журнал в Республике Коми. Радостные, что Ухта стала литературной Меккой, на которую с вожделием смотрят писатели из других городов.

Еще одно яркое событие этого года: появление во втором номере большой подборки стихов мэтра ухтинской поэзии Игоря Николаевича Терновского. Собранные все вместе, они нам открыли нового Игоря Терновского, последнего из могикан из славной когорты интеллигентов. Да, в поведении от него исходит обаяние интеллигента в полном смысле этого слова. И словом и делом. А в поэзии он бросок, ассоциативен, гибок, решителен. Она у него даже какая-то дерзкая, хотя еще недавно бытовало мнение в кругу писателей: “А, Терновский? Что он может?”

При всем при этом мнения о журнале разные: от крайне левых (хорошо) до крайне правых реакционных (“журнал не нужен”, — Журавлев А.К.)

Что такое журнал для писателя? Это глоток свежего воздуха в душном помещении. Это трибуна. Сергей Есенин писал в 24 году: “Хочу организовать журнал. Буду издавать журнал. Буду работать, как Некрасов”.

“Не могу молчать”, — назвал Лев Толстой одну из своих статей. Нам, ухтинским писателям, тоже есть что сказать, что донести читателям.

Журнал “Ухта литературная” не приемлет никакой междоусобной “фракционной борьбы” и призывает к тесному сотрудничеству все литературные силы города, в первую очередь наших ухтинских членов Союза писателей Б.Шахова, А.Журавлева, А.Илларионова, А.Пашнева. Помните: вы члены СП, и вы принадлежите не себе, а народу. У вас есть тематика, вы чувствуете проблематику. Вас не зря приняли в Союз писателей России. Отрабатывайте звание. Вы российские звезды, а болельщики хотят знать “кто есть кто” и поэтому ходят смотреть на звезд. Прочь местную кичливую и чванливую ксенофобию. Циолковский был провинциалом и патриотом, Мичурин тоже. Писатель не имеет права отсиживаться в окопах, когда кругом кипит жизнь.

Журналу нужны серьезные аналитические статьи, рецензии, отклики, реплики, желательно на местном материале. Все, что называется одним словом — публицистика. Отчуждение от нее свидетельствует о пассивной общественной позиции, а отказ от лидерства инкриминируется как трусость. Тот не писатель, который не занимается публицистикой.

Первым откликнулся на сотрудничество в журнале Игорь Терновский. Без всякого бюрократизма, не торгуясь, он с юношеским задором окунулся в новую работу. Его богатый жизненный опыт, широта общечеловеческих взглядов и глубокая эрудиция делают лицо журнала. На подходе четвертый и пятый номера при его непосредственном участии.

В первом номере было высказано сожаление, что ухтинские писатели не отмечаются литературными премиями. С этим покончено раз и навсегда.

Отныне по окончании года будет присуждаться “Ухтинская Ника” по следующим номинациям:

1. “За лучшее стихотворение” (цикл стихотворений);

2. “За лучшую прозу” (рассказ, повесть, роман);

3. “За лучшую статью” (совокупность статей);

4. “Надежда” (открытие нового перспективного имени);

“Ухтинская Ника” пока условное название. Возможно, премия будет называться именем спонсора.

Редактор третьего номера

Алексей МИЛЬКОВ

ПОСВЯЩАЕТСЯ моим дорогим соотечественникам, обособленно, прочно и бесповоротно вставшим на путь контрацепции.

РУССКИЙ РОБИНЗОН

(Мемуары безвинно пострадавшего человека, годы его мытарств и лишений)

Игорь ТЕРНОВСКИЙ

“РУССКИЙ РОБИНЗОН”. О РОМАНЕ АЛЕКСЕЯ МИЛЬКОВА

Вниманию читателей предлагается своеобразное произведение, которое сюжетно во многом совпадает с известным каждому с детства романом Даниеля Дефо. Как и там, все начинается с кораблекрушения, в результате которого героя выбрасывает волнами на неизвестный остров. Но далее имеются определенные расхождения. Начнем с того, что океан снабжает первого Робинзона почти всей необходимой бытовой утварью для дальнейшей островной жизни, включая сюда огнестрельное оружие и боеприпасы к нему. Здесь же мы имеем голого человека на голой почве. Правда, прихотливые волны кое-что выносят на берег и в этот раз. Но, увы, это представляющие основной груз корабля определенные изделия, которые из-за своей специфической направленности заведомо не нужны потерпевшему крушение. Но именно с них и начинается вся оригинальная завязка в романе, и именно они сыграли свою дальнейшую необыкновенную роль. В отличие от своего прототипа герой находит на острове не одного Пятницу, а сначала троих, а потом целое племя туземцев, где-то стоящих на уровне развития каменного века. Предприимчивый кораблекрушениц использует спасенные изделия себе во благо, причем ему удается превратить их в глазах совершенно темных туземцев в высокие ценности на уровне, можно сказать, местной валюты. Благодаря “карассо”, – так на местном языке называли изделия – он обеспечил себе приличную жизнь и высокое положение среди аборигенов. И это, не взирая на не всегда благоприятные обстоятельства и интриги, особенно, местного колдуна, который пытался подорвать авторитет белого пришельца вплоть до его полного уничтожения. Но, несмотря на часто совершенно фантазмагорические обстоятельства и опасное балансирование на лезвии ножа, наш герой благополучно выжил в течение целых трех лет и во здравии отбыл с острова в цивилизацию, правда, – вот уж в чем-чем Россия всегда была последовательна – в наручниках, поскольку ему инкриминировали разбазаривание корабельного груза, который считался гуманитарным.

А теперь представьте себе, что фамилия главного героя не Мильков, а Чонкин из произведения Владимира Войновича “Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина”. За это время он, безграмотный деревенский мужик, получил образование, прошёл этапы большого пути, что это он (почему бы нет) “русский военспец, выполнявший интернациональный долг на дальних рубежах родины”, кои могли быть и Африка, и Южная Азия, и Южная Америка, и жизнь бросала его с секретными миссиями в многочисленные испытания. Далее алмазный бизнес, что это он (опять же почему бы нет) алмазный олигарх. И вот последнее испытание, задуманное нечистоплотными конкурентами, из которого герой также выходит с честью, благодаря русской смекалке и изобретательности.

По форме это роман, а по содержанию...

Реальная фантастика или фантастический реализм?

Войнович назвал свое произведение роман-анекдот. И этот роман Алексея Милькова можно назвать роман-анекдот из-за анекдотической посылки, на которой он строится.

Итак, перед вами, дорогой читатель, роман-анекдот.

“Русский Робинзон” надо читать, читать именно сегодня, по причине, цитирую автора, “нашего пуританского менталитета, ретроградного воспитания и самодовольного русского снобизма”.

ЭПИГРАФЫ

* * *

Жизнь, необыкновенные и удивительные приключения русского Робинзона, попавшего волею случая на необитаемый остров, куда был выброшен кораблекрушением.

* * *

Да простят мне взыскательные читатели за неполный рассказ, за сознательно опущенные детали, за проявленную известную сдержанность при передаче подробностей моих приключений среди диких людей, чьи взгляды во многих отношениях так резко расходятся с нашими, за многочисленные “фальсификации”, за преднамеренные ошибки, за всё то, что с нашей точки зрения заслуживает наложения на меня сурового порицания от цивилизованного человечества. Но не надо забывать, что действия, которые мы считаем неприглядными, более того, с подачи недругов, уголовными преступлениями, рассматривались туземцами, фактически, как проявление высокой добродетели. Не исключено, что

самые неприкрытые и пикантные поступки, скрытые рассказчиком, читатель далее сам довоспроизведет силою своей фантазии.

* * *

– Мильков Алексей Леонтьевич, с вещами на выход. Извините за причиненное беспокойство, с вас сняты все обвинения. Можете с чистой совестью идти домой, внизу ждет ваша жена Раиса Сергеевна...

* * *

Эти строки я обдумал на Лубянке, в череде бесконечно продолжающихся допросов, и в следственном изоляторе “Матросская тишина”, где коротал дни. Так что “времени” и “условий” было предоставлено мне более, чем достаточно, чтобы вспомнить всё произошедшее со мной досконально.

Глава 1. ГЕРОЙ ИЛИ ПРЕСТУПНИК!

Один день типичного допроса на Лубянке. – Пристальное внимание к делу самого Президента страны. – Жесткая линия следователя. – Жесткое обращение при дознании. – Где народное достояние? Где гуманитарная помощь?

Допросы начинались ровно в 6 часов и заканчивались в 21 час.

- С немецкой педантичностью.
- С американской методичностью.
- С японской утонченностью.
- С китайской ехидностью.
- С русской основательностью.

Сегодня следователь был как никогда предупредителен:

– Подследственный Мильков Алексей Леонтьевич, к вам повышенный интерес самого Президента страны.

– Да ну! Рад стараться! – бодро отвечивал я.

На следователя вдруг что-то нашло, от постоянного недосыпания его длинный, набухший нос и полуприкрытые глаза с тяжелыми веками вдруг сделали его похожим на динозавра, страдающего бронхо-лёгочным спазмом, осложнённым гайморитом. Он со злостью включил видеозапись.

– Смотри, смотри! Познакомься, что о тебе галдят в высоких кругах. В твоём распоряжении пять минут.

О! Телепрограмма “Культурная революция”, которую ведет Михаил Швыдкой. Тема “Мильков – герой или преступник?” Удивительно, моя трогательная история тронула за живое чопорное щепетильное общество. Над записью монтажёр скрупулёзно поработал. Была откровенная подборка фраз по методу идеологической

сортировки. Только почему-то персоналии вместо моей фамилии больше употребляли “Русский Робинзон”.

Итак, с соизволения следователя галопом по Европам. Опускаю фамилии знаменитостей, произносивших следующие фразы:

“Русскому Робинзону, пожалуй, подошел бы ставший уже избитым эпитаф:

“...quaeque ipse miserima vidi
Et quorum pars magna fui”.¹

“За три года изолированной островной жизни Русский Робинзон основательно забыл родной язык, своё русское происхождение и имя, полностью усвоив традиции и нравы туземцев, их миропонимание и суеверия. Обратной ему дороги в нашу цивилизацию нет!”

“Чтобы понять образ мыслей туземцев, надо просто пообщаться с Русским Робинзоном. Человек с пытливым философским складом ума, несомненно, заинтересуется возможностью изучить примитивную логику человека, долго испытывавшего на себе влияние типичных условий первобытной жизни”.

“Русский Робинзон провозгласил себя настоящим “бледнолицым”, “налаживая” “дружеские” отношения на острове. Тщетно пытаемся мы оправдать его, а значит, обмануть себя и других, утверждая, будто во всем, что связано с моралью и перспективами на будущее, туземцы только выиграли от общения с белым. Нигде не представит он перед нами в более невыгодном свете, чем там, где он выступил в роли “гуманного освободителя” туземцев, где он со всеми подробностями сообщает о своём лженаучном миссионерстве.

¹ “...и что я сам видел ужасного и частью чего я был”. (Первые строки из второй книги “Энеиды” Вергилия.)

“Его правдивое признание можно рассматривать как явку с повинной”.

“Русский Робинзон не является специалистом этнографом, ни государственным деятелем, ни политэкономом, поэтому вызывает, мягко сказать, недоумение его жажда рассматривать себя научным исследователем или высшим судьей в любом споре. Он опроверг представления о том, что плохо и что хорошо, что честно и что нечестно. Ему инкриминируется вмешательство в личную жизнь целого племени. Проявление “дружелюбия и сострадания” к этой расе, родившейся, якобы, под несчастливой звездой, стало даже считаться у него признаком хорошего тона. Только с отъездом Русского Робинзона племя было избавлено, наконец-то, от дальнейших бед, связанных с его пребыванием на острове”.

“Многие особенности приключений Милькова, несомненно, объясняются своеобразием его мышления или превратностями его судьбы; но даже если мы сделаем на это допустимую поправку, перед нами откроется весьма мрачная картина жизни, прямо скажем, нецивилизованного человека”.

“Поставим теперь вопрос: добился ли Мильков своим вмешательством каких-либо положительных результатов? Он преступно утверждал новое общество. От этих контактов крайне тяжело и непоправимо страдали моральные устои аборигенов. Разве не Русский Робинзон придумал и внедрил гнусные законы, унижающие человеческое достоинство туземцев? Разве не он пытался установить новый порядок и справедливость? Разве не он, вырванный из привычной обстановки в свою очередь вырывает из привычной обстановки уже туземцев? Разве не он играл на религиозных чувствах и превращал их в инструмент давления и оболванивания?”

“Методы Русского Робинзона приобщения туземцев к цивилизации настолько спорны, что скорее ведут к варварству”.

“Какое право Русский Робинзон имеет апеллировать к родине, воспитавшей его в лучших традициях, когда его совесть повернулась на сто восемьдесят градусов и полна омерзительных примеров того, как он утратил чувство элементарной порядочности, честности и стыдливости, когда он сознательно, более того, в корыстных целях перенес не лучшую модель цивилизованного общества с его пороками и предубеждениями на условия первобытной жизни, на образ мыслей туземцев.

“В обществе туземцев, признающих право на личное съедение врага чуть ли не единственным средством защиты, а также умеющих единственным способом находить “консенсусы” и разъединять барьеры, разделяющие их, через всё тот же каннибализм, адаптированный Русский Робинзон чувствовал себя не так уж плохо”.

“Зная уровень технического обеспечения 20-го века, он многое мог обратить в пользу туземцев, но не сделал этого, “сконцентрировавшись” на контрацептивах.

“Кто, например, всерьез поверит, будто раздача контрацептивов не увеличила перечня колониальных преступлений? Представьте себе, что Русский Робинзон распространял не контрацептивы, а спиртное. И то и другое одинаково приводят к быстрому вымиранию местного населения.

“По существу, вопрос только в выяснении: Русский Робинзон – деградированный или деклассированный элемент?”

“Кто еще выскажется?”

“Конкретно, где Русский Робинзон сейчас находится?”

“В следственном изоляторе, кажется, в самой “Матросской тишине”, уж слишком серьезные предъявленные ему обвинения, но за это время он не потерял твердость духа”.

Я отвел глаза с вдруг потемневшего экрана на приутившего его пассажем пианиста незаметно подкрававшегося следователя, обратив внимание на его тяжелые веки.

– Чего вы хотите?

– Вы – единственный свидетель, – услышал я резкий тон. – Корабль шел, шел и вдруг бесследно пропал. Такого не может быть даже в Бермудском треугольнике, такого не было даже в самом никчемном кино. В деле много белых пятен, и в ваших интересах и в интересах следствия, чтобы их не было совсем. Наши сотрудники прочесали весь остров вдоль и поперек и ни одной, даже жеваной резинки не нашли.

– Я вам все изложил на бумаге. Ни отнять, ни прибавить.

/Через полчаса молчания/

Следователь вышел, а я мгновенно нажал “пуск” и впился глазами в продолжение показа.

Пока я не слышал ни одного высказывания в мою пользу, но уж очень интересно было узнать о себе больше. Вторая часть польстила моё самолюбие.

“Островная жизнь не нанесла Русскому Робинзону физического ущерба. Он всё того же крепкого телосложения, держится прямо. В нём в бытность свою чувствуется большая физическая сила, выносливость, энергия, которые не должны бы присутствовать в той мере, как мир узнал о нём. И всё же, перенесенные тяжелые испытания и лишения не прошли для него бесследно. Некогда привлекательные черты лица носят отпечаток философского раздумья”.

“Живой, пронзительный взгляд голубых глаз выдает суровый, непреклонный и пылкий характер, заставлявший в своё время трепетать от страха многих туземцев и от страсти многих женщин, когда Русский Робинзон жил среди них.

“Он всегда поступал справедливо и великодушно, если только несправедливость или оскорбление не пробуждали в нём нетерпимость, но никогда жажду мести. Благодарность он проявлял так же неукоснительно и пылко, как в разумных пределах ненависть...”

“Жизнь в мире широко распространенного среди туземцев обычая каннибализма, принесла Русскому Робинзону тяжелые испытания. Находясь в зависимом положении среди туземцев, он вынужден был проявлять покорность и уступчивость, которые претили его характеру. В цивилизованном обществе строгий закон охраняет многие права человека. В новых же условиях его сознание, естественно, не могло формироваться не иначе как в духе жестокого приспособленчества”.

“История говорит о том, что где бы и в каких бы землях туземцы или малые народности ни соприкасались с белыми, от этих контактов крайне тяжело и непоправимо страдали моральные устои аборигенов. Но это не вина Милькова, а его беда...”

“Жестокость, как и широко распространенный среди туземцев обычай каннибализма, напоминают нам, что мы многим обязаны цивилизации, даже когда она проявляется в как бы подсознательной форме”.

“Как ни прискорбно, этому несчастному человеку надо помочь найти общий язык со своими вновь приобретенными соотечественниками”.

“Хочется верить, что судьба Русского Робинзона привлечет внимание просвещенных и доброжелательных кругов русской общественности в его защиту”.

“Он изучал примитивную логику островитян, долго испытывал на себе влияние типичных условий первобытной жизни. Он вышел с честью из этой ситуации”.

“Глубокая вера в себя заставляла его напрягать последние силы и находить выходы из самых тяжелых положений”.

“Три года прожил Русский Робинзон чуждым окружающему ему обществу изгоем, а теперь изгой среди своих. Судьба, изгнавшая его с берегов острова Надежда, стала по отношению к нему ещё жестокосерднее”.

“Трагичность судьбы Русского Робинзона заключается теперь в том, что он оказался где-то между двумя мирами. Он ушел от одной неудачной жизни (на острове Надежда) и попал в другую (под названием Родина!)”.

“Если бы Мильков попал в средневековую Японию, его бы прозвали Русский сёгун”.

“Русский Робинзон – наш национальный герой!”

Вернувшийся следователь, словно совершивший промашку, резко погасил экран, и голос его точно взорвался:

– Алексей Леонтьевич, корова языком слизала гуманитарную помощь? Вы похоронили надежды миллионов россиян на достойную жизнь и счастливое будущее, вы оставили их незащищенными перед лицом роковых случайностей, вы оскорбили самосознание русского человека, вы целое государство сделали посмешищем в глазах цивилизованного мира! Нас интересует правда, одна только правда, ничего – кроме правды. Вы объясните, наконец, каким образом гуманитарная помощь для всей России, исчисляющаяся миллионами штук на сумму в несколько лимонов долларов, смогла испариться в одночасье, не оставив следа?

Я, как можно спокойнее, отвечал:

– Не кричите на меня, мой подробный рассказ об обстоятельствах кораблекрушения и тот факт, что я провел три года среди туземцев племени масоку, подшит в дело.

/Через полчаса молчания/

Следователь точно получил импульс электрического тока:

– Ну, ты, Русский Робинзон! Ты – вонючая рыба! Ты – ... (непереводимое) Ты – свиные мозги и куриные потроха! Ты – ... (неперевод.) Ох! Бедные каннибалы! Бедные каннибалы! А ты кто такой, чем их лучше? Недалеко от них ушел... Почему они вместо омерзения вызы-

вают к себе сочувствие, больше чем ты? Русский Робинзон, не морочь нам голову, хватит дуру гнать! Кто-то должен соотнести свою вину с причиненным ущербом, и ты ответишь за все до копейки по всей строгости российских законов. Охо-хо! Ты – ... (неперевод.) Филантроп за государственный счёт! Это даром тебе не пройдет! Признаться, куда девал народное достояние? Где гуманитарная помощь? Где карассо? Говори! Не молчи! Ты – ... (неперевод.)

– Хватит изъясняться гастрономическими изысками туземцев, – спокойно остановил я его. – Я – Русский Робинзон, и этим всё сказано.

– Нет необходимости ссылаться на Дефо или других авторитетов! – ещё сильнее взвился следователь.

Я повторил рассказ слово в слово от начала и до конца.

Глава 2. СПАСЕНИЕ ВО БЛАГО

На борту корабля. – Российский бомонд. – Я кричащую телепрограмму “Розыгрыш”. – Волнение в океане. – Буря. – Губительная волна. – Конец корабля.

6 июля 2000 г.

В воскресенье вечером я отплыл из...2

Итак, круизный корабль под флагом Бахрейна покинул африканский берег.

Было всё спокойно, инкогнито получилось на славу, на меня не обращали внимания. Под напором обстоятельств я рассчитывал выпасть на некоторое время из зоны видимости корреспондентов, просто зевая, своих деловых партнеров из алмазной компании “Де Бирс”, оставив при себе только двух-трех своих охранников, да и от тех под благовидным поступком отказался. В наше время превратиться в кого-либо – элементарно. Деньги сделали своё дело – визажисты основательно изменили моё лицо, а цветом и направлением длинных волос, как мне казалось, я стал окончательно неузнаваем.

Я набрался храбрости и вышел на открытую палубу. На корабле было много соотечественников (где только русских сейчас не встретишь!), преобладали артисты, певцы, ведущие телевизионных программ. Все были заняты слухами, что в трюмах гуманитарная помощь для России. Какая – никто не знал. Палуба на глазах превратилась в импровизированную студию, Валдис Пельш вел программу “Угадай мелодию”. В финале встречались певцы Филипп Киркоров, Кристина Орбакайте и Анастасия Стоцкая. Киркоров больше всех тужился и пыжился, наигранно шутил, кого-то ругал в камеру, кого-то благодарил, у кого-то просил прощения. Но даже это не помогло – из игры его вывели музыкальные интеллекты женщин.

2 Здесь многоточие не означает, что это закрытая информация, и в то же время об этом факте не хотелось бы далеко распространяться. Во всем остальном, даю честное слово, всё ниже описанное произошло именно со мной, и в дальнейшем буду придерживаться, насколько позволяет, только правдивой канвы повествования.

В узком проходе лестничного марша я остановил Пельша, который в данный момент норовил проскочить на другую палубу, и спросил:

– А как же ваше детище программа “Розыгрыш”?

– Параллельно, параллельно идёт, приходится разрываться на части.

– Кого решили разыграть на этот раз?

– А вы кто такой, ваша профессия.

Я замялся.

– Это закрытая информация.

– А всё же...

– Хорошо, скажу только одно, я русский военспец, выполнявший интернациональный долг на дальних рубежах родины, дал полную подписку о неразглашении, поэтому сознательно исключаю для любопытных некоторые моменты своей профессиональной деятельности.

– А, понимаю! – воскликнул Пельш. – Миротворческая миссия на черном континенте? О, Африка! О, колдовская земля!

– Вас удовлетворит, если я скажу, что всего лишь сопровождал секретный борт?

– В составе “ограниченного контингента”?

– Валдис, ну вы беспардонный, берете быка за рога, как все телевизионщики!

– Не скромничайте! Возвращаетесь домой из горячей точки с чувством исполненного долга, с гордостью за своих героических товарищей, за родину, воспитавшую вас!

Поддерживать своё инкогнито мне было интересно, и я с пафосом продолжил ряд:

– Безмерно счастливый, что остался живой и невредимый в конфликтной стране, раздираемой гражданской войной.

– Ангола или Кот-д’Ивуар?

– Спросите, что-нибудь полегче, – ответил я.

– Андорра или Сейшельские острова?

– Ведёте себя нескромно, как на передаче “Розыгрыш”, – заметил я.

Пельш почувствовал за собой вину и даже стал оправдываться:

– Прошу прощения. Я, к сожалению, не имею права выносить какие-либо подробности о проекте. Скажу только одно, что, когда познакомился со сценарием, он потряс меня. Я даже удивился, что такое возможно. Но вы необычный человек. В таком случае, у нас секретов от ветерана локальных войн нет. Это, по существу, грандиозный проект, в котором задействован весь российский бомонд. Это будет такое шоу, такое шоу, которого никогда не было и не будет.

– Кто этот бедолага, который попался на вашу удочку?

– Терпение. Узнаете в своё время.

– И в какую сумму шоу встанет?

– Заметьте, не в тысячи долларов, а миллионы.

– Если не секрет, нельзя ли уточнить – во сколько тугриков?

– У вас гражданская профессия случайно не бухгалтер?

– К производству денег я имею только отчасти отношение, точнее, как все зарабатывающие и тратящие их, – ответил я.

– Вам, как не миллионеру, как простому русскому человеку, добывающему свой хлеб насущный в поте лица, скажу: сумма соизмерима с проживанием олигарха три-пять лет в условиях относительно спокойного образа жизни со скромными личными запросами.

– А где вы берете деньги?

– С финансированием на некоторые проекты у нас проблем нет. Даже, наоборот, состоятельные меценаты заинтересованы в качественном вложении денег и требуют от нас полного отчёта, что они пошли на конкретный проект и реализованы полностью.

– Вот оно что!? Как я понял, не будем кривить душой, деньги даются под определённого бедолагу?

– Если скажу “нет”, то погрешу против истины. Пока разоблачений не было.

– У меня есть пожелание программе, можно переждать?

Пельш оживился и потащил меня на палубу. Я исследованием всех палуб не занимался, поэтому удивился, что мы попали в импровизированную студию. Яркий свет, режиссеры и прочие телеушники окружили нас. Под присмотром телекамер мы облокотились на поручни и продолжили незатейливый разговор:

– Интересно, интересно, давайте выкладывайте, – подмигнул Пельш мне.

– Меня не удовлетворяют мелкие шутки, наподобие: “У вас вся спина белая”.

– Эта претензия серьёзная – мы подумаем.

– Далее. Я так понимаю, что возможности программы и в самом деле неограниченны?

– Я уже вам говорил, через нас проходят деньги немереные.

– Поэтому хотелось бы от неё никакого сюсюканья, ещё большей смелости, ещё не менее разящей активности.

– У вас есть к нам какое-то принципиальное предложение?

– Конечно, могу дать. Прежде всего, расширить круг фигурантов.

– У нас и так знаменитые музыканты, артисты...

– А первые люди страны? А великие мира сего?

– Кого вы имеете в виду?

– Обнаглевших лоббирующих всё и вся политиков, нефтяных, газовых и прочих олигархов, готовых на всё мерзкое за пятьсот процентов годовых, да не плохо бы разыграть самого Президента страны.

– А что это даст?

– Программа будет поистине народной и демократичной, гарантирую.

– Акулы большого бизнеса? Это интересно! VIP-персоны? Оригинально! Спасибо, мы учтём. – Пельш на самом деле был занятой человек, когда по его знаку включился свет, и он попросту сбежал от меня.

“Как бы не затаил на меня обиду?” – напоследок я разглядел в нем злорадную усмешку.

Итак, ничего не предвещало мне острых приключений, тем более неприятных последствий.

Я часто выходил на палубу, перегибался через борт и любовался трепыхающимся полетом летающих рыбок. Вода бурлила за кормой. Вечер только намечался, прохладный ветерок приятно освежал кожу, легкие перистые облака тянулись вдоль берега.

Медленно движемся под голубым небом. Потягивая молочный коктейль, замотанный в плед, я полулежал в шезлонге на палубе, наблюдая под вечер на рваную рану кровавого заката. С наступлением темноты стали подниматься большие волны, это означало, что мы уже в открытом океане. К исходу 22 часов исчезли последние сверкающие на горизонте огни большого города.

На вторые сутки усилилось волнение. Я вернулся в каюту, доверившись мастерству судового персонала. Среди ночи мне показалось, что кто-то трясет меня за тело, плечи, дергает за руки, за ноги. Открыв глаза, я понял: не меня трясли, а корабль швыряло во все стороны.

Но это были только цветочки. Корабль шел вперед, несмотря ни на что. На третий день пути разразилась настоящая буря. Судно то проваливалось в пучину, то вдруг резко останавливалось, словно натываясь на неодолимую преграду, то, как гусь лапчатый, переваливалось с боку на бок с опасным креном.

Первое несчастье произошло со мной по причине моей глубочайшей беспечности и нерасторопности на море, будучи новичком. Мои личные не стянутые сеткой вещи сорвались с места и металась по каюте от стены к стене, поймать их и водворить на место в условиях качки было немыслимое дело – какие-то грандиозные силы играли судном словно игрушкой, он страшно скрежетал и метался как пьяный. Но больше всего меня доняли оба чемодана, и они проделывали вакхический танец, гоняясь друг за другом и за мной, порядком отдавив мне ноги, руки и бока. Серьезные ушибы только прибавлялись, пока я не залез на верхнюю полку, не привязался сам и не обложился подушками, чтобы меня любые прыжки корабля не могли бы сбросить; и оттуда я уже спокойно созерцал, как чемоданы реагировали на качку судна.

Следующий день я провалился в каюте, разбитый морской болезнью, и был разбужен ударами кулаков в дверь – кто-то из персонала спохватился, что постоялец каюты долго не показывается наружу.

Буря продолжалась ещё два дня, я как пьяный держался за стенки переборок и выходил в кают-компанию, чтобы немного оклематься и выпить соку. За всё это время буря не утихла ни на минуту. Однажды, хоть шторм был ужасающей мощи, я сделал попытку выбраться на палубу, желая лицезреть эту дикую стихию и не пропустить уникальное явление природы в своей жизни. Картина была завораживающая, и в дальнейшем я находил в себе силы ещё пару раз обновлять впечатления.

Видимо корабль вошел в новый вихрь, и не стали слушаться рули, потому что он крутился волчком, подставляя под громадины-волны то один борт, то другой.

Волны, волны, волны.

На этот раз мой выход на палубу ознаменовался происшествием. Вдруг раздался надтреснутый хлопок разорвавшейся гранаты, по палубе, мгновенно расширяясь, пошла трещина. Какая-то сила вышвырнула меня за борт, и в тот же миг я окунулся в мерцающий лабиринт бездны. Барахтаясь вниз головой, подгребая руками и ногами, я ещё пытался восстановить опору и равновесие, чтобы глотнуть спасительного воздуха. Но вместо этого падал, падал, падал во вздымавшиеся стены воды передо мной, ввергался в громадящиеся горы жидкости на пу-

ти, ввинчивался в разверзающиеся пропасти влаги под ногами, вдавливался в обрушившиеся с неба туннели из пены. Появился свет, какой-то странный и нестерпимый, достаточный для того, чтобы разглядеть стихию. Этот свет, возвестивший путь в преисподнюю, был страшнее мрака. Я и не подозревал, что через несколько часов эта водная стихия обернется моим самым верным и надежным другом.

Из-за несообразности моих усилий и дикой пляски стихии, от забравшейся в нос морской соли я потерял сознание, а когда открыл глаза, заметил, что лежу на песчаной косе, на меня накатываются ленивые пенные волны. Я едва шевелился, но, как только новые силы приходили ко мне, я отползал от воды на несколько сантиметров. И не напрасно тратил силы, подул порывистый ветер, взметнув ещё одну волну – последнюю и самую мощную, и я, взглянув на море, увидел в туманной дымке две половинки своего корабля, которые на глазах ушли под воду.

Глава 3. ТЫСЯЧА ЧЕРТЕЙ И ОДИН ШАНС ИЗ МИЛЛИОНА!

Созерцание в полусознательном состоянии. – Бухта промысла Божьего. – Гуманитарная помощь. – Экспресс-осмотр острова Надежда. – Объявление чрезвычайного положения. – Разборка гуманитарной помощи.

Окончательно очнувшись, я увидел себя почти голым. На этот момент на мне, кроме – одно название – порток, была ещё рубашка, всё в лохмотьях, раздербанное волнами. Ещё я обнаружил успокоившееся море и себя среди многочисленных картонных коробок с названиями и надписями на иностранных языках, и дальше от берега подпрыгивающее на волнах несметное их количество. Слово в бреду, я пробирался сквозь завалы коробок и наткнулся на них как слепой котенок.

Море словно не на шутку взбеленилось, коробки на берег наползают как льдины, громоздятся, запирая впереди узкий проход в бухту. Они всё прибывают, заполняя собой близлежащую акваторию. Перетаскиваю их подальше от берега, чтобы новой бурей или отливом не унесло обратно в море. Чем черт не шутит в этом незастрахованном от неожиданностей чужом мире – вдруг всё это понадобится в хозяйстве.

Я открыл первую попавшуюся коробку, долго и безучастно смотрел на её содержимое, а затем и на остальные такие же однотипные коробки непонимающим взором ещё не совсем пришедшего в себя человека.

Пока не дошло до сознания!

К сожалению, всё, что вынесло морем на берег, не может пригодиться по причине их прикладной специфической направленности для сугубо гармоничных половых отношений между мужчинами и женщинами, которых надо ещё поискать здесь. Одним словом, это контрацептивы³, механические средства контрацепции, направ-

³ Здесь и далее я пользуюсь этим общим медицинским термином, чтобы немного притушевать его режущее слух значение по причине нашего пуританского мента-

ленные в Россию как гуманитарная помощь слаборазвитым странам. Коробок собралось уже целая гора.

Я по берегу ходил как тень, кричал, звал на помощь. Никто не откликнулся. Я поменял репертуар и стал импровизировать.

– Остро осознаю, – надрывался мой голос, – свой гражданский и общечеловеческий долг перед соотечественниками – товар на родину необходимо доставить в целостности и сохранности!

Никто не отзывался. И снова я кричал:

– Как единственный из оставшихся в живых, с этой ответственной минуты официально заявляю, что я полномочный представитель России и, следовательно, сопровождающее груз физическое и юридическое лицо со всеми вытекающими на этот факт такого рода полномочиями!

Даже эхо не хотело со мной разговаривать.

Снова и снова я повторял в пространство:

– Умру, но каждый контрацептив пойдет по назначению, каждый российский гражданин гарантированно получит по контрацептиву!

На этот раз эхо признало меня за своего и стало уносить куда-то в сторону гор моё воззвание.

Итог моей печальной морской эпопеи совсем безрадостный и неутешительный. Из переломившегося надвое, не выдержавшего жестокого шторма корабля спасся я один.

Тысяча чертей и один шанс из миллиона! Но он оказался мой!

Прошло три дня. Крайнее истощение, хлопоты тревожных дней, душевная опустошенность и, особенно, последние бессонные ночи от не дававших покоя полчищ муравьев и москитов, а днем на зное донимавших земляных и чёрных мух, роем облепивших моё голое тело, умножая страдания, – всё перечисленное привело меня в нервное состояние на грани срыва. К тому же постоянно допекал громкий, резкий, неприятный крик чёрного какаду.

Я почти не мог держаться прямо, делал всё машинально, как во сне: голова кружилась, ноги подкашивались, руки в суставах плохо слушались; так что пребывание на острове показалось мне, несмотря на всё великолепие природы, очень и очень тоскливым. Но, вдыхая всеми легкими, я уже почувствовал, что здешний целебный воздух словно выдувает из меня последние страхи и тревоги, а с ними и болезни, погружая в состояние спокойного равновесия.

Хотя, как я сказал, от усталости, волнения и бессонных ночей я все ещё продолжал находиться в весьма плачевном состоянии, но это уже ни шло ни в какое сравнение с нервотрепкой первых дней на новом месте. И я решил проверить другие районы.

Уделил время на знакомство с островом. Очень много птиц. Растительность всевозможная – от широколистных деревьев до кустарников. И лианы, лианы, закрывающие свет и уплотняющие пространство. Ботаник мог бы сказать гораздо больше меня. Экспресс-осмотр показал, что этот Богом забытый клочок земли необитаемый остров без следов человеческой деятельности.

Никакой разумной жизни, ни единого признака того, что почва где-то возделывалась. Такое впечатление, будто этого острова не касалась рука человека. Впервые близко ощутил на себе полное одиночество и мелкое свое ничтожество перед грубыми силами природы. Придется бросить ей гордый вызов и начать нелегкую борьбу за выживание.

Назвал остров – островом Надежда, хотя с таким же успехом можно назвать, не знаю, не уверен как лучше, – Безнадежности, а может, напротив, Спасения, или Забвения, в зависимости от того, как сложится моя дальнейшая судьба и сколько времени мне предстоит здесь находиться.

Чрезвычайность ситуации продолжать спасение корабок, ещё прибывающих с моря и ленивыми волнами разбрасываемых в беспорядке по всему берегу, воодушевляла меня и поднимала на работу через крайнюю усталость.

Только море, ласковый ветерок и порой какая-нибудь непонятная птица нарушали общее спокойствие. И все же эта перемена обстановки, видимо мой труд, очень благотворно на меня подействовали, и я почувствовал себя почти превосходно. К тому же, разнообразие буйной растительности, красота ландшафта заставили совершенно забыть предшествующие драматические обстоятельства.

Бухта, которой не иначе как промыслом Божиим я обязан своим спасением, попав во время шторма по счастливой случайности в её спокойные воды, блестела и плескалась меж золотисто-зеленых холмов. За бухтой в отдалении открывался океан, ставший могилой моему кораблю. Ветер нес отличительные запахи соли и йода.

Такое созерцательное, безмятежное понимание красоты скоро наскучило, ибо я вовремя заметил, что чуть не пропустил немаловажный фактор. Впору объявлять ЧП4. Коробки были намокшие, я начал их содержимое раскладывать на просушку и уже все окончательно высохшее сносить в пещеру для последующего сохранения от осадков, жгучего солнца и, кто его знает – кто судьбу ещё может предопределить – от возможных расхитителей. Лучше подстраховаться. Большую часть времени каждого из дней – а они к счастью выдавались солнечными и безветренными – я тратил на эту работу. Труд адовый, но не аховый, считаю, почетный, сознавая, какие исключительные неудобства испытывают мои соотечественники, впервые в истории России окончательно и бесповоротно вставшие на путь контрацепции. Без этих средств предохранения, приравненных к предметам первой необходимости, им просто другого хода нет в цивилизацию.

Работы по спасению контрацептивов продолжают несмотря ни на что, хотя постоянно преследует мысль: “а что если эта работа впустую”. Ведь если не пустить их по назначению сразу, сегодня, немедленно, гарантийный срок годности будет просрочен и на российском потребителе отзовется, как следствие, стихийным бедствием, которое ученые впоследствии коротко назовут демографическим взрывом.

Глава 4. ВОРОТА ЖИЗНИ

Пароксизм лихорадки. – Хуан, Хуана и Хуанита. – Уроки папуасского языка. – Подозрение на людоедство. – Высадка каннибалов на остров.

Двадцатый день ознаменовался тем, что меня неожиданно свалил сильнейший пароксизм лихорадки. Быстрый подъем температуры, беспамятство, обезвоживание организма и прочие болезненные прелести. Обманчиво безоблачное небо и сказочное побережье живописного острова. Под ясной лазурью небес таится страшное явление – коварная тропическая лихорадка, не щадящая даже самых сильных и здоровых людей. С этим демоном, погубившим не одну тысячу путешественников, исполненных надежд на будущее, в полном расцвете сил и молодости, бороться пришлось и мне. Я оказался бессилён против этого невидимого, но сильного врага, как слабое и беззащитное дитя. Счастье, что пик акклиматизации пришелся чуть раньше и мой организм встретил болезнь во всеоружии, поэтому смог активно бороться с ней и мне не пришлось отдать Богу душу. По электронным часам я прикинул, что болезнь протекала пять дней, после которых я уже умудрялся как лунатик тыхаться в лес, чтобы добыть себе пищу или пойти к ручью утолить мучительную жажду. Хворь ещё несколько дней давала о себе знать своими декомпрессионными возвратами.

В один из таких очередных приступов, когда дикий бред еще терзал мой истомленный болезнью мозг, судьба подарила мне спутников жизни.

Очнулся я на этот раз от поглаживания иссиня-чёрных рук по телу и почувствовал, как жидкость вливается в меня. Она была густая, приторно-сладкая и пахла цветами. Это был холодный млечный сок кокосового ореха. Открыв глаза, я увидел над собой лица склонившихся папуасов. Они визгливо переговаривались и с огромным интересом ощупывали мое лицо, плечи, руки, а когда я попробовал пошевелиться, заулыбались. Выражение лица первого близстоящего незнакомца после улыбки показалось мне довольно симпатичным, а два других лица рядом с ним, оказавшиеся на удивление милыми, женскими, – тем более. Одно взрослое, другое девочки. На шее у каждой висело по ожерелью, состоящих из продолговатых ракушек, спускавшихся на голые груди. Из других украшений на всех троих были кольца, браслеты и мохнатые с бахромой жгуты на руках и ногах. Тела негритянской формы и индейские длинные волосы – вот что было броское в них. Но ещё примечательнее – тонкие, можно сказать, европейские лица, и губы не очень пухлые – не совсем негроидные. Самый большой дикарь был высокого роста, темно-шоколадного цвета, с матово-чёрными, долгими до плеч волосами, широким, но не сплюснутым носом, глазами, выглядывающими из-под нависших надбровных дуг, с большим ртом. Туземец явно был хорошо сложен и отличался достаточно развитой мускулатурой.

Яркая мысль пронзила меня – кого-то туземец напоминает. Не могу вспомнить, но хоть убей – знакомая личность! И туземка – тоже!

Вспомнил!

– Ты похож на Филиппа Киркорова! – были мои первые слова.

Туземец широко улыбался и в подтверждение с удовольствием кивал головой.

– А ты на Анастасию Стоцкую, – обратил глаза я на женщину.

Она не менее отчаянно закивала.

“Им что ни скажи, – подумал я, – всё будет правильно. – И отметил: – Главное, что они доброжелательны по отношению ко мне”.

Они отпаивали меня соком кокосовых орехов, пока я окончательно не встал на ноги. Этих чёрных миловидных человечков я назвал Хуан, Хуана и Хуанита. Имена им понравились и прилипли гармонично, так что они забыли свои прежние.

Первое, что я сделал после болезни, это подарил контрацептив Хуану.

– На, нравится, я тебе дарю.

Он, словно обжегшись, выронил его на землю. Не сводя глаз, он глядел на него, на его глянец, и всё не мог наглядеться досыта, и притронуться к нему хотя бы пальцем тоже боялся, словно это был предмет настолько священный, что простому смертному не подобало бы брать в руки, не оскверняя его. Ну, в точности, реакция как у большинства моих не приобщившихся к культуре контрацепции соотечественников (в частности, с тещей моего друга на его глазах приключилась точно такая же анекдотичная история, когда он разыграл ее в День смеха Первого апреля). И только Хуанита, со свойственной ей детской непосредственностью, схватила его и убежала в лес.

Наше дальнейшее общение было весьма интересным, живым и плодотворным. Несколько месяцев я спокойно наслаждался обществом этих туземцев. Хуан, Хуана и Хуанита устраивали тематические сценки, где разыгрывали передо мной уроки папуасского языка, чему я им был бесконечно благодарен. А я им всё пытался втолковать, каким образом попал на остров, про жестокий шторм, о том, какой разгильдяй оказался капитан, при этом неистово бил себя в грудь, показывая, что только я один остался живой. Видимо оттого, что я часто и эмоционально повторял слово “капитан”, они назвали меня Капитана.

Иногда они проявляли излишнее любопытство и спрашивали, поднимая вверх контрацептив:

– Что это такое?

Первое время я умудрялся обходить острые углы, применял нейтральные жесты и при этом просто натягивал его на палец. Ничего подобного у них в жизни не было, и демонстрация производила впечатление.

Но вопрос повторялся, и я в который раз отвечал бодро:

– Это клево! Это супер! Это круто! – при этом горделиво поджимал губы и резко вздымал голову.

До их ума что-то доходило, но тяжело, а неясная предметность изделия увлекала.

– Что это такое? – снова и снова возобновляли они вопрос. Когда уходить от него стало невозможно, я перестраивался и уже говорил следующее:

– Это незаменимая в жизни вещь.

– Почему?

– Эта вещь ещё больше сближает мужчин и женщин между собой.

– Зачем?

– Они боятся друг друга, и теперь в их отношениях наступает счастливый момент, когда не надо ничего бояться.

– А чего не надо бояться?

Оба-на! Один вопрос хлеще другого!

– Бояться потерять друг друга, – отвечал я.

Кто не хочет ничего не бояться? Все! Хуана и Хуану вполне устраивала фраза с этим ключевым словом, прибавлявшим им уверенности и отсутствие страха.

Изнавая от безделья, я хватался за любую работу, и нам удалось отеснить буйные заросли вглубь острова, и теперь бананам и манговым деревьям стало свободнее. Вместе с деревьями росло наше жизненное благосостояние.

Тем временем я каждый день усердно овладевал языком масоку. Он оказался типично дикарским изобретением и содержал около трехсот слов без всякой глубокой семантики и морфологии. Если к словам присовокупить их произношение через выражение гнева, радости и других проявлений чувств и эмоций, то количество слов возрастает к двум тысячам. А это уже достаточный словарный запас для общения.

Итак, набор языковых средств, мной приобретенный, превратился в доступный и удобный инструмент. Кто владеет языком, тот владеет миром.

Однажды, мои спутники затронули интересную тему, начал Хуан:

– Масоку – это хорошо!

На что Хуана ответила:

– Манирока – лучше!

– А Капитана? – спросил я.

– А Капитана тоже хорошо! – Хуан смешно оскалил, как вампир, зубы.

Я засмеялся и похлопал Хуана по плечу.

– Капитана – даже лучше! – Хуана тоже оскалила зубы.

Что за казуистика? Наконец, по образу их питания, по шуткам, относящимся к еде, к их гастрономическим слабостям и пристрастиям, я понял, что им ничего не стоит съесть человека, только проверить эту версию было нельзя за отсутствием кандидата на эту почетную роль, если себя не брать во внимание. Пока я этого не боялся, не было причины, и мои позиции были прочны, поскольку знал, что дикарям присущ термин “критическая масса”, и один, два, три дикаря не создают эффекта кровожадной толпы.

И ещё, это Хуан помог мне полностью справиться с закладкой на длительную консервацию уникального груза. Мы поставили частокол на вход в пещеру и завалили его ветками. Я сказал Хуану:

– Запомни, это Ворота Жизни.

– Почему? – спросил он.

– Эту пещеру надо беречь как зеницу ока и чтобы ни один человек не узнал про неё.

– Отныне мы будем больше, чем друзьями, – сказал Хуан. – Вот тебе моя рука в том, что мой рот для неприятеля всегда будет закрыт на палку.

Не было ничего искреннее этого крепкого рукопожатия и устрашающего для виртуальных врагов.

Тогда же я подумал: “почему Ворота Жизни?” За ними находятся контрацептивы, это же убийцы жизни! Убийцы жизни!! Разрушение, а не созидание! Правиль-

ней назвать Ворота Смерти. Я совсем запутался – второй вариант мне не нравился, да и кому понравится? Как можно вступить в жизнь, миновав Ворота Смерти? Логика не было.

Однажды я лежал на толстом стволе поваленного дерева и любовался морем. Одновременно я следил взглядом, как малышка Хуанита, бравшая у меня уроки вежливости и этикета, делала книксены. Забавно было смотреть на её поклоны с подворачиванием ножек.

Я расслабился, отдаваясь омовению ласкового ветра. Красота неопишная. Море с коралловыми рифами с одной стороны и лес с тропической растительностью с другой. Вдали горы с причудливыми очертаниями, над горами клубятся облака фантастических форм и проявлений.

Иногда я бросал взгляды на веселое семейство Хуана. Этот чёрныш лет двадцати, ширококостный крепыш большого роста, что удивительно, с ясными глубокими синими глазами, освободил от завала деревьев площадку в один гектар. Его жена Хуана старательностью и работоспособностью не отставала от него. Цвет кожи у неё был светлее, чем у Хуана, а правильный нос с чуть горбинкой, что встречается очень редко среди туземок, придавал её миловидному личику совсем не папуасское, а своеобразное выражение. Я про себя называл её чёрной грацией за то мягкое и непринужденное прямохождение, которым отличалось каждое движение юной туземки, что бы она ни делала, выполняя и легкую и тяжелую работу.

Я не сказал главное, как естественна живая природа в совокупности с моими спутниками по случайной дороге жизни! Это я к тому, что неоднократно был свидетелем их половых взаимоотношений в редкие часы отдыха.

И на этот раз они растянулись в моих ногах. Хуана билась в чувствах, как горный поток. Сделав премилое дело, они присели и принялись за песню. Хуан тихо запел “Желанная, любимая...”, Хуана подголосовывала ему, но очень удачно, я бы даже сказал, согласованно. Этой песне я научил их. Интересно, не пора ли им доверить другие хиты, например: “Зайка моя, я твой кролик”.

Смотрю на них и вынашиваю впечатление: вполне приличная музыкальная подготовка и какие нормальные европейские лица, если б только не представленные в чёрном цвете...

Долгое вглядывание дало мне сделать кое-какие выводы в типизации. Хуана без сомнений была продуктом любви с мужской стороны индееца и с женской африканки. Но я был в тупике, потому что очень чувствовалось вмешательство третьей стороны – европейца, хотя такое не бывает. Тонкая талия, высокая грудь, правильные черты лица. И вся – как гудронный шоколад. Не совсем африканские губы подчинены божественной индийской форме, но глаза не смуглянки – голубые.

Ещё раз убедился (бывает же такое!): в профиль Хуан похож на Филиппа Киркорова, а Хуана – вылитая Анастасия Стоцкая.

Чего только не взбредёт в голову! Да, вот еще и наваждение, сопровождавшее меня, я ощущал от Хуаны аромат моего любимого мыла “Люкс”.

Хуанита забавлялась рядом. Я схватил её и начал подбрасывать в воздух, пока она не завизжала.

– О-о! – фиолетовые глаза девчушки вдруг округлились, и она стала показывать на море.

Я опустил малышку на землю. Подбежали ее родители, на них страшно было смотреть, дрожь совершенно перекосила их лицевые мышцы. Хуан и Хуана тоже испуганно показывали в сторону моря. Наконец и я увидел, что на остров на пирогах высаживались дюжины три-четыре вооруженных разным дрекольем воины, женщины и дети.

Новый, опасный, непредвиденный поворот событий, не суливший мне ничего хорошего, судя по невеселому поведению моих спутников.

Речь шла не просто о чрезвычайной ситуации, а о моей выживаемости в экстремальных условиях, о вопросе жизни и смерти.

Хуан с жадностью ловил каждый звук. Все силы его растревоженной души сосредоточены были в этот момент в глазах, предупреждающих об опасности. У Хуаны сердце тоже билось настолько часто, что она приложила руку к груди, желая хоть как-то его утихомирить.

Я понял, что незваные гости рано или поздно обнаружат наше присутствие. Отныне, чтобы жить долго и счастливо, мне предстояло существовать с ними бок о бок и строить новые отношения. Разумная осторожность и терпение – вот что теперь реально должно было лечь во главу угла, а сдержанность и постоянные знаки доброжелательности должны были произвести желаемое воздействие на дикое племя. В общем, много чего необходимо проявлять, чтобы, хотя бы, для начала не стать фигурантом жертвенного обряда. Далее, в перспективе, найти общие точки соприкосновения, общие интересы, наладить народную дипломатию, да многое чего еще. Теперь я точно знаю, какие мысли переживал Миклухо-Маклай при первой встрече с туземцами на Новой Земле.

Глава 5. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

Каннибальская оргия. – Тактическая операция. – Аналоговый поиск у туземцев. – Первый результат встречи. – Народная дипломатия. – Сувениры для туземцев. – Изумительная мысль.

Между тем туземцы численностью в сорок человек выволокли из пирога пятерых и привязали их к деревьям. Музыкальное сопровождение колотушками о пустотелое дерево преобладало над количеством криков и стонов несчастных. Запаленные костры быстро приобрели высокое пламя. Предстояла оргия, расцвеченная последующим каннибальским чревоугодием. Все были поглощены приготовлениями, кроме нескольких сторожевиков, рыскающих недалеко.

Хуана показывала рукой на пленников и повторяла:
– Манирока!

Я уже понял, что племя, к которому мои спутники принадлежат, называется манирока. Хуан трагически бил себя в грудь:

– Масоку кушает манирока!

Спрятав Хуану и Хуаниту в надежном месте, мы с Хуаном подобрались почти вплотную к тому месту, взобравшись на скалу, нависающую козырьком. Расстояние было где-то 15-20 метров.

Пока мы пробирались на самый верх, участь одного пленника была решена. Он уже дымился на огне. Нам было прекрасно всё видно и слышно.

Вождь, самый представительный по окраске среди дикарей, стоял чуть в стороне. Шаман, весь в серой атрибутике, затянул песнь в честь праздника, которую остальные дикари подхватили хриплыми голосами.

– О, мать, о, бог Дуссонго! – причитали оставшиеся жертвы, к которым ещё не приступил повар со своим искусством.

Сидевшие вокруг ждали сигнала о готовности блюда. Повар отхватил ножом кусочек, попробовал на вкус и кивнул головой вождю. Туземцы, ещё не выждав разрешения, накинулись на человека, резали и рвали его мясо. Повар наносил направо и налево удары своей палкой, но это мало помогало, и давка прекратилась лишь тогда, когда от тела остался один остов. Счастливики в стороне лакомились теперь кусками мяса, воздавая похвалы всевышнему богу Дуссонго.

Приказа относительно следующего забоя жертвы не поступало, да и торопиться было ни к чему – видимо, растягивать удовольствие всегда было в правилах туземцев.

– О, безбожники, что вы наделали! Вы проглотили нашего вождя Муари! – гневно выкрикнула одна из привязанных женщин. Ей было лет двадцать пять, и она несла в себе черты надменности. Зрачки у неё сужались и расширялись, как у дикой кошки.

– В сущности, мы благодарны за него! – сказал шаман, бросив ей оставшийся кусок на пробу, предварительно освободив ей руки.

Удивительно, но этот кусок пропал в бездне желудка бедолажки без всяких угрызений совести.

Масоку, впрочем, не обращали внимания на стоны пленников, продолжали пиршество.

– Неужели, в самом деле, туземцы думают, что человека и всё что в нём присутствует внутри, можно есть? – спросил я тихо у Хуана.

– Да, да! – ответил он. – Лучшее мясо – это человек.

– Неужели они не видят в этом дурного намерения?

– Оно настолько вкусное, что отказаться может только тот, у которого нет зубов.

Похоже, нравственных затруднений не были ни у кого из присутствующих, вот физические – только у жертв!

Мы никогда не поймем этого примера яркого примитива каннибальского сознания. Я отвернулся в сторону от этих мыслей, чтобы скрыть свое возмущение.

Но от действительности не убежишь, потому что пленники стонали.

– О, вождь Муари! – особо отличался из всех звонкий голос девочки лет четырнадцати. – Какой ты был добрый! Ты сказал тогда, что у тебя есть мясо. Ты сказал, что лучше масоку мяса нет. Мы перед этим так долго голодали, потому что наши козы погибли на болоте. Ты дал нам мясо масоку! Какое оно было вкусное!

С первой жертвой разобрались быстро – голод не тетка, зато со второй было связано длительное смакование.

В эту минуту шаман поднял над очередной жертвой нож...

Это была та самая женщина с надменностью во взоре. Ещё секунда – и очередной манирока избавится от бранных земных тревог и мучений! Но секунды у дикарей длятся минуты, а минуты – часы. И нож не опускался, не вонзался в грудь жертвы. Может быть, этот человек, ещё сжалится над женщиной? Зачем он так долго смотрит в её полные ужаса глаза? Решает чужую судьбу: не использовать ли её по другому назначению, например, как женщину?

Надо было что-то предпринимать против столь своеобразного пикника.

Я показал Хуану, как обогнуть масоку с другой стороны, и когда был уверен, что он ловкий и смысленный уже на месте, взял коробку с контрацептивами и стал пробираться вперед на самый край выступа. Может не стоило рисковать и лезть направо, но меня захватило происшествие. Стараясь максимально охватить как можно больше территории, я раскидал содержимое коробки – маленькие упаковки, словно посеял вручную зерно. На меня обратила внимание первой высокомерная пленница, она расширила глаза от моего вида и задёргалась в путах, но они держали её крепко. Как только я успел отойти назад и снова пригнуть голову у наметившего заранее валуна, я во всю мощь своих легких свистнул. Так у них никто не свистит. На необычный звук туземцы насторожились и стали враспынную разбегаться в разные стороны. Отвлекающий маневр сработал, что и нужно было. Хуан подобрался к пленникам и развязал их. Те кинулись в пирогу и, энергично перебирая веслами, уплыли.

Трудно было не сдержаться от смеха, когда у туземцев возникли проблемы с определением найденных предметов, и я наблюдал до колик в животе, как их аналоговый поиск в неусовершенствованных головах впервые потребовал от них недюжинной умственной деятельности.

В этот ответственный момент я сделал шаг вперед. Видимо оригинальное зрелище запеленатого в шкуру человека повергло их в некую прострацию.

До этого группа вооруженных копьями людей стояла вместе, оживленно разговаривая вполголоса между собой. Ни женщин, ни детей не было заметно, возможно, они попрятались. Увидев меня, копьё угрожающе поднялось, и туземцы приняли чрезвычайно воинственную позу, готовясь пустить их в ход. Из-за деревьев и кустов стали показываться другие дикари, все ещё не решавшиеся подойти ближе и способные каждую секунду дать стрелкача. После недолгих совещаний между собой один из них выдвинулся из группы, неся кокосовый орех, который положил в зоне видимости, и, указывая на него рукой, дал понять, что он предназначается для меня. Так был положен первый краеугольный камень в фундамент наших дружественных отношений.

“Неужели это начало того самого нормального постижения смысла происходящего?” – задавался я вопросом.

Я спустился со скалы. Глядя на протянутые для них упаковки, дикари не переставали от удивления открывать широко рты, приговаривая протяжные: “а-а-а”, “е-е-е”, “и-и-и”, при этом чмокать губами и вкладывать палец в рот. Тогда я распечатал первую, вдул порцию воздуха в резинку, перехватил завязкой и поддал ближайшему воину. Надул следующую, третью, четвертую, наделяя ими

туземцев как сувенирами. Видимо мои манипуляции с надуванием шариков произвели неизгладимый эффект. Они очень обрадовались и тотчас же начали упражняться с ними.

Итак, я понял, что подобные игрушки приводят туземцев в неопишное изумление. Только в этот момент довольно резкий порыв ветра вырвал несколько шариков из их рук и понес по берегу. Дикари всей толпой бежали за ними и ловили, забыв про всё на свете. Дикари – что малые дети. Было весело, мило и вместе с тем презабавно и удивительно, что казалось скорее пасторальным сном, чем напряженной действительностью. Обложенный вкруг многочисленными кокосами, я видел, что их дары мне, а мои им – знак доброй воли Я смотрел и думал, всё дальше уносясь мыслью в философское рассуждение: что сделало человека человеком? Прежде всего, эволюция, внутривидовая борьба, половой отбор...

В моей голове всё интенсивнее работал анализ, переходящий в обобщение!

Стоп! Эврика!

Вот оно, основа основ – половой отбор! В принципе, да в принципе, мне пришла изумительная мысль поставить туземцев в благоприятные лабораторные условия, подвергнуть их уникальному эксперименту. Благо условия есть – сама природа, и есть материальная база и, ещё немаловажно, мое глубочайшее понимание и убежденность того, что сила разума побеждает сон тьмы. Увы! Железную дорогу я построить не имею возможности, но просветительскую и научную роль в половом воспитании у туземцев сыграть сумею. Для меня было просто любопытно, что произойдет, когда столкнется внутренняя дремучесть туземцев и внешний слой их быстро растущей восприимчивости к прогрессу.

Логика моих рассуждений была следующая: их культура несовершенна, недостаточно сильна, но достаточно, чтобы не начинаться с нуля и вобрать в себя самое лучшее, отбросив все наносное, закостенелое, языческое, не изобретая велосипед; я явился как пророк, чтобы протянуть руку дружбы и предложить всем сердцем содействие; моя помощь пришла вовремя и пойдет им только на пользу.

Какие-то секунды я ещё ошеломленно считал варианты. Но направление рассуждений было правильным. “Не вешай нос, дружище, – говорил я сам себе, – ведь все разумные существа произошли от животных, которым когда-то за свое существование пришлось вести борьбу, настолько ожесточенную и длительную, что они видоизменились до неузнаваемости и развили свой мозговой аппарат, чтобы не погибнуть. В них заложен элементарный инстинкт к самосовершенствованию, требующий своего дальнейшего развития”.

А далее, знак особого расположения ко мне, подходу, туземцы пожимали мне руку выше локтя. А это уже кое-что да значит.

Глава 6. ПОБРАТИМЫ

Постижение смысла происходящего. – Первые выводы. – Ещё один пример народной дипломатии. – Завязка основ дружеских отношений. – Пир в честь нашей встречи. – Жестокое обращение с собакой. – Муж-

ская пляска – имитация боя. – Женская пляска – топтание черепов поверженных врагов. – Братание кровью.

Мои тревожения и страхи последних часов за свою жизнь оказались напрасны. Вопреки общепринятому мнению, что на совести дикарей не только Джеймс Кук, туземцы оказались милые, безобидные и общительные существа. Даже не верится, что это те самые овечьные классической литературой кровожадные людоеды, могущие иногда отвлечься от своих каннибальских пиршеств над несчастными и быстро перенять внешние атрибуты иной, более высокой культуры.

Удивительно, но это так, хотя их непосредственность в поведении умиляет меня, поражает все больше и больше, пугает истораживает.

Ситуация меняется, чуть ли не поминутно. Как когда-то изобретение колеса форсировало развитие истории, так, похоже, появление контрацептивов производит настоящую культурную революцию у туземцев.

Итак, я сделал первый и очень важный для себя вывод: попытка перекинуть мост между мной и туземцами увенчалась успехом. Они сразу же по достоинству оценили мои дары, надувают шарики и весело хлопают друг друга по голове “буф-буф”, но ещё эффектнее получается, когда натягивают их, как маски, на головы. Очень увлечены и радуются, как малые дети.

Преподнесли очередной презент – корзину кокосовых орехов.

Под вечер улица будущей деревни была расчищена от растительности, были красиво убраны пальмовыми ветвями первые три хижины, и все воины собрались праздновать нашу встречу, устроив пир. В кострах запекали обмазанную глиной рыбу, а рис в пальмовых листьях тушился прямо под кострами.

Меня привлёк визг собаки. Высокий воин волок ее на веревке в мою сторону. Подойдя ко мне, перехватил ее за задние лапы и ударил с размаху головой о дерево. Размозжив таким образом череп, положил тушку к моим ногам.

Дабы не обидеть дары приносящих, мне не оставалось ничего другого, как принять подарок, но попросил, чтобы они сами приготовили кушанье. Когда подали дымящееся мясо, я раздал его обступившим меня папуасам, не оставив себе ничего, этим подняв собой авторитет альтруиста.

Вождь племени масоку Нь-ян-нуй (Тот, который поднимает всех с утра) сидел возле большого дерева и занят был тем, что брусом какого-то камня обтачивал свои передние резцы на манер крокодильих, иногда, скалясь, обнажал оба ряда остроконечных кривых зубов.

Он подумал, что я недоволен собакой и взмахнул рукой. Цепочка из четырех воинов на головах уже несла пятиметрового удава. Судя по тому, что хвост вращением искал опору, я догадался: удав живой! Сделав надрезы вокруг шеи и вдоль, они ловко сдернули шкуру с еще живого змея.

Но это было очередное моё искусственно продемонстрированное равнодушие.

Ждать пришлось недолго, собрался остальной народ, а двое туземцев внесли на плечах толстый бамбук с привешенной к нему свиньей.

Вождь, держа в руках зеленую ветку, подошел торжественно к свинье и произнес при общем молчании речь:

– Да здравствует, белый человек! Теперь, когда ты будешь с нами, манирока будет совсем худо! Эта свинья дается жителями острова в подарок. Её снесут тебе в хижину. Свинья будет кричать и умолять оставить ей жизнь, а ты не слушаешь. Ты её заколешь копьем, и она умрет. Ты её развяжешь, разрежешь, опалишь волосы, разрежешь и съешь!

Кончив речь, вождь заткнул зеленую ветвь свинье за ухо. Мне поднесли копье. Все хранили молчание и ждали чего-то. Я понял, что дожидались моего ответа. Я подошел к свинье, погладил её и, собрав всё моё знание языка масоку, высказал следующее:

– Я пришел к вам из-за моря не за свиньей, а чтобы видеть вас, ваши хижины, ваши горы, ваше море! Если вы будете хороши, то и я буду хорош! Если вы будете красивы, то и я буду красив! Если вы будете мне братьями, то и я буду вашим братом!

Раздались крики:

– Белый человек хорош, красив и наш брат!

Весь вечер вождь выражал мне полное доверие и признательность, одновременно радость по случаю моего появления у них, потому что я – первый белый человек, которого они видят. Я показывал рукой вдаль в знак согласия, и они с почтением думали, что я посланец от их божества.

Основа дружеских отношений была заложена – это стало очевидным, как ясный день. Только бы не сорваться: больше психологической тонкости, такта, большего понимания внутренних потребностей туземцев, больше вникания в их жизнь и никаких конфликтов, всяческое ускользание от них. Мой разум должен научиться тонко воспринимать их поведение, упорядочивать его в систему и направлять в нужное русло.

Затем туземцы затеяли воинственную пляску с копиями. Танцы у них состоят из грубых телодвижений, необыкновенных поз с приседаниями, резких жестов и прыжков в сторону – всё это под такт музыки, состоящей из битья колотушками в один или несколько барабанов. Для дикарей это такая же забава, как для нас вальс или танцы-обжиманцы.

Но вот туземцы выстроились в две фаланги и грозно взметнули копья. Глядя на ноги воинов, я заметил, что они не просто переступают, а каждый раз сильно притоптывают ногой, передвигаясь навстречу друг другу никак не больше десяти сантиметров. Земля задрожала. Иногда они давали волю своим голосовым связкам “Хак-хак-хак!”, и в звуках слышалась буря страсти, неумолимая ярость мщения, жажда смести врага с лица земли, радость борьбы с ним. Когда же звуки стихали, мне чудилось тихое всхлипывание оставшейся на родине моей жены Раи, её горе и тревога.

Но вот вперёд вышли женщины, они исполняли пляску топтания черепов поверженных врагов, при этом неистово загоняя мелкие камни в землю.

Ко мне подошел вождь и сказал:

– Я предлагаю побрататься со мной кровью.

– Я согласен, – не долго думая, ответил я, чтобы видеть обмен крови своими глазами.

Мы сложили крестообразно левые руки, а правыми сделали друг другу надрезы. Пока темная кровь вождя смешивалась с моей алой, дикари хорошо поставленными голосами выкрикивали проклятия, которым все окружающие внимали с открытыми ртами:

– Да будет проклят тот, кто нарушит данную клятву!

А от группы поддержки, как из глубины пламенной души племени, уже неслось:

– Горе! Горе ему!

– Да будет проклят тот, кто питает затаенную вражду!

– Горе! Горе ему!

– Да будет проклят тот, кто повернется спиной к своему другу!

– Горе! Горе ему!

– Да будет проклят тот, кто в день борьбы отступит от своего побратима!

– Да будет проклят тот, кто нанесет вред другу, кровь которого стала его кровью!

– Пусть чесотка обезобразит его тело и сделает его ненавистным!

– Пусть лишаи истребят на его голове все волосы!

– Пусть змея притаится на его тропинке!

– Пусть его жена никогда не родит!

– Пусть его жена родит шакала или крысу!

– Пусть силы покинут его на брачном ложе!

– Пусть болезни подтачивают его силы, и дни его сократятся недугом!

– Пусть его члены откажутся служить ему, ноги и руки его сведет судорогой!

– Пусть, покинутый всеми, родными и друзьями, бродит он одиноко по свету!

– Пусть его копье своим собственным острием обратится против него!

– Пусть землетрясение, наводнение и извержение вулкана заберёт его с собой!

– Пусть! Пусть! Пусть!

– Горе! Горе ему!

Я тоже внес свой вклад и выкрикнул несколько современных клятв.

– Да пусть изменится статус-кво клятвоступника в сторону ухудшения его жизненного уровня!

– Пусть на него свалится информационная глухота!

– Пусть он ощутит на себе все тяготы полной изоляции от цивилизованного мира!

– Пусть СПИД нарушит его иммунную систему!

Пока мужчины находились в экстазе от выкрикиваний проклятий, женщины выли и стонали, и этим создавали зрелище ещё более жуткое.

Кровь продолжала сочиться, и со мной успели побрататься ещё несколько папуасов. В продолжение всего вечера на будущего клятвоступника сыпались самые страшные злоключения, и я уже находился в таком напряженном зомбированном состоянии, что готов был сейчас же сурово разобрататься с любым из них.

Глава 7. ЦИРКОВЫЕ ЛОВУШКИ ШАМАНА

Переселение племени масоку на остров Надежда – Странный вой в ночи. – Знакомство с шаманом Ка-ра-и-

ба-га. – Во время занятий ушу туземцы принимают меня за нового шамана. – Чревоущание Ка-ра-и-ба-ги. – Встречный обмен. – Вымогательство. – Покушение на мою жизнь. – Эффект со взрывом.

Всё последнее время шел процесс переселения народа масоку на остров Надежда. Деревня расширялась во все стороны. Строились добротные хижины на сваях.

В одну из следующих ночей я не успел проспать и получаса, как был разбужен странным воем. Я оделся и вышел из хижины. Мне пришла фантазия послушать какофонию. Как оказалось, выше упомянутый вой не мог быть ничем иным, как пением. Концерт в ночи давал шаман, подкрепляя свои бредовые бормотания энергичными телодвижениями, кидаясь в разные стороны. Он в одиночестве плясал вокруг костра с нелепыми ужимками и прыжками, и физиономия его была похожа на бесноватого. Звуки были настолько громки и пронзительны, что показались ужасными.

Он был настолько увлечён, что не заметил меня. Я удалился. В другие ночи, нет-нет, да непрерывный барабанный бой, который поднимал шаман, не давал всем спокойно спать, сводил с ума и приводил в трепет суеверных туземцев. В целом, они воспринимали шамана с большой подавленностью и тревогой, а на лицах были написаны благоговение и страх.

Каждое утро, несмотря на погоду, я выходил на берег, начинал с пробежки, а потом целый час делал комплексную разминку. Публикой мне служили обезьяны и попугаи на вершинах деревьев, но я не слышал шумных аплодисментов. Современному человеку, зараженному гиподинамией, нужна утренняя пробежка, чтобы прокачать холестерин. Мои упражнения с элементами ушу не оставляли равнодушными и дикарей, особенно вышеупомянутого шамана, и собирали целые толпы. Индейцы считали испанцев, открывших Америку, за детей солнца, мне же суждено было играть в глазах туземцев роль сына моря, принявшего образ человеческого в волнах океана. Разве у меня действительно такой необыкновенный, одухотворенный вид, чем-то неземной? А что они видели таинственного в моих движениях? Я тогда этого не знал и живого развития последующего интереса не предусматривал.

В один из дней шаман Ка-ра-и-бага (Печень чёрной крысы) соорудил особую палатку из пальмовых листьев, куда пригласил меня.

– Не ходи, – сказал мне Хуан. – Ходи туда, куда ты собираешься, в другой раз. Знай, с тобой случится беда, если не последуешь моему совету.

Я передернул плечами, охваченный тревогой, но всё же сказал:

– Ничего со мной не произойдет.

Хуан показал вверх, где на дереве расположился чёрный какаду, высказывающий что-то по этому поводу громким уханьем, недвусмысленно вертя головой.

Я упрекнул себя в трусости, и хотя Хуан настоятельно отговаривал, я не уступил его предупреждению.

Еще никого не было, а шаман занялся тайными обрядами. Он разжег курящиеся кадильницы и, подойдя ко мне вплотную, спросил:

– Кто ты и откуда и куда и зачем?

Я ответил:

– Меня все знают – я белый человек.

Шаман поспешно продолжал забрасывать меня вопросами:

– Знаешь ли ты бога Дуссонго?

– Это мать всех масоку! – первое, что пришло в голову, уверенно сказал я софизм, зная, что никто правильно не ответит на такой вопрос.

– А кто такой Высший Дух?

– Это бабушка всех масоку!

Что удивительно, после небольшой мозговой заминки шаман не стал меня разубеждать и даже остался доволен ответом.

– Ты пришел к нам из-за моря?

– Да.

– Почему же ты не идешь к своим друзьям за море? – спросил шаман.

– Я собираюсь, – ответил я. – За мной должна прийти большая пирога.

– Было бы лучше, если бы ты сделал это раньше! – заявил он.

– Постараюсь!

– А далеко ли пироге плыть?

– Если кто быстрые ходоки, то уже через пять дней к полудню можно добраться до моего дома, а мне на пироге придется плыть всю ночь, чтобы поспеть туда завтра.

Разговор проходил таким образом, чтобы был доступен шаману. Я его не обманывал, выдерживая геометрические соотношения, которые туземцы могут представить для себя. Например, переход на Луну для них равен восьми пальцам-дням, а до солнца – десяти. Насколько становится понятным, мой дом не должен быть дальше солнца.

Привели женщин из дальних деревень. Шаман, с хитро прищуренными блестящими глазками, растирал в пыль какие-то пахучие корешки, пришепetyвал, заливал кипятком, поил женщин бурым, горько пахнущим настоем.

Женщины легли ногами к огню, от которого шел неприятный и непонятный дым. Он больше стелился понизу и обкуривал их.

Обкуривал он и меня. После этого я, видимо, потерял сознание, так как ничего не видел и не помнил. Когда же, наконец, пришел в себя, несколько женщин держали меня за руки, и на их лицах я увидел выражение тревоги и ужаса. Я никак не мог сообразить, что же случилось, пока не услышал громкие возгласы торжествовавшего шамана.

– К огню! К огню!

Женщины снова расположились ногами к костру. Ка-ра-и-ба-га, весьма посредственный чревоушатель, с грехом пополам подражал различным звукам животных, птиц, шуму водопада, раскатам грома, вою ветра, пытаясь убедить присутствующих, что звуки исходят из женщин. Все это время, воспроизводя ужасную какофонию, он заглядывал мне в глаза, желая узнать, какое произвел впечатление. Эти его фокусы и ужимки могли ввести в заблуждение кого угодно, только не современного человека. Я делал невозмутимое лицо, а его это видимо бесило.

Шаману было в новинку мое равнодушие, он отступил на шаг назад и смерил меня удивленным, более того,

недоумевающим взглядом, затем стал прохаживаться взад и вперед, очевидно, обдумывая что-то. Лицо его становилось все грознее и злобнее, а под конец он разразился громким раскатистым смехом, от которого женщины встрепенулись. Их медленное вставание представляло собой вялость, и он с неудовольствием покачал головой – это было совсем не то, чего ему хотелось.

– Эй, вы, неразрешившиеся от бремени коровы! – крикнул он, стуча в барабан. – Покажите, как пляшут масоку.

Костер бросал свой яркий отблеск, а женщины, больше похожие на тени, чем на живых людей, медленно образовали круг вокруг меня.

Танец выражал топтание на месте и был лишен задора.

– Пляшите хорошенько, общипанные клухи! Разве так пляшут духи?

Движение переросло в дикую истерию, направленную в мою сторону. Это был заразительный танец. Женщины делали прыжки вперед, точно желая напасть на супостата. Наконец, они, вознамерившись поразить его, набросились на меня так бешено, что шаман пришел в настоящий восторг.

– Отлично! Чудесно! – кричал он. – Ну, Капитана, держись, знай масоку!

Я всматривался в хищное выражение лица.

– Ты – не более, как белый! – надменно кричал Ка-ра-и-ба-га, плохо сдерживая нарастающую ко мне ненависть, затем продолжил: – Хотя ты и стал масоку, в душе так и остался презренным недругом.

Женщины облепили меня со всех сторон, так что я не мог пошевелиться. Одна фанатичка схватила факел и осветила мое лицо.

– У него и под лицом всё белое? – спросила она, а другая уже неистово рвала мою рубашку из листьев, чтобы хорошенько разглядеть тело удивительного белого человека, о котором столько слышались.

– А такая ли у него кровь, как у нас? – снова спросила папуаска и, чтобы убедиться в этом, уколола меня в грудь шипом и засмеялась, когда на месте укола заалела капелька крови.

Другие женщины немедля повторили её жестокую проделку.

Как кипела кровь во мне! Я не мог защищаться, потому что на теле висели фанатички шамана. А между тем уколы шипов могут быть иногда болезненнее ран от копья или стрелы.

По лицу шамана, как тараканы, бежала корявыми морщинами злоба, оно дышало первозданной дикостью от вида и запаха крови, хотя соплеменники считали его по нашим меркам интеллигентом и интеллектуалом. Но вызывающий у них ужас. Ка-ра-и-ба-га был для всех даже больше того – высокоцивилизованным – он съел неизлечимо больную женщину, избавив её мужа от обузы. “Прекрасный людоед” – так говорили про него масоку, как мы говорим про кого-то: “прекрасный семьянин”, “прекрасный мастер”.

Наконец, женщины насытили своё любопытство от ощупывания и разглядывания моего тела и разошлись.

Визит к шаману оставил неприятный осадок, я ушел, шатаясь, нетвердым шагом, и предпочел любоваться уникальной природой из-под куста отелло, с хищ-

ным взглядом склонившегося над дездемоной. Я едва мог оторвать взор от попугаев, поедавших спелые плоды василисы. Сезон дождей в этом году припозднился, говорят туземцы. Но вот уже несколько дней дует ласковый нежный ветерок, приносящий пряный запах кустов вероники попеременно с анатолием. В чужой ботанике я абсолютный профан, поэтому растениям даю названия собственными именами. Цветы их глафира и нинель огромные, темно-голубые и чужие, но почему-то напоминают мне родину и волосы моей незабвенной жены Раи.

Меня посетило разочарование. О, как бы я мог посвятить себя служению науке! О, как бы я предавался научным исследованиям! О, как бы я подробно и аккуратно заносил в журнал все свои наблюдения, отыскивал и изучал редких, неизвестных ещё представителей флоры и фауны! О, как бы я завел себе тихий уголок, и превратился в скромного кабинетного ученого и производил в микроскоп свои исследования и наблюдения с большой любовью и преданностью делу, и тысячи натуралистов и ученых позавидовали бы мне.

А пока я всё держал в голове. Голова была моим рабочим столом, на котором мысленно громоздились микроскопы, термометры и барометры.

Как говорится: когда пушки стреляют, музы молчат.

Я часто выхожу на берег моря, жадно вдыхаю запах бархатно-звездной ночи, мой взор обращен в небо на молочной спелости серп луны и дальше я возношусь мыслями в северное полушарие. Что меня ждет в будущем? Может ли чужбина доставлять радость, даже если психологически настроить себя должным образом? Возможно ли возвращение на родину? Эти вопросы волновали меня и больше были обращены к жене Рае: как жить дальше, как жить так, чтобы не отсечь прекрасное прошлое и не думать ни о чём, кроме волнительного мига будущей встречи? Ужасное состояние, о котором нельзя ни с кем поговорить, ни с кем поделиться, даже со всё понимающим, преисполненным сострадания Хуаном, у которого родина тоже была не здесь. И в этом мы были неразделимы – безнадежность можно только усилить и усугубить, если предаваться безутешному горю.

Нельзя останавливаться на полпути, что свело бы на “нет” достигнутые успехи. Закрепить их – вот очередная задача. И я всё делаю для этого.

Встречный обмен идет живо и бесперебойно по курсу: двадцать кокосов – один контрацептив. Соотношение здесь приемлемое, диктуемое внутренними законами рынка, с обоюдного согласия сторон, хотя на родине за двадцать контрацептивов мне не дали бы ни одного кокоса⁵.

В течение следующих месяцев я продолжал быть объектом всеобщего поклонения. Мне нравится быть в роли потерпевшего кораблекрушение, хотя туземцы этого не понимают. Для них не существует большего корабля, чем их пирога. Они не воспринимают понятий, что есть географические точки на земле, где живут в мегаполисах скученными массами сразу по несколько миллионов человек – больше чем их племя.

Мой постоянно растущий авторитет пробудил зависть и раздражение в шамане, до этого имевшего неог-

раниченное влияние на суеверных туземцев. Только благодаря хитрости и вероломству, он ещё пользовался всеобщим уважением, хотя в прошлом, сильно испытывая голод (это, живя среди роскошной растительности и многообразия дичи!), съел одну из своих жен, затем другую, без тени сожаления. Я у него встал поперек дороги, и он всё больше продолжал строить козни, поклявшись костями своих предков уничтожить меня. Как я позднее узнал, он успел настроить против меня большинство туземцев, обвиняя в высокомерии и зазнайстве, утверждая, что я навлекаю на их племя различные беды. Теперь мне приходилось пожирать плоды его антирекламы. Я вкусил в полной мере, что на этой почве многие туземцы очень даже злы на меня. Их угрюмый вид и нежелание со мной разговаривать доказывали, как нелегко будет преодолеть недоверие, что на это потребуется немало терпения, воли и такта в обращении с ними с моей стороны.

Но я подолгу не выходил из хижины, предпочитая не обращать на происходящее никакого внимания, и не опровергая несправедливых обвинений шамана.

Прошло много дней, пока я, наконец, не разгадал истинные намерения Ка-ра-и-ба-ги, очень часто околичающегося поблизости от моей хижины. Делал он это, чтобы позлить меня и вывести из равновесия, дожидаясь моей оплошности. Во всяком случае, как-то в полдень он, совсем голый, пришел к моей хижине. Его появление показалось мне таким забавным, что я не смог удержаться от непочтительного смеха, от которого он рассвирепел и, видимо, затаил обиду.

И все же шаман был дальновидным человеком. Однажды, застенчиво прячась за косяк двери, конфузливо улыбаясь и в то же время совершенно невольно проявляя некоторую фамильярность, он вошел в мою хижину, этим нестандартным поступком совершенно убив меня. И это человек, которому стоило только нахмуриться, как папуасы теряли головы, его гнев приводил их в бессознательное состояние, любой никчемный приказ его мог бросить их на верную смерть.

Он уселся на лавку и с заискивающей улыбкой ждал, когда я обращу на него внимание. Но можно ли доверять змее? Не есть ли она мать лукавства и лжи? Змея умирает, но яд ее зубов сохраняет силу в течение многих лет.

– Чем я обязан визиту? – спросил я с резкостью и суровостью.

Он только ещё шире растянул рот в улыбке.

– Ка-ра-и-ба-га, так что тебе нужно?

Он задвигал широкими губами.

– Ка-ра-и-ба-га хочет один “буф-буф”, Капитана.

– Один “буф-буф”? О! – вскричал я в притворном ужасе при упоминании чего-то огромного и неосуществимого. – Зачем тебе “буф-буф”?

– Мне надо взять шестую жену.

– Ах, тебе не хватает ещё одной жены!

– Да, Капитана. Я уже договорился.

– Рука Высшего Духа схватит тебя и накажет за многочисленные браки.

– Он сам сказал мне: “У тебя мало жен”.

Я удовлетворил его просьбу одним “буф-буф”, но Ка-ра-и-ба-га всё не ухотил.

– Что тебе ещё нужно? – спросил я.

⁵ В те времена кокосы в России уже не были необыкновенной редкостью.

– Батат сильно вырос, свинина жирная, курицы несут яйца, рыба большая...

Я остановил его словоизлияния.

– Чего ты хочешь?

– Рыба была пересолена, а потому жесткая. Сколько раз говорил, что рыбу нельзя сильно солить! Я битком набит солью. Чрево моё отяжелело от неё. Нет легкости сердцу, мои ноги ослабели и не несут меня...

У Ка-ра-и-ба-ги появились слезы, он явно хотел разжалобить меня.

– Так тебе мало, ты ещё просишь?

– Да, да, ибо не густо “буф-буф” в моей хижине, и я могу умереть.

– Два “буф-буф” отсрочат твои похороны надолго! – сказал я резко.

Даже получив своё, Ка-ра-и-ба-га не трогался с места.

С вымогательством бороться всегда трудно, но возможно, и я сказал:

– Вот тебе ещё два “буф-буф” твоим женам на череповые гребни, только немедленно пропади с глаз долой.

– Однако подарки твои хороши! – изумился шаман. – Я их принимаю и буду стараться отвести от тебя мщение Высшего Духа.

Но это не означало, что мы стали друзьями. Однажды, когда я возвращался с моря, он подстерег меня, схватил за волосы, сжал за ребра и закричал:

– Вот твоя смерть! Посмотри и запомни это место, где шакалы и стервятники будут обгладывать твои кости.

– Почему ты собираешься применить насилие? – выкрикнул я.

– Ты чужак, – сказал он, – бесполезный среди нас. Похваляешься, выставляя себя над нами, и хочешь, чтобы мы почитали тебя, как Высшего Духа. Мне давно надоела твоя наглость, и я решил покончить с тобой немедленно.

Перед тем, как на мою голову обрушится удар чудовищной силы, я успел увидеть невыразимо страшное, перекошенное яростью лицо, а выпученные глаза были налиты кровью.

– Не пристало мне бояться тебя! Ты уже давно убил бы меня, будь ты мужчина, вместо того чтобы угрожать мне теперь, – спокойно ответил я, чувствуя его медленные тиски.

Свыкнуться с мыслью о близкой и неминуемой смерти было тяжело. У нас в роду все люди крепкие. Видя, что дело плохо, я резким движением освободил голову, оставив в его руке клочок волос, затем мой обидчик вознёсся высоко, чуть не в самое небо. Я был доволен наказанием, понесенным несостоявшимся убийцей: мои два помятых ребра не стоили пробитого черепа шамана о ствол смоковницы – от удара её ветки качались, как морские водоросли в шторм.

– Что с тобой случилось? – спросил вождь Нь-ян-нуй, увидев на мне гематомы.

– Я хотел поиграть с одним человеком, но игра нас опьянила, стала чересчур буйной и от того неосторожной, – уклончиво ответил я.

– Нельзя, разве, было увернуться?

– Мы встретились на одной тропе – она была слишком узкая, чтобы разминуться.

Догадавшись о подоплеке ссоры, вождь сказал, обнадежив меня:

– Знаю, это шаман. Он по тропе идёт широко, никому не давая прохода. Он сделал недоброе дело. Счастье, что тот, кого он хотел убить, остался с нами живой и невредимый! Я не потерплю нападок на моего друга, во всем похожего на нас. Я не позволю шаману оскорблять тебя и, тем более, наносить тебе раны.

– Но как сделать так, чтобы он оставил меня в покое? – спросил я.

– Ты претерпел ранение от шамана, я считаю его преступление равным злодейству и, согласно обычаю, ты должен отомстить своему обидчику. Или членам его семьи или рода. По крайней мере, мы этого ждем от тебя. Предоставляю тебе самому произнести приговор над ним, явно виновным в покушении на твою жизнь.

– Каким образом?

– Он достоин смерти или всякой другой казни...

– Например?..

– Можешь съесть его...

– Я готов разорвать его на мелкие кусочки!

– Это слишком жестоко, – поморщился Нь-ян-нуй, – но съесть его надо обязательно.

После этих слов вождь сразу посветлел.

– Он встал у меня поперёк горла, и я как удав расширю пищевод для него! – дал я слово.

– Правильно, сделай доброе дело. Твоё горло должно превратиться в большой длинный пустотелый бамбук, зауженный к концу.

Все эти соображения побудили меня принять любезное предложение вождя, но не прошло и часа, как я убедился, что в состоянии даже самого грандиозного противостояния или иступления, даже невероятного голода или помутнения сознания, я не способен на какую-либо месть.

Длительная болезнь шамана оставила меня на некоторое время без его персонального внимания.

Только на время.

Ка-ра-и-ба-га снова был замечен мною подозрительно заглядывающим в хижину ночью, и делавшим попытку войти в неё, но я жестом и словом “табу” остановил его. И ещё сказал:

– В моей хижине нет места для таких людей, как ты, и я надеюсь, ты сюда скоро не войдешь!

– Нет, войду!

– Нет, не войдёшь!

Не знаю, что на шамана подействовало – угроза или предупредительное слово, но он ушел, сказав мне:

– А все-таки я смелее тебя, Капитана! Я прошел через сонмище духов, прокрался через их ущелье, я разбросал там черепа, чтобы их раздобыть, я на четвереньках продрался поперек горы и обратно. Мне надоела говядина и поросьятина, и человеческое мясо! Я слышал духов, носящихся там в темноте, одного даже поймал и съел совсем ещё теплого! Ха, ха, ха! Вкусное мясо! Вот что может сделать Ка-ра-и-ба-га.

Он ещё хвастался разными злодеяниями, учиненными им:

– Я как-то съел много манирока – они все здесь, – он показал на свой живот. – Ни один не убежал. От меня не ускользнешь! Потом я съел... свою третью жену! Ха-

ха, теперь она среди них, и пусть своей трескотней и склоками докучает им, а не мне!

Бедные женщины! Вот это было откровение.

“Он несет всякий вздор!” – подумал я. Слова шамана заставили меня задуматься – в его болтовне могла быть и доля правды.

Еще он сказал мне:

– Твоя жизнь в пасти акулы. Так или иначе, ты не жилец на этом свете.

В ответ я заявил:

– В таком случае тебе нужно напасть на меня, когда я сплю, ибо иначе не представится удобного случая и не удастся нанести мне вред.

Я надеялся, что шаман, наконец, прекратит причинять мне неприятности, но, внемля моим последним словам, он решил подобраться к моей хижине сверху. Вот как это случилось. Думая, что я дома, он забрался на высокое дерево и обрубал каменным топором его ветви. Он решил похоронить меня, сбросив почти все ветви на хижину. Хорошо, что это происходило в моё отсутствие. Для надежности претворения своего злобного замысла до конца, он решил залезть выше, чтобы срубить верхушку. Но несколько верхних ветвей, упав на вершину соседнего дерева, отскочили назад и сильно ударили его в грудь. Он рухнул с большой высоты. Я нашел его на полу в своей хижине, в которую он попал, проломив крышу. Много времени он пролежал без сознания, а придя в себя, лишился голоса и долго пытался объяснить мне жестами, как ему плохо и чтобы я принес ему воды.

Я подал ему воды, более того, я вправил одну конечность, я выходил его до ходячего состояния, и он не нашел в этом ничего предосудительного. Во всяком случае, шаман, хромя, бродил по деревне с палкой, глаз у него так распух, что в течение нескольких дней он им ничего не видел. Эти увечья придавали ему крайне смешной вид, так как он и без того был неуклюжим и уродливым. Но что удивительно, настало спокойное время, и я ни разу не слышал, чтобы он на меня низводил напраслину.

Я уж грешным делом подумал, что после моих заботливых и ласковых ухаживаний, наконец-то, приобрел в его лице если не друга, то хотя бы с чувством благодарности товарища, но тогда же пришлось заметить, что он не стал относиться ко мне более дружелюбно. Всё же, последний еще не раз доказывал, что он как был, так и остался психопатично склонный к насилию.

Ка-ра-и-ба-га не прекратил бродить вокруг моей хижины, явно намереваясь меня прикончить, но мне постоянной бдительностью удавалось избегать смерти. Несомненно, он исполнил бы своё данное ранее обещание, подвернись ему удобный случай.

Его хроническое мельтешение перед глазами причиняло мне бесконечные неприятности. Я пригрозил шаману жестокой карой, если он осмелится повторить свои попытки, и взял за правило делать вид, будто совсем не замечаю его постоянных козней.

После ещё одной неудачной попытки меня зарезать он от ярости и неудовлетворенной жажды мести стал демонстрировать в сторону моей хижины, как ритуал, непристойно-сладкие глаза и эротические оскорбительные жесты, которые обычно позволяют себе только

женщины в своем кругу. Эта нимфомания вызвала насмешки над ним даже со стороны его соплеменников.

И всё же этот туземец продолжал мне докучать своими проделками. Если мы встречались с ним на одной тропе, он никогда не уступал дороги, даже когда шел налегке, а я нес на спине тяжелую поклажу. Как бы то ни было, постоянные преследования шамана мне надоели, и я старался его избегать. Не желая случайно оказаться по соседству с Ка-ра-и-ба-гой, я придерживался проторенных мной троп. Но глупо не столкнуться в назначенный срок в определенном месте. Он встретился мне в сопровождении спутников там, где от дороги отходила моя тропа. Он остановился, и я услышал:

– Подождите здесь и смотрите, пока я не прикончу этого белого человека.

С этими словами он сложил свою ношу на землю, достал нож и знаками велел мне глядеть вверх. Я понял, что он мне приказывал в последний раз взглянуть на небо, потому что готовился меня убить. Приближаясь ко мне мелкими шажками, Ка-ра-и-ба-га поднял нож над головой, целясь в меня. Какое-то время между нами продолжался безмолвный поединок взглядами. Простояв некоторое время в таком зловещем положении и поняв, что этим меня не запугаешь, он, как воины перед битвой, начал бесноваться, прыгая из стороны в сторону и испуская вопли. Так как он при этом продолжал изрыгать проклятья и целиться в меня, я решил действовать на опережение. Да, я понимал, что жизнь мне скупо отпускала средства к существованию, и что сохранить её удастся лишь при крайнем напряжении всех сил. Неожиданный оборот вокруг себя и моя нога, вобравшая в себя полет пращи, молниеносно сделала то, что никто из присутствующих толком ничего не понял.

Шамана по воздуху отбросило на несколько метров, а его спутники разом, точно снопы, пали на землю. Ноги их так тряслись, что они, вставая, не могли устоять даже на корточках. Некоторые осмелились взглянуть в мою сторону, поднимая немного голову. Было интересно видеть выражение страха, написанного на их лицах: рты были полуоткрыты, языки двигались, но ещё никто не мог внятно произносить слова, глаза также были расширены более обыкновенного.

– Унеси своё страшное оружие! Не мечи молнии! – повалившись в мои ноги, стали просить они. Трясущими руками многие из них делали знаки, чтобы я больше не повторял этого.

Последствия от удара шаман ощущал долго. Лишь к концу следующей недели его сознание прояснилось, а состояние несколько улучшилось. Об этом в деревне только и разговоров было.

Многие сошлись в одном мнении:

– Да, это был удар молнии!

– Только почему-то в ясный день! – сомневались скептики.

Брожение в разговорах приняло громкий характер и под конец все пришли к заключению:

– Очень правильно – бог Дуссонго может всё!

Все принялись криками на всю деревню превозносить его.

– Бог Дуссонго велик!

– Бог Дуссонго живой!

Диву даюсь, но туземцы очень смысленный народ, а некоторые их представители чересчур мстительны. Это я опять про шамана.

Он настойчиво кружил кругами вокруг меня, он надзирал за всеми моими передвижениями с удивительным проворством, но уже не задирался, и наши мимо-летные встречи нос к носу он всегда обставлял словами:

– Как, ты ещё не уплыл? Почему ты не уплыл, ведь ты обещал?! – Его наивная искренность меня поражала.

Проникновение в мое жильё стало его идеей фикс. Нового посещения в хижину надо было ожидать день на день и, так как дикари очень чувствительны к незнакомому шуму, я решил устроить шаману встречу с маленьким взрывом. Я надул штук пятьдесят контрацептивов и спокойно улегся отдыхать от дневной духоты. Ждать визита не пришлось долго. Когда он в очередной приход – на этот раз днем – сунулся носом в мой дом, колючки мигом пронзили шары. Хлопок был такой силы, что лицо Ка-ра-и-ба-ги представляло забавное зрелище: оба его глаза расширились, губы плотно сомкнулись, щеки побелели. Через секунду шамана словно ветром сдуло, а вслед за ним в деревне поднялась суматоха и крики, от которых содрогнулись небеса.

Некогда гуси спасли римский Капитолий от варваров, а контрацептивы меня. “Спасибо вам, милые!” – мысленно произнес я.

После этого случая шаман долго не досаждал мне.

Глава 8. ВЕРШИТЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СУДЕБ

Энтомологические зарисовки острова Надежда. – Меня мутит от запаха гниющих бананов. – Попытка проникновения в происхождение племени масоку. – Туземцы называют изделие “карассо”, а меня Капитана. – Первые уроки полового воспитания для туземцев. – Я наново переписываю историю насильственными способами. – Открытие миссионерского пункта.

Сейчас самое время остановиться в кратких чертах на том, что мне известно об острове Надежда. Поразительно плодородие этой земли! Обилие съестных припасов составляет одну из самых примечательных особенностей этих мест. Десять батальонов могли бы квартировать здесь, не имея ни малейшей надобности в провиантских обозах. Стоило только потрудиться – сорвать плоды да в рот положить.

Там, где склоны были лишены древесной растительности, росли дикие бананы: они поднимались вверх и своими пышными шатрами осеняли самые высокие холмы, прогулки по которым небезопасны. Сотая часть этих бананов шла в пищу человеку, десятая часть шла на еду свиньям и обезьянам, а всё остальное превращалось в свалку отходов. Гниющие в изобилии поваленные стволы бананов и валяющиеся на земле переспелые плоды издавали противный запах, от которого меня выворачивало. Кистью руки я измерил плоды здешних бананов и оказалось, что они длиной почти в полметра, а толщиной в мою руку у предплечья.

Однако мои природные познания в отношении острова не столь велики из-за моего случайного характера

попадания на него и отсюда неподготовленности. Тем не менее, тщательно собираю сведения, касаемые флоры и фауны. К сожалению, центральная часть острова все ещё остается недоступной, а потому неисследованной, поскольку громадные деревья спускают свою листву до самой поверхности земли, а различные паразитирующие на них растения и бесчисленные лианы образуют своими гирляндами сплошную стену, пройти которую без топора почти невозможно. Единственно, что я отметил для себя, природа подарила туземцам свой мягкий, жаркий, сырой климат. А места здесь, действительно, уникальные. Только скучающий, недовольный, ворчливый, малокровный и страдающий отверделостью печени чужеземец, встав на трехметровой высоты муравейник и глядя на обросшие мхом скалы в грядках невысоких гор, разделенных речушками, лихо несущимися по лощинам, воскликнет: “Да где же тут красота! Это, что ли?”

Замечу мимоходом, что я не зоолог, не антрополог, ни этнограф, ни геолог; из каждого раздела хорошо усвоил один-два популярных термина: пальмы, лианы, скальпы, набедренные повязки, коралловые рифы, поэтому да простят мне читатели упущения чисто познавательного характера. Но насколько я понял, в биологическом отношении остров Надежда имеет свои особенности. Какие? Опять же по вышеперечисленным соображениям подробно описать не могу.

Помню ещё из курса географии, что есть малайцы, меланезийцы, полинезийцы, австралийцы, отличающиеся по языку, по наружности и характеру. Для меня они предстают, как собирательный образ, сконцентрированный в одном слове – папуасы. Поэтому мне трудно разрешить вопросы: где находятся исторические корни масоку, к какой ветви их отнести, к какой группе народов они ближе по происхождению, языку, менталитету и традициям, в чём их расхождения с другими народами. Масса вопросов одолевала даже меня, совершенно постороннего наблюдателя. Так всё же, масоку – кто они такие, к какому народу мои туземцы относятся, а возможно это совершенно новая ветвь человечества, доселе неизвестная науке на пороге XXI века?

Жизнь среди туземцев оставляла мне полную свободу деятельности для последующих наблюдений, поэтому я свою жизнь подчинил их изучению.

Туземцы называют изделие “карассо”, а меня Капитана, благодаря рекламным стараниям Хуана. Когда они просят: “Капитана, карассо!” – не могу отказать этим добродушным, уже просто ручным, дружелюбно настроенным, хорошо меня принявшим и удивившим большой тягой к знаниям, людям. Однажды я задумался, каким образом слово “карассо” прилепилось к контрацептивам, когда и каким образом это произошло, мое это слово или их, но так конкретно не смог вспомнить. Помню, что при демонстрации показывал большой палец вверх и причмокивал губами от удовольствия. Этимология слов – странная наука! В какой-то момент я почувствовал, что часто употребляющееся в их словаре “карассо” приобрело ещё и смысл изъявления благодарности. Не удивлюсь, если они будут приветствовать друг друга словом “карассо” взамен своего “доброе утро”. Не совсем нравится, что в слово “Капитана” они стали вкладывать религиозный смысл “чужак, пришелец, человек с неба”.

Как я полагал, те зерна добра, которые от меня падают в душу туземцам, увязших в закостенелом язычестве и варварстве, впоследствии принесут свои плоды просвещения. Так и случилось. Последующие уроки полового воспитания не явились каким-то шокирующим испытанием для туземцев, хотя когда-то они выражали смущение. Но далее... Я не отрицаю, что далее они даже не были глубоко задеты моей бестактной демонстрацией контрацептивов, и им не надо было сдерживаться, а мне ломать лед недоверия. В итоге, у них получалось, если не очень, то приемлемо, даже не хуже, чем у учителя. Здесь решающую роль сыграло то, что я вовремя сделал ставку на радикально-настроенную молодежь, которая всегда является наилучшим проводником всего нового и передового и не умеющая скрывать свои чувства так хорошо и законспирировано, как взрослые люди. Только молодежь способна на революции. И вот эти молодые люди смотрели на меня с восхищением и подобострастием, как попки подражая во всем мне, а за ними потянулись старики. Я стал одной из достопримечательностей острова, и это вскружило мне голову, и не то чтобы слегка, а порядком. Я парил в воздухе, я не чувствовал под собой земли. Я был опьянен до умопомрачения. Я купался в лучах славы с утра до вечера от выпавшего на мою долю успеха, от шальной мысли: «неужели, кто-то ещё есть неспособные по отношению ко мне в проявлении своей признательности в любви?»

Только теперь пришла уверенность, что от меня зависит судьба успеха сделать папуасов счастливыми, дабы не оставить их несчастными. Как подобает неистощимому исследователю, я решил двигаться в своих исследованиях дальше. Если одни ученые делали упор на внутривидовую борьбу, другие – на половой отбор, то у меня напрашивалось свое собственное направление, возможно, симбиоз того и другого в равной степени применимый к растениям, животным, к людям – ко всем существам, задумывавшихся или не задумывавшихся над своими биологическими поступками. Эта та самая сфера жизнедеятельности, в которой даже кролика можно смело назвать академиком, настолько он вышеозначенное делает профессионально и виртуозно. И я перепробовал всё, что подсказывала фантазия.

Что интересно, во время самолюбования ни разу не заронилось сомнение, хотя подспудно я ещё ждал, что встречу непреодолимое препятствие, и вместо мирного и всепроникающего расположения придется прибегать к некой силе. Но всё получилось в лучшем виде, и, Слава Богу, всё обошлось.

Интересную противоречивую позицию я занимаю со своим вторым «я». «Этого делать нельзя, не переписываю ли я наново чужую историю насильственными способами? – спрашиваю я сам себя и отвечаю. – Всё в историческом контексте, есть точный далеко идущий план мероприятий культурной революции, оздоровления нации, я готовлю туземцам самую блестящую перспективу в их развитии, какую только можно себе представить. Это будет море согласия, а ещё больше – море гармонии. Когда за мной приплывет корабль, они будут в своем развитии на несколько порядков выше, не проходя стадии стального топора».

Я часто предаюсь такого рода философским размышлениям, прохаживаясь на ночь по берегу, а чтобы

моя деятельность была оправдана с точки зрения исторического генезиса, решаю в своем единственном лице открыть миссионерский пункт, необходимость которого витает в воздухе, поскольку уже всё делаю под знаком милосердия и сострадания.

Миссионеру положено утверждать идеалы и, когда он видит, что люди застыли в своем доморощенном развитии и неизвестно как долго у них продлится эта фаза и насколько они способны что-либо предпринять для выхода из тупикового состояния застоя, он не имеет права оставаться в стороне совершенно спокойным и индифферентным.

Миссионер! Это значит проникнуться великими идеями и задачами!

Миссионер, образно говоря, первый пролагает тропинку в недоступных, в нетронутых дебрях; только он в состоянии пройти через самые густые чащи тропического леса, и эти пути неудобны для парадных карет и для праздно гуляющей публики.

Я тоже не хочу быть безучастным. Не в моем духе быть случайным и равнодушным свидетелем. Я должен защищать бедную и несчастную расу, отстаивать в этой стране добрые дела и приблизить день, когда над народом масоку взвевается знамя новейшей эпохи.

Я даю себе клятву, что топором прогресса прорублю девственные леса социальной отсталости!

Итак, ничего, кроме миссионерства, если хочешь выжить. Всё лишено смысла. Всё, кроме самой жизни.

Глава 9. ЖЕНИХИ И НЕВЕСТЫ

Странный способ расположения к себе. – Постель моя пуста и холодна. – Вождь Нь-ян-нуй желает женить меня на своей дочери. – Ночная визитерша. – Попытка женить меня на кокосовой пальме. – Тайное предупреждение шамана. – Короткая линия моей жизни. – Откуда у туземцев появляются прекрасные жены. – Вождь передал мне право первой ночи.

Я был воодушевлен первыми результатами жизни на острове, несмотря на неоднократные тактичные предупреждения вождя, чтобы я не зарывался и был осторожен, что даже он, брат по крови, не гарантирует мне полную безопасность.

Постепенно народ масоку весь переселился на мой остров; думаю причина во мне, навстречу моему растущему влиянию и притяжению. Как грибы растут спутники-деревни.

Однажды, когда я поджаривал себе кусочки банана, подошел вождь Нь-ян-нуй с обезьянкой. Его длинные и густые волосы были охвачены обручем, на шее висело ожерелье из чёртовых пальцев, перемешанных с человеческими зубами. Его собственные зубы были обточены и заострены на манер леопардовых. Грудь и живот украшали два ряда шрамов, некоторые были нарисованные.

– Капитана, – сказал он, – дарю тебе эту обезьяну на жаркое.

Я уже протянул руку, но Нь-ян-нуй взял обезьянку за задние ноги и ударил с размаху головой об угол хижины. Размозжив ей подобным образом череп, он положил её к моим ногам. Сделал он это так мгновенно и вирту-

озно, что я не успел его остановить. Опасное постоянство демонстрировать передо мной садистские наклонности, но я вежливо принял подарок.

Объяснение поступка было не очень длинным, но логичным для среднего ума:

– Мясо змеи делает глаза блестящими, мясо енота разгоняет кровь, а мясо обезьяны дает красоту телу.

Затем вождь, занявший место напротив, продолжил дальше нараспев:

– Капитана, ты никогда раньше не бывал на нашем острове, и я хорошо знаю, что заставило тебя прийти к нам издалека.

– Интересно, что?

– Подарить нам карассо!

В дальнейшей жизни на острове я неоднократно пользовался этим приемом и получал нужную информацию. Туземцы, как наши чукчи, сами торопились ответить на свои же поставленные вопросы. Мне оставалось только вставлять между ними утвердительное “да”.

– Да, да, – не стал переубеждать я его, подавая один карассо.

Сначала старик упорно увертывался от подарка, но я видел горящие глаза, как у алкоголиков перед бутылкой, испытывавших глубокое похмелье, и проформу отказа, и когда его удалось убедить взять, он высказал благодарность:

– Вот чему меня учили старики много лет назад, когда я сам был ещё ребенком, – сказал он. – Относись к людям хорошо и старайся сделать им добро, особенно если это чужеземец, пришедший издалека, или человек покинутый и одинокий. Старики говорили мне, что если я буду так поступать, то и бог Дуссонго меня не забудет, поможет и вознаградит за добро, которое я сделаю.

Достойные каждого гражданина слова, заслуживающие навечно закрепления на камне, меня умилили.

– Да, да, конечно, – повторял я и заставил принять вождя еще два карассо.

Вождь положил обе руки мне на голову и несколько раз провел ими по волосам.

– Сын мой, – торжественно начал он, что-то новое, – ты живешь среди нас, ты стал настоящий масоку, ты такой же сильный, как леопард, такой же красивый, как обезьяна. У нас не принято быть одному. Постель твоя пуста и холодна. Тебе подобает иметь молодую и сильную жену, которая бы наблюдала за твоим имуществом, вела хозяйство и присматривала за детьми. Ты должен иметь один со мною общий дом...

Он долго повторялся в том же духе, и слезы иногда выкатывались из его глаз.

– О вождь, благословенный богами и духами, любимый народом масоку, почитаемый всеми видами животных и растений, притягивающий своей мудростью скорпионов и тарантул, располагающий к себе все мелкие твари, и прочая, прочая, прочая, не рано ли говорить об этом? – я без колебаний отверг его просьбу.

– Послушай, упрямый человек! – Всё это вождь стал тянуть очень медленно, потом остановился и продолжил слова ещё медленнее: – Ты добр, Капитана, об этом знают все масоку. Ты давал нам много карассо, чтобы всем было хорошо. Ты справедливо обращался с нами – этого не забудут масоку. Капитана – ты наш друг и брат! Но

нам совсем не безразлично видеть, как ты сохнешь без женщин, как страдаешь от одиночества...

– Я не собираюсь жениться на туземке! – Этими решительными словами я хотел окончательно завершить разговор.

– У нас других нет, – услышал я фразу. – Все девушки чёрные. Они не белые – это правда. Но те, которые есть, не подадут повода для твоего разочарования. У них масса преимуществ – они ночь делают ещё темнее и оттого нежнее и приятнее...

Я перебил:

– А белые девушки – день ещё светлее и оттого ярче и насыщеннее!

– Это когда и так светит солнце! – возразил старик.

– А ночью всегда мешает луна! – меня захватил спор.

– Чёрная ночь, это, значит, сладко спать! – не унимался Нь-ян-нуй. – Опять-таки, чёрные девушки хороши перед белыми в том, что ночью они есть, но их словно нет. Они растворяются в тьме. Белые девушки – это как бельмо в глазу. А это немаловажно.

– Зато белые девушки делают белое дело, а чёрные девушки лучше всех умеют делать чёрное дело! – съязвил я.

– Чёрные девушки видны как на ладони, их хорошо контролировать днём, на работе, в поле во время сбора хлопка... – продолжал перечислять преимущества Нь-ян-нуй.

– А белых девушек – ночью, в постели! А это существеннее всего для мужчин, – съиронизировал я.

У вождя затряслись руки.

– Смотри не проворонь чёрную девушку днём, ибо в ночи держи ее крепче руками, чтобы не пропала! – воскликнул он.

– Там, где чёрная девушка потеряется, белая – всегда найдется! – не унимался я.

– Поэтому играй в прятки только с чёрными девушками!

– Мужчины не любят долго искать!

Вождь решил поведать большую тайну, для этого он прислонился ко мне.

– Чёрным девушкам не надо мыть свои ноги!

На что я тут же ответил:

– Белый алмаз дороже черного!

– Чёрные девушки никогда не уходят с поля раньше захода солнца!

В этой перепалке я не утерпел сказать всю правду, чтобы открыть глаза вождю на существенную разницу.

– Чёрные и белые девушки отличаются друг от друга как день от ночи!

Вождь только захлопал глазами.

– Тогда закрой глаза и день превратится в ночь!

– Пробовал. Белая девушка всегда стоит перед глазами.

Это была сушая правда – моя жена Рая была постоянным добрым гением.

– Не будем спорить, – сказал вождь. – Это беспредметный разговор. Пусть каждый выбирает черную невесту белым днём, а белую черной ночью! Согласимся на том, что все чёрные и белые девушки красивые, одинаково хорошо рожают и воспитывают детей. А что еще мужчинам надо?

– Масоку однако, не знают, когда белая женщина любит, чёрная отдыхает от зависти! – добил я его окончательно.

После этого убийственного довода вождь оцепенел, но тут же зловеще-мистически воскликнул:

– Не спотыкнись о черную кошку днем, а о белую – ночью!

Его угрозу я посчитал серьезной и прикрыл рот на замок.

Нь-ян-нуй опять стал прилагать все усилия, чтобы уломать меня, потому что до некоторой степени я сам не был ни к чему расположен.

– Какой пример ты подаёшь, – продолжил он во время моего молчания, – а если все мужчины не захотят женщин, то, что будет?

– И что будет? – переспросил я, думая, что он скажет о не родившихся по этой причине детях, что жизнь на Земле остановится.

– Все мужчины будут сидеть по хижинам. И будут ждать.

– Чего ждать?

– Когда чёрные девушки побелеют, и произойдёт ужасное.

– Что произойдёт?

Я ждал ответа с придыханием.

– Мои жёны окажутся мне не нужны, и все остальные женщины окажутся никому не нужны. – Вождь разочарованно вздохнул, а затем заплакал.

О! Вождь, оказывается, не чужд философии! И я спросил:

– Вы чего-то опасаетесь?

– Я гляжу далеко-далеко вперёд и думаю, что все захотят от них отделаться, а у кого не было женщин – у тех и не будет никогда.

– И чем это опасно?

– Мужчины и женщины будут жить обособленно и быстро одичают и превратятся в обезьян.

– Ну и что дальше?

– Придут манирока и побьют этих обезьян камнями. Я не могу допустить этого!

– Я тоже не позволю так обойтись с народом масоку, тоже буду защищать обезьян! – я решительно дал обещание.

Нь-ян-нуй с надеждой посмотрел на меня.

– Это правда?

– Правда, – ответил я.

Но я увидел сомнение на лице вождя, затем он сказал:

– А не лучше ли не доводить проблему до абсурда?

– Что вы имеете в виду?

– Лучше жениться и дело с концом!

Нь-ян-нуй, желая подтвердить свои слова вескими аргументами, проворно повел меня через всю деревню к одной хижине, откуда вызвал молодую, здоровую, довольно привлекательную девушку. Что он ей сказал на ухо, я не понял. Она же поглядела на меня застенчиво и, улыбнувшись, юркнула назад.

Когда мы вошли в полумрак хижины, эта девушка тихо вскрикнула и бросилась к выходу. Вождь загородил ей выход. Она пыталась выскочить то с левой стороны, то с правой, но каждый раз наткалась на умело выставленное колено. Наконец, она перестала биться и утихо-

мирилась, постелила дерюжную подстилку и на неё выложила куски жареного мяса, напиток, фрукты, горкой возвышался вареный рис. Походка у девушки была лёгкой и быстрой. Она села рядом с вождем, напротив меня, и я посмотрел на её тонкие чёрные руки, на её тёмные уширенные, как мне показалось от страха, глаза.

Она потупила взгляд и... зардела!

Точно хамелеон. Меня не обманешь – я уже научился отличать оттенки чёрной кожи, как когда-то белой. Неуловимый переход одного цвета в другой, как возникающие цвета побежалости при нагреве стали.

Я погрузил пальцы в рис, Нь-ян-нуй тоже принялся за еду. Наконец, вождь взглянул на меня.

– Открой шире глаза, посмотри зорким взглядом орла на эту горлинку, и потом не говори “нет”.

Я ещё обратил внимание на её длинные с воронёным отливом волосы.

Вождь объяснил:

– Девка что надо, ядреная, крепкая, в соку, можешь взять мою дочь себе в жены. Хоть прямо сейчас!

– У меня там, – я поднял палец вверх, – есть жена.

– Две жены лучше, чем одна, – не понял он высоты моего полета и тогда повел к другой хижине, из которой выглядывали уже две половозрелые папуаски.

– Эти могут приготовить любую пищу, – пояснил вождь.

Любую мне не надо. Пришлось высказать новый козырь.

– Я плохой охотник. Неумелый и неудачливый охотник не имеет право на брак, да и ни одну девушку не отдадут за такого замуж.

Я и в самом деле был плохой охотник и рыболов, хотя мне ничего не стоило бы поставить на широкую ногу производство мяса и рыбы, потому что сами туземцы и сама природа развратили меня своими легко доступными подношениями, и мне не надо было ломать голову о пище насыщенной.

– Это не страшно, – ответил Нь-ян-нуй.

– Еще я незадачливый рыболов, – препирался я, – в мой садок не идёт рыба.

– Ты молодой, у тебя все уловы впереди.

Я снова был непреклонен.

– Но считается, что это главные недостатки мужчины, которые старики за назидательными беседами внушают остальным.

– Охотник, проявляющий ловкость леопарда в лесу – это хорошо! Но ещё лучше, проявляющий проворство и неутомимость леопарда в постели!

– Но и там я плохой леопард!

Вождь важно кивнул.

– Ничего-ничего, зато ты хороший какаду – умеешь сладко говорить, ни один воин не может сравниться с тобой и ни одна девушка не откажется от союза с тобой.

– Предложенные девушки мне не нравятся, – скромно заявил я, – поэтому прошу оставить меня в покое.

Нь-ян-нуй не удовлетворился ответом.

– Почему? Они очень даже плодovиты! Каждая принесет тебе много детей.

Надо было срочно придумать оригинальное объяснение.

– Мне надо подумать, – дал окончательный ответ я.

Тут вождь довольный покинул меня. Он ещё не знал о нашей российской бюрократической проволочке, что “надо подумать” может длиться сколь угодно долго.

Обстановка, когда предлагают самым бесцеремонным образом девушек, пугает меня, хотя понимаю, что делается это из добрых дружеских побуждений, даже если не брать во внимание, что туземцы, как дикий народ, не знают других удовольствий, кроме половых.

После этого случая вождь неоднократно ловил меня на улице и ещё не раз обращался ко мне со странной просьбой.

Сначала его интересовало моё физическое состояние:

– Я думаю, что ты всё также резвок в постели, как на охоте хорек с мышкой, и говорлив так же, как болтлив попугай на дереве?

Я останавливался и прислушивался к его просьбе.

– Бери, бери в жены одну, две, три, – как заученную молитву твердил он мне, – сколько пожелаешь девушек.

Я с неизменной вежливостью отказывался, и на этот раз сказал:

– Все женщины ломаки, кривляки и на сладкое падки!

– Как! – вскричал Нь-ян-нуй. – Ты разве не встречал ещё женщины, которая была бы добра, верна и постоянна?

– Встречал, но женщины много болтают, слишком шумливы, длинны на язык, а я этого не переношу.

Я прикусил язык, увидев добрый блеск в его глазах.

– Есть такая невеста, которая тебе подойдет! – радостно заявил он и поспешно убежал.

На этот раз я лег спать с сильнейшей головной болью; малейший шум был для меня несносен. Я лежал, глаза закрыв. Долго не засыпал: может, час, может, два. Головная боль, апатия, странный гул в висках.

Надсадно кричал какаду. Почему, именно, над моей хижинкой? Как он выбрал именно моё дерево? При помощи какой логики? Невозможно ее оправдать...

Проклятый какаду!

Странно. Я вынужден ворочаться из-за наглости маленького крикуна.

Скоро в деревне все стихло, и я заснул в напряжённом состоянии. Во сне я услышал низкий свист у самого уха и, приподняв голову, увидел вползающего в моё бунгало огромного питона, соскользнувшего с ветки дерева. Я потянулся за ружьём. Я многократно стрелял из него, а питон только всё сильнее стягивался кольцами вокруг меня. Я проснулся весь в поту. Какое ружьё?! У меня нет ружья! На мне лежала рука, давившая грудь. Рука как рука, теплая и мягкая, я не осознал ситуацию, повернулся и снова задремал. На этот раз был разбужен шорохом, и опять не придал ему значения. Но шорох был настойчив, во сне я почувствовал удушающее прикосновение на шее и нары сотряснулись, как будто кто-то тяжело приналег на них, качками проверяя на прочность. Находясь ещё между сном и действительностью, я протянул руку.

Я не ошибся. Как только коснулся тела человека, его рука схватила мою. Человек был совершенно голый, мягкотелый, в довершение всего – женщина. Было не так темно от пробивающейся сквозь щели луны, что женское тело я различил не только на ощупь, а лицо ночной визитерши не показалось мне безобразным.

– Ты кто? – спросил я.

Она странным образом смотрела на меня.

– Кто ты? – повторил я вопрос.

Она продолжала упорно молчать.

– Как ты здесь оказалась?

Ее молчание затянулось, а я не встречал более тупой девушки, чем эта. Наконец, я догадался.

– Скажи, “а-а”.

Она попыталась воспроизвести звук, но у неё кроме мычания ничего не получалось.

– Ты – немая?

Она утвердительно закивала головой.

– И что ты тут делаешь?

Она почесала затылок, раздвинула ноги и показала на свой голый живот.

– Тебя кто прислал?

Она молчала.

– Нь-ян-нуй?

Она утвердительно качала головой.

– Не мешай спать, ступай домой! – прогнал я её.

Я сочувствовал вождю – его мечты сделать меня своим родственником никак не сбывались.

На следующее утро я уже не вспоминал о ночном эпизоде, но туземцы – я не мог не заметить – были просто шокированы моим равнодушным отношением к женщинам, явно не зная, как явление прокомментировать.

Похоже, вождя не очень устраивало моё поведение, поэтому на этом притязания его не закончились, и он предпринял новую попытку женить меня. Это произошло после сбора болотного риса, на что ушло у туземцев два месяца.

Не знаю латинского названия грибка, который причиняет болезнь кокосовым пальмам, от которой листья сначала желтеют, затем делаются красными, и дерево хиреет и погибает.

Вождь долго плакался при мне.

– Много, много пальм покраснели – это их смерть, – не на шутку рыдал он в три ручья и предложил:

– Мы просим тебя жениться вот на этой. – Он подвел меня к пальме, стоящей посередине деревни.

Новая напасть, связанная с их верованиями.

– Что я должен сделать, чтобы пальма выздоровела? – спросил я.

– О, это настолько маленькая процедура, что и говорить-то не о чем, – услышал я.

Я еще подумал, что в наших условиях развели бы лекарственный раствор и полили бы им почву – что я уже и собрался проделать.

Вождя не удовлетворили мои приготовления, и он сказал:

– Надо по-настоящему, по-мужски оплодотворить пальму.

Уже собирался народ. Законы гостеприимства не позволяли мне отказать вождю, но не самолюбие помешало, а моя любовь к моей незабвенной жене Рае.

– Мне можно жениться только на березах, деревьях с белой корой, – насилу отказался я.

– Мы найдём тебе такое дерево, – с радостной улыбкой пообещал вождь.

Несколько дней я пребывал в страшном волнении.

Деревьев с белой корой у них, к счастью, не оказалось.

Тогда они эту пальму выдали замуж за маленького мальчика, так как свободных женихов не было. В брачной церемонии, которая длилась три дня и сопровождалась большим весельем с плачем и причитаниями, принимали участие все жители. Жениху оказывали величайшее уважение и почет, как будто он идет на смерть ради подвига.

Но пальма засохла, развод уже был пустой формальностью без гулянья, и мальчик, как бы, просто вернулся к своим родственникам.

Последние ночи я провел относительно спокойно, был неплохо адаптирован к шуму какаду, был в меру бдителен. Однако, не обошлось без участия со стороны вождя, пользуясь темнотой ночей, приводить в исполнение те матримониальные планы, которые недавно потерпели фиаско. Не раз за ночь слышались рядом женские голоса, но я уже их заранее просчитывал и игнорировал своими постоянными предупреждениями в форме окриков очередной визитерше:

– Не мешай спать, ступай домой!

Пришел посланник шамана, и я нехотя направился за ним. Я не суеверный, но меня опять провожал своим криком чёрный какаду.

Ка-ра-и-ба-га поочередно вызывал мужчин. Наступила моя очередь. Он сидел с закрытыми глазами на небольшом возвышении из палок. Увидев меня, в его глазах загорелось самодовольство, подобное тому, какое испытывает хищный зверь, уверенно выжидающий свою жертву. Перед ним на земле были начертаны линии разной длины и извилистости.

– Сын мой, – сказал он, хотя по своему молодому возрасту даже при всех софистических допущениях в отцы мне не годился, – ты, вероятно, испугаешься, ибо мне придется донести до тебя печальное известие. Великий и Высший Дух уже давно отличил меня тем, что сообщает мне о своей воле и намерениях. Кто с готовностью и почтением выполнял волю Высшего Духа, тому он даровал полный срок жизни мужчины, как показывает эта длинная и прямая линия. Но ты сошел с истинного направления и не внял моим предостережениям; эта короткая и кривая линия, резко обрывающаяся по другую сторону, изображает твой конец жизненного пути. Ты пройдешь лишь половину срока своего никчемного существования.

Он перестал говорить, и посмотрел на меня произведенным эффектом, ожидая мою реакцию. Я знал, что у него много жен и мало детей, а чтобы он отвел беду, достаточно было преподнести ему ценные подарки. Вот уж кому дарить такого рода подарки приятно – и я с удовольствием вложил в его руки десять карассо – на всё его многочисленное семейство. То-то будет ему еще демографическая проблема!

Между тем вождь проявлял чудеса настойчивости и изобретательности во что бы то ни стало женить меня. Очередной случай произошел на свадьбе. Нь-ян-нуй подошел к невесте, намотал её волосы на свою руку и сказал речь, обращаясь к ней:

– Забудь своих родителей и уважай родителей мужа, удовлетворяй его во всём. Знай о новых обязанностях жены, не кичись, не прыгай перед мужем и не перед му-

жем тоже, не выплывай из воды раньше мужа, не говори мужу “нет”, и “да” тоже попусту не говори, не обгоняй мужа на тонкой тропинке, замри перед змеёй впереди мужа, не дрыгай ногами, не икай, не пускай пузыри, не оттопыривай губы и уши, не надувай щёки, не хватай первая жирный кусок, не отворачивайся, но и не гляди прямо, не отставай далеко, но и не забегай вперёд...

Во время речи этого бесконечного набора кодекса вежливости и учтивости вождь часто натягивал волосы и дергал невесту за них, мне показалось даже – больно. Он рвал их так усердно при некоторых особо важных наставлениях (а они почти все были важными), что бедная девушка корчила гримасы и привскакивала на месте, ежилась и тихо всхлипывала. Тогда же я понял, откуда у туземцев получают прекрасные жены, и почему они отличаются терпимостью и покладистостью. Да потому – как наиболее запуганная суевериями часть населения. И поэтому они кротки в отличие от наших женщин и моей жены Раи.

Затем читали свои нравоучения другие старики, как бы соревнуясь между собой на лучшее наставление, которые сводились к простому:

– Уступай, уважай, знай, не кичись, не обгоняй, не спотыкайся, долго не спи, рано вставай, поздно ложись!

И я снова и снова удивлялся мужеству девушки, вытерпевшей многочасовые мучения с волосами до конца.

Подвели девушку ко мне и намотали её волосы на мою руку. Я понял, что тоже должен сказать на этой свадьбе пару слов. И я произнес неизвестные для туземцев слова:

– Будь скромной, порядочной, честной, расторопной, несуетливой, остальное само собой приложится.

Я поймал себя на мысли, что тоже помимо своего желания машинально причинил невесте боль. Возможно, она корчилась по инерции или так ей было положено.

Церемония закончилась, жених встал рядом с невестой и прислонился лбом к её лбу. Вождь взял у невесты руку и вложил в мою.

– Сегодня владей ею.

Тут же нашлись добровольные помощники, которые приготовили постель, и мне с девушкой через стенку хижины пришлось слышать постоянные подзадоривания криками и плясками. Все в деревне не смыкали ночь глаз и требовали того же от нас.

Это было почетно вдвойне, потому что вождь отказался от права первой брачной ночи в мою пользу. Ситуация была щепетильная, но в данном случае я не рисковал ничем, имея в наличии средства контрацепции.

Глава 10. ХУДОЙ МИР ЛУЧШЕ ХОРОШЕЙ ССОРЫ

Я становлюсь совсем папуасом. – Туземцы превзошли нашу теорию “стакана воды” о половой близости. – Папуасский политический мир. – Война. – Торжественные речи вождя и шамана по случаю войны с манирока. – Смятение в деревне. – Вовлечение меня в военные действия. – Я царь Соломон во главе многочисленного гарема. – Ложная тревога. – Мое незнание обычаев племени и в результате мой первый брак.

Каждый день я выхожу на берег и подолгу смотрю на море. Но море было, как всегда, пустынно. Ни единого корабля! Грустный я возвращался в деревню. Но надежд не терял и на другой день снова упорно шел к морю. “Да, некоторые от этого состояния теряют рассудок”, – рассуждал я. Однажды утром, почувствовав голод во время прогулки, я увидел большого кузнечика, машинально поймал его и отправил в рот, как это делают папуасы. И даже не поперхнулся!

Затем ужаснулся, и даже споткнулся о поперек лежащего, переваривающего пищу питона, – до какой точки отверделости души и печени можно докатиться? Это же явление энтомофагии! Туземцы – непререкаемые авторитеты по этой части. Один съел ящерицу, другой вознаграждал себя коллекцией гусениц, третий своими зубами избавил мир от собрания пауков – всё это было не только съедобно, но и очень вкусно и питательно, разумеется, по их понятиям. Сколько раз, давая мне уроки выживания, я лично заставлял самого вождя за шокирующей процедурой, когда он чуть не с головой залезал в термитник, доставая личинки. Критическая ситуация изощряет изобретательность и приспособляемость, а нужда делает человека находчивым и... неразборчивым. Значит, у меня появилась способность не гнушаться самой омерзительной пищи, употребление которой уже само по себе может оправдать следующую ступень падения нравов – сам каннибализм. Не удивительно, если бы обстоятельства жизни на острове воспитали из меня каннибала, и было бы совсем странно, если бы я не стал им. Съедение себе подобных дает более широкое представление о неограниченных возможностях желудка. Глядя на туземцев, привозящих на остров одного-двух-трех манирока и балующихся их вкусными копченостями на костре, исторгающих сладковатый человеческий, но всё более одурманивающе располагающий к себе запах дыма, я преисполнялся картинкой, в последнее время всё чаще меня завораживающей и создающей представление о вкусной и здоровой пище. Я мог бы позволить стянуть себя в эту опасную далеко идущую сделку на взаимовыгодном сотрудничестве с собственной совестью, но, слава Богу, в этом не преуспел. Хотя, не отказывал себе в удовольствии поражаться причудам...

О, как удивительны гастрономические вкусы этих детей природы!

И как от того не менее удивительны их здоровье и сила!

Становлюсь совсем папуасом: я раскрасил себя чёрной краской и отличался только бородой, не отставал от туземцев в беге, прыжках, бросании копья, стрельбе из лука и, самое главное, в истошных воплях во время безумных плясок.

Причина желанья сблизиться со мною, которое проявлял вождь, как я потом сообразил, лежала в событиях, происходящих в папуасском непрочном политическом мире. Мои папуасы масоку были в состоянии войны со своими непримиримыми соседями манирока. Масоку постоянно ждали нападения от манирока, а манирока от масоку. Эти взаимные неприязнь и подозрительность,

опустошительные набеги, регулярные похищения друг друга людей, нарушали мирное спокойствие туземцев.

Добравшись до тропинки, направлявшейся в деревню, я присел отдохнуть и полюбоваться морем. На пляже, не стесняясь, забавлялась парочка. И я увлекся рассуждением на тему: брак у туземцев. Для них как брак, так и развод, многоженство, постельные сцены на виду у всех – дело привычное, если не сказать примитивное, как пройтись по улице в домашних тапочках. Иногда это была одна пара, иногда много мужчин и женщин совокуплялись одновременно. Площадь и кусты полнились стонами удовольствия и сочными созвучиями трений и соударений тел друг о друга. Некоторые туземцы являли примеры стойкости и выносливости, пары разъединялись, перебирались, спотыкаясь, в другое место, находили себе новых партнёров и просто продолжали своё однажды начатое дело. Временами я понимал, что меня тоже провоцируют, когда мужчины подталкивали, а я не хотел, то силком втягивали в общую кучу, или женщины хватили за руки и пытались тащить за собой. Но удивительные сцены не вызывали во мне ни малейшего возбуждения, вероятно, потому, что я стоял на ступеньку выше в развитии и подобное бескультурье считал ниже своего достоинства. Они были дети природы, и им было простительно, а другую мораль они бы не поняли. Знаю, первая стыдливость у папуасов возникла, когда они увидели одетых европейцев. Стыдливость, конечно, не за себя! В отличие от животных, тем не менее, они являли один из примеров разумной жизни. Это только мы, как ни странно, не вышли из стадии относительно дальнейшего развития теории “стакана воды” о половой близости и дальше теории не продвинулись.

Я жил в атмосфере таких фраз: “Давай будем встречаться”, “Давай будем парой”, “Давай дружить карасо”, “Я не знаю, как это еще сказать”...

Мое раздумье было прервано появлением туземца, который бежал по берегу и кричал:

– Война! Война! Враги тихо крадутся как проклятые манирока по тропе войны, а не идут открыто по мосту над пропастью как честные масоку! Манирока проникли на остров и убивают! Они никому не дают пощады! Они оставляют в живых только женщин и детей, которых уводят к себе!

Бежал он легко и свободно, прямо летучим шагом, что трудно было не залюбоваться им. Держа в левой руке над головой лук и стрелы, в другой – с копьём наперевес, он бежал весьма быстро и по временам правой рукой делал какие-то воинствующие знаки.

Не понимая, в чем дело, но, видя смятение, передающееся окружающим, я почти силой остановил его и узнал неприятную новость: да, люди манирока напали на масоку и вот-вот будут здесь.

Протяжные удары по пустотелому бревну, перешедшие в учащенные, созывали туземцев. Это были удары другого темпа, другого ритма, чем обыкновенно. Патетически мажорного накала...

Тамтамы войны!

– Манирока! Манирока! – кричали повсюду. – Они покорят весь наш остров, отнимут и уведут женщин и детей!

В деревне я увидел страшное зрелище. Воины хватили копья, толкались, ломились, сбивали с ног женщин

с детьми и друг друга. Все громче и увереннее раздавалась хвастливая военная песня.

– Наш мудрый вождь готовится к принятию важного решения, и бог Дуссонго хочет вложить в его уста сообщение! – взывали к спокойствию и собирали народ глашатаи.

Все встали в круг.

– Дети мои, – сказал Нь-ян-нуй, явившийся в наряде и украшениях воина, идущего в сражение, – небо над вашими головами, долго остававшееся светлым и безоблачным, теперь, благодаря манирока, наполнилось тучами. Наш бог Дуссонго, живущий там, за большой горой, как вам известно, много печется о благе своих детей. Дуссонго не умер, он вернется к нам из моря духов! Он послал меня к вам, чтобы удалить шипы с ваших троп и уберечь ваши ноги от ран. Мы убьем тех отвратительных манирока, которые ради своей звериной корысти хотели заставить нас забыть о долге перед нашей великой родиной. Отныне война принесет нам безопасность, а враги больше никогда не будут смущать мужчин и омрачать женщин.

В самом деле, словно кто-то накаркал, небо затянулось тучами, прогремел гром и на землю посыпались молнии с дождем. Но все стоически слушали речь.

– Сделаете ли вы это, сыны племени масоку? – совсем громко спросил вождь.

И толпа в ответ на это дико взревела и стала потрясать копьями.

– Горе манирока!

– Наши копья остры, а стрелы метко поражают манирока!

– Нас невозможно победить!

– Манирока отдадут свою печень, не взяв нашу!

– Пусть каждому из нас достанется по их трусливому сердцу!

Вождь в этих возгласах ощущал поддержку со всех сторон.

Затем выступил Ка-ра-и-ба-га:

– Масоку, глядите, лучше глядите на небо! Пришло время Большого Солнца и Маленькой Луны! – кричал он сквозь ливень. – Вот началась война. Дикие манирока приходят с копьями и луками; манирока нападают на наш остров. Они обращаются в леопардов, убивающих и пожирающих людей. Но горе им, горе! Высший и Великий Дух, воскресни из пещеры духов и поднимись на небо! У него лицо, как лик самой Луны. Он дал нам свое оружие – оружие, которое может покарать манирока и обратить их нам в пищу. Это он дал нам ослепительную молнию и страшный раскатистый гром.

Туземцы ответили на искрометные речи вождя и шамана многогласным:

– Ай-ай!

– Дуссонго! Дуссонго!

– Высший Дух! Высший и Великий Дух!

В деревне царило всеобщее смятение, невольно подействовавшее и на меня, грозившее отнять доселе спокойную размеренную жизнь. Масоку торопились, потому что каждую минуту могли появиться передовые отряды противника. Из хижин выносилось большое количество разного рода оружия. Мужчины с большим жаром разговаривали на сходках, женщины и дети выли где-то в лесу, собаки им подвывали, кругом блеющие козы и реву-

щий рогатый скот. Мои уши ощутили всю неприятность этих душераздирающих звуков.

Вождь сам подошел ко мне и приветствовал дружелюбно, его мимика сама подыскивала извинительные причины.

– Капитана, – сказал он, – ты же видишь, что манирока не оставляют нас без войны! Неприятель посылает на нашу землю своих воинов, а завтра пришлет ещё больше. Разве они не подлежат за это смерти? Ты обладаешь таинственной силой...

Я понял, что вождь пытается вовлечь меня в конфликтационные раздоры.

– Какой? – спросил я.

– Ты умеешь сбивать с прямого пути стрелы и копья, пущенные в твою спину

– Отомсти за нас! – кричали мне разгневанные туземцы.

А вождь продолжал:

– Мы верим в твою неуязвимость, которая позволяет тебе не бояться стрел и относиться равнодушно к копьям противника, а твоя голова крепка для топора. Мы преклоняемся перед тобой, и сочли удобным обрести в тебе союзника.

Я догадался, что, предлагая это, вождь планировал выдвинуть меня на самую переднюю линию обороны как живой щит.

– Благодарю за доверие, – сказал я, – но не лучше, если я отсюда с этой высокой точки, как и бог Дуссонго, буду всячески стараться вдохнуть мужество и смелость в воинов и ободрять их?

Услышав мой ответ, воины только пуще взревели:

– Белый человек испепелит манирока, убьет их, возьмет их в плен, съест их кишки!

Новое откровение. Вера в моё могущество создало в туземцах иллюзию, что я могу всё, даже есть кишки.

– Воины! – крикнул я. – Лучшая победа – приобретенная вашими собственными стрелами и копьями!

Итак, сделав хорошую мину при плохой игре, я отказался от почетного предложения стать героем войны.

Тогда, видимо, вождь решил нагрузить меня новым заданием. Он очень изменился за последний час, не принимал участия в шумном ликовании своих воинов по поводу ближайших успехов и будущей богатой добычи, и, казалось, был погружен в размышления совсем другого рода. Он производил впечатление не столько пылкого полководца, сколько удрученного от обилия ума философа. Какими надеждами он убаюкивал себя с мертвенно бледным лицом и опущенными глазами? Видимо важность государственных дел переполнила его всего.

– Капитана, – сказал он, – нам не спать, как видно, этой ночью и последующими, и тебе тоже. Просим позволения в случае продолжения войны, взять наших жен под свою опеку, лучше под покровительство.

– Верно ли я вас понял: под покровительство – это значит...

Заминка моя означала, что я не знал, как точнее сформулировать вопрос, но интуитивно чувствовал, что это означает, на современном языке, под юрисдикцию брака со мной.

Вождь сам пошел навстречу мне, развеяв все сомнения.

– Не сочти за приказ и пренебрежение к тебе. Так как их мужья ушли на войну, а женщин нельзя оставлять на произвол судьбы, э... чтобы не распустились... э... женщины, сам знаешь, нуждаются в твердой мужской силе... тебе вменяется...

– Быть свнухом? – сострил я.

– Все женщины ждут твоего возвышения над ними.

Давай назовем тебя начальником женской колонии.

У меня отлегло от сердца и я с удовольствием сказал:

– Если могу чем-нибудь еще помочь, располагайте мной.

Между деревьями показались головы. Воистину, это были издающие вопли, в отчаянии ломавшие руки женщины, которые бежали с детьми под мою защиту.

Первые отряды воинов уже ушли на передовую, я занимался продумыванием ближайшего социального плана и компактным размещением женщин, как Нь-ян-нуй послал за мной. Он выглядел немножко рассеянным от тяжких дум, но настроение у него было бодрое.

– Подойди поближе, соплеменник, – сказал он. – Обстоятельства могут повернуться в любую сторону. Сегодня трудный день для моего народа, Я всегда был занят государственными делами, всю мою сознательную жизнь, и не годится мне под конец забиться мышью в нору.

Его лучистый взгляд и решительный голос являли полную ясность ума полководца. Но больше всего мне понравилось слово “соплеменник”, произнесенное в такой ответственный для племени момент.

Вожьд подтвердил самые худшие опасения военного времени.

– Тень смерти уже коснулась меня, и я сам это понимаю. – Он сделал многозначительную паузу, во время которой положил свою ладонь на мое плечо.

– Не рано ли говорить об этом? – попытался я успокоить его.

– Я хотел видеть тебя и поставить новые задачи!

– Я здесь, дорогой вождь, – с готовностью ответил я. – Во всех делах я был вашим верным помощником и остался им. Сделаю всё, что смогу, всё, что в моих силах, чтобы оправдать надежды масоку.

– Ты так молод, слишком молод, – смущенно проворчал вождь, – а война это дело ужасное и спешное. Можно ли с тобой быть откровенным?

– Судите сами, вождь.

Подумав немного, вождь пригласил в свою хижину.

– Слушай, – сказал он. – Мне предстоит еще немало забот настроить масоку на войну, и встать впереди их, и я с трудом урвал время, чтобы обсудить с тобой некоторые щепетильные вопросы. Я не могу уйти на войну, а затем по тысяче ступенек подняться к богу Дуссонго без уверенности, что мой народ не ждет прекрасное будущее, что он не будет продолжать расцветать, что его род угаснет. Но сначала поклянись святым именем бога Дуссонго, что ты сделаешь всё, что я попрошу.

– Я даю свое слово, – ответил я. – И если этого вам недостаточно, прекратим наш разговор.

– С каждым днем, – торопился выговориться Нь-ян-нуй, – я всё больше и больше привязывался к тебе. Я полюбил тебя всей душой словно родного сына, и ты замечал, что я оберегал тебя от врагов, что в свою очередь

делал все возможное, чтобы хоть немного помочь тебе приспособиться в племени и стать настоящим масоку.

– Моя благодарность к вам не останется равнодушной, – заверил я, – сколь и небезосновательной.

– Ты знаешь, что я сегодня делал?

Я отрицательно покачал головой.

– Ну, так я тебе скажу. Думал. Много думал среди других раздумий. Я составлял в голове завещание.

– Не говорите о завещании! – взмолился я. – Вы проживете еще много-много лет, поверьте!

Нь-ян-нуй рассмеялся:

– Плохо же ты обо мне рассуждаешь, соплеменник, если считаешь, что меня можно так легко успокоить или утешить! Я скоро умру, бог Дуссонго это знает, и ты сам, и почему и зачем, но смерти я не боюсь. В жизни я был удачливым охотником и смелым воином, много маниро-ка осталось урчать и барахтаться в моем животе, отдав мне отвагу и силу. И смерть, в сущности, совсем не такая уж страшная и кропотливая штука, если вспомнить, что все манирока, как и прочие живые существа, сами добровольно являются на остров, чтобы умереть от наших ножей.

– Я в этом совсем не сомневаюсь, но смерть не планируют – она сама приходит.

– Зачем ты заставляешь меня говорить о таких неутешных вещах? – Нь-ян-нуй забеспокоился. – Это меня утомляет, а времени у меня осталось не так уж много. Я серьезно говорю о своем завещании, пребывая в добром и здоровом уме и твердой памяти.

– Я очень рад за ваших наследников!

Здесь Нь-ян-нуй очень внимательно посмотрел на меня.

– Ведь после меня кое-что останется, не так уж много, но все-таки кое-что. Слушай, соплеменник, всё мое достояние я завещаю тебе.

– Как?! – воскликнул я в изумлении. – Мне?

– Да, соплеменник, тебе. А почему бы и нет? Ты самый достойный. Прими же сей дар в знак моей признательности!

Я начал бессвязно благодарить.

– Я распоряжусь вашим имуществом как нельзя лучше и преумножу его.

– Речь идет не только об имуществе, хотя я богатый человек, и мои две хижины тебе не помешают...

– У меня есть хижина.

– Кроме того, достанутся они тебе со всем их содержанием.

Я окинул взглядом обстановку в хижине и понял, что ее нельзя было назвать даже бедной. Свет из многочисленных щелей был проникающим на голый топчан, единственный из мебели, на котором мы сидели в потемках.

– Вот здесь я повешу гамак, – начал я рисовать перспективы.

Но Нь-ян-нуй хвастливо оборвал меня:

– У меня есть лучшее достояние, чем хижины...

– И материальное и интеллектуальное? – Это уже была моя шутка цивилизованного человека двадцать первого века.

– Народ! – как ни в чем не бывало, воскликнул вождь. – Мужчины, женщины и дети! Мужчины – воины! Женщины – рожают этих воинов! Достаточное усло-

вие для мирной жизни и, особенно, при подготовке к войне, когда эта нить не прерывается. Но женщинам надо создавать благоприятные условия. Во время войны требуется много воинов и роль женщин как никогда возрастает. Их надо еще и защищать. Ты будешь вождь. Я передаю бразды своего правления тебе. Твоя задача продолжить, а если будут непредвиденные обстоятельства, то начать с пустого места наш род масоку.

– Никаким силам не удастся преждевременно загадить род масоку! – с пафосом провозгласил я.

– Похвальное решение! Тебе достанется в общей сложности около двухсот женщин – для начала количество вполне достаточное, чтобы такой молодой человек, как ты, использовал этот... Э...

– Генофонд, – подсказал я.

– Не сочти за неправду, этот приятный набор из милашек, – поправил меня вождь, – как стартовый капитал, и заложил основы для преумножения племени.

Крики с улицы стали еще более раздирающими. Я выглянул из хижины. Это женщины искали меня по приказу мужей, решивших чисто интуитивно, даже больше – инстинктивно, использовать меня, как банк для сохранения генофонда, если сами погибнут.

– Женщинам больше подходит выражение “гремячая смесь”, – высказал соображение я.

Мужчины помогали им гнать перед собой коз, кур, погоняли крупный рогатый скот, тащили домашнюю утварь и даже целые хижины на своих плечах. И всё это в мою сторону!

– Да, да, отныне ты новый муж для всех вместе и каждой в отдельности женщины. Располагай ими, как сочтешь нужным, – подтвердил своё решение вождь.

Богатство, вдруг свалившееся на меня с неожиданной стороны!

Я переплюнул роскошью многих султанов! Итак, я понял, что у туземцев выбора не было перед жизнью и смертью, и что я абсолютный владелец, содержатель и главенствующее лицо... гарема, то есть, действительно, новый муж, своим выдвижением обязанный сложным реалиям жизни.

Хотя я старался, как можно меньше вмешиваться в дела и тем более в распри туземцев, чтобы не изменять их обыкновение течения жизни, их поступков и обычаев, как и всей местной экосистемы, мне это не всегда удавалось. Но на последнее, в принципе, необременительное условие я согласился (да и какой мужчина не согласится!), правда, не без некоторого торга с моей стороны. Всё же были опасения, и я не предполагал до конца их последствия. Ведь я представлял собой последний рубеж защиты, и я последний должен был броситься на копья манирока, защищая своей грудью женщин. Поэтому я спросил:

– Капитана не оставят женщин масоку в беде, но захотят ли они того сами?

– Женщины горделивы, но разве не нуждаются в мужской силе вопреки своему нежеланию? – спросил вождь.

– Значит, и ослушаться меня не посмеют?

– Не только слушаться будут, но и подчиняться. Они твои до кончиков пальцев на ноге! Ты неограниченный полноправный властелин! Отныне, ты можешь приказывать, повелевать ими настолько, как считаешь нуж-

ным по своему усмотрению! Ты будешь давать им пищу, кров, постель, а они повиновением будут благодарить тебя! Твоё право отбивать у них любую охоту к непокорности и неисполнению любым доступным способом, не забывая, что ты есть повелитель, правитель, муж! Они должны вознаградить тебя за все старания! – заверил меня вождь.

– Хорошо, я последую необходимости сурового военного времени! – согласился я. – Даю слово, что употреблю все силы, не жалея живота своего, чтобы женщины остались живы и здоровы и не подверглись глумлению неприятелем.

– Более того, – добавил за меня вождь, – не забывая главное, ты обязан также приумножить племя детьми. Я так сказал, я так решил, я так всем объявил! Всё переходит к тебе, все правовые формальности соблюдены и никто не может оспаривать твоих прав.

– Даже шаман, который встал на моем пути и требует отщепенца?

– Даже шаман, который должен погибнуть на поле боя раньше вождя. Все должны погибнуть раньше меня. Предчувствуя свой конец, я заранее высказал свою волю.

– Но ведь я поклялся его убить! – возразил я. – Разве могу я нарушить подобную клятву? Разве смогу я в окружении женщин спокойно сидеть в хижине, покрытый позором, когда манирока, а не я, убивают его?

Нь-ян-нуй гневно набросился на меня за эти мысли.

– А теперь еще одно моё последнее слово. Если можешь, смири себя и не преследуй больше Ка-ра-и-ба-гу. Скажу честно, шаман самый грязный из всех негодяев, известных мне, а этим уже сказано многое. Он погряз в злодеяниях, пороки его гнусны, и на совести у него не одна загубленная душа. Все его злодеяния принесли ему позор: до сих пор он остается проходимцем и живет вымогательством или за счет племени или какой-нибудь женщины, которую грабит на досуге. Но, подумай, соплеменник, кто ты такой, чтобы брать на себя отщепенца этому негодяю? Оставь его! Он сам навлечет на себя возмездие. Иначе тебе придется вынести немало трудностей и опасностей, а кончиться это может тем, что ты потеряешь и жизнь, и любовь, и всё свое достояние.

– Но из нас двоих только один должен остаться жить! – воскликнул на это я.

– И ты, и шаман нужны племени. Шаман потому, что знает о великих тайнах жизни и смерти.

– И ради этого губит людей? – я недоверчиво потрянул головой, но по спине прошёл мерзкий холодок. – Убивает – ради чего?

– Отнять чью-то жизнь во имя приобретения силы и ловкости – не убийство. – Голос вождя был полон уверенности, прочной, как самый твердый камень. – Знай и пойми, почему не убийство. Потому что это наши священные обычаи племени, ибо силы и ловкость – превыше всего и всем нужны.

Возражать было нечем, и я всё слушал. Но вот Нь-ян-нуй, сделав многозначительную паузу, заговорил снова:

– А теперь нагнись и поцелуй меня. Простимся!

Я нагнулся и поцеловал его в лоб – как воин воина. У него показались слезинки.

– Я не хочу, чтобы ты видел, как я буду умирать, а смерть моя уже рядом. Не знаю, встретимся ли мы, когда

пробьет мой смертный час, или нас ждут разные звезды? Если так – прощай навсегда!

Слезы хлынули и у меня из глаз. Только сейчас я понял, как сильно его любил: мне казалось, что умирает мой родной отец.

– Не плачь, – проговорил Нь-ян-нуй. – Вся наша жизнь – расставание. У меня был сын, такой же, как ты. Он попал к манирока. Это не люди, а звери! И не было ничего страшнее нашего прощания. А сейчас я иду к нему, потому что он не может прийти ко мне. О чем же плакать? Прощай, соплеменник! Да хранит тебя бог. Подобно лисе, иди по жизненной тропе, шаг за шагом заметая хвостом все следы.

Он услышал последнее от меня, что хотел услышать.

– Я это сделаю во имя любви и процветания племени.

– А теперь – иди. Возьми всё мое, что я перечислил, используй достояние во благо, отправляйся в хижину, приблизь к себе сразу несколько любимых женщин, выбирай из них каждый день самую любвеобильную! Но не забывай об остальных – они ничем не хуже, и живи со всеми в мире и безоблачно, как тебе заблагорассудится. Постарайся же использовать женщин справедливо, с умом, для счастья и свободы народа масоку. Пусть они найдут в тебе счастье и пусть они напоминают тебе обо мне, о твоём вожде, старом воине, пока ты сам не завещаешь их своим детям, а дети – своим.

Последние слова были сомнительны своей неисполнительностью, но я не подал вида. Я отошел от вождя весь в слезах, и продолжал той же ночью лить их до самого рассвета.

При свете факелов я произвел на поляне с тыльной стороны деревни смотр женского состава. Самые смелые выкрикивали: “Первых пленных манирока отдайте нам на съедение, остальных нам в мужья” (к месту сравнение: ядовитый жук черная вдова съедает после оплодотворения своего ухажера). Сколько я слышал, что евгенику придумал Мальтус. Оказывается, у него были предшественники – вот такие дикие племена, которые нашли из множества способов: естественный отбор, внутривидовая борьба, плодовитость еще и этот способ выживания.

С утра наиболее воинствующие женщины порывались вслед за мужчинами уйти на войну и выкрикивали националистические лозунги: “Поможем нашим мужьям убить манирока!” В диких сердцах этих обезумевших от потери мужей-горемык горел огонь безумия. Пришлось им напомнить:

– Я – теперь ваш муж! – крикнул я.

– О, муж наш! Наш муж! – покорно заголосили женщины.

Ожидание нападения или противостояние армий с демонстрацией сил длилось несколько недель. Женщины восприняли мою должность мужа не формально, а буквально, оспаривая меня друг у друга, и своим поведением претворяя в жизнь заветы вождя о моей глобальной миссии. Создающие ажиотаж, они совершенно перестали чуждаться моего присутствия. Я делал неожиданные, но весьма важные открытия, я заметил, что законы военного времени сделали меня естественным и я становлюсь всё более раскованным и толерантным для них: не я к ним

наношу визиты, а они по моему требованию ходят ко мне, не я их прошу, а они меня умоляют.

Наш социум представлял собой, не иначе... гарем!

Я настоящий султан! Я присвоил женское царство, женщины – меня.

Каждый узурпировал свойственные своему полу функции: я – султана, женщины – жен и наложниц. Я – их способности, а они – мои время и силы.

Кто ещё, кроме царя Соломона, мог бы похвастаться гаремом из такого количества жен?!

Я извелся с огромной оравой голосящих женщин, надоедливо с откровенными намерениями отирающихся возле меня. Так как мужчин ещё долго не было видно, то завещанное вожде мое назначение мужем для них привело к тому, что женщины количеством и вольной трактовкой ситуации были гораздо менее церемонны со мною, чем обыкновенно бы в присутствии мужей и родственников.

Эта ситуация полного напряжения сил давалась мне не просто. Пришлось установить жесткие правила совместного проживания, и каждый день объяснять женщинам их права и обязанности. Но так как животный инстинкт для них, если откровенно, нечто главенствующее и непредсказуемое, то я почувствовал, что кое-где упускаю существенную нить.

Желая избавиться себя от чрезмерных знаков внимания женщин и последующих затруднений, я сообразил говорить им “табу”, показывая на себя. “Табу, табу!” – и они шарахались от меня как от прокаженного.

“Табу” – хорошее слово, срабатывающее эффективно!

Пока мужчины дежурили на блокпостах, я занимался реконструкцией жилья. Наш жизненный уклад стал похож на маленький замкнутый социум в отдельно взятой деревне, во главе которого стоял я – единственный мужчина. Много хижин по этому поводу пальмовыми ветвями были соединены в одну и со стороны походили на мрачную средневековую крепость, возвышавшуюся окружностью приличного диаметра над окрестностями. Только не хватало вокруг рва с водой. Но по периметру большого участка шел частокол из высоких заостренных бревен – совсем как в фортах Дикого Запада. В то же время свободная архитектура позволяла пристраивать новые хижины под общую крышу и увеличивать площадь стойбища.

Порою доносились отдаленные шумы со стороны моря, можно было ещё расслышать воинственные крики, но нельзя было различить отдельных составляющих сражения. Что это было, шум сражения или крики обратившихся в бегство?

Минута проходила за минутой, час за часом, а кругом царил всё та же мертвящая неопределенность, видимо, связанная со стратегической несогласованностью и тактической неразберихой. Вероятно, больше шла позиционная борьба на устрашение противника.

Наконец, явился гонец, возвестивший радостную весть:

– Мир, мир! Я принес вам мир! Мы наказали манирока! Победоносный вождь с воинами возвратится через несколько часов!

Вот в лесу раздался бой барабанов, и на дороге появились темные фигуры. Это был авангард, вышагиваю-

щий как на параде; за ним развевалось всё шествие во всей красе и полноте. Все ждали арьергарда с его богатой добычей, состоящей из вереницы связанных пленников, женщин и детей, но из густого облака пыли налегке без трофеев выступил последний воин.

О том, что случилось раньше и после, что произошло на полях сражений, рассказал Хуан.

– Я видел поле битвы, но не видел обезображенные трупы. Воины манирока, захватив частично пищевые запасы, сожгли несколько построек и совершили потраву на полях, и остановились, когда подошли мы. После демонстрации боевых кличей – кто громче, и согласованных угрожающих вскидываний копий, началось что-то подобное спортивных соревнований, где воины на виду двух ратей показывали прыжки, бег, тягание тяжестей. После чего манирока убедились, что такой свободолюбивый народ, как масоку, не победить и взять хитростью тоже невозможно. А тут еще неприятель слышал, что чужеземец станет на стороне масоку. Это известие отняло последнее мужество даже у самых храбрых воинов; многие из них тайком сели в пироги и скрылись в море, другие же громко заявляли: “Мы достаточно потрудились на сегодняшний день. С Капитана нелегко бороться! Лучше прийти в другой раз и воспользоваться случаем, когда он будет глубоко спать, чтобы докончить начатое сегодня!” Таким образом, напуганному преувеличенной молвой о твоей таинственной силе и могуществе неприятелю ничего не оставалось другого, как заключить продолжительное перемирие и отправиться в обратный путь. Это отступление приняло характер массового бегства.

– Бог Дуссонго сжалился над землей масоку! – слышалось отовсюду.

Весело звучали тамтамы, и радостью сияли красные от охры лица. Прежде всего, я выступил с речью перед столь любимыми мной женщинами, с которыми я предпочел бы не расставаться никогда, но тут пришла развязка, когда война не длится бесконечно долго:

– Мы жили вместе под одной крышей в деревне-хижине огромной дружной семьей и внесли свой не менее важный вклад в общую победу. Я благодарю вас за проявленные в сложных условиях мужество, надежность, опору в жизни, и главное, верность мне, с которой вы стояли плечом к плечу со мной до конца!

Но вошедшие во вкус женщины, никак не хотели расходиться.

– Марш, марш по домам! – кричал я, выталкивая их силой. – Вы мне не нужны! Я вас больше не люблю, не хочу, не желаю!

Пришлось применить угрозы, от которых туземцы становятся кроткими, как ягнята.

– Я дарю вас прежним мужьям, и вы должны их слушаться, иначе змея встанет на вашем пути и мыши заберутся в вашу постель!

Но и эти угрозы прошли мимо их сознания.

Наконец, только ценою вручения каждой по контрацептиву, они разбрелись по своим мужьям.

Хорошо, что настоящей войны не случилось, что это была ложная тревога, иначе мой авторитет как необыкновенного человека мог быть утрачен.

Перегородки между хижинами разобрали. Так гарем закончил своё существование, сыграв не последнюю роль в моем бытии. С какими надеждами воздвигался он

– и вот теперь деревня снова представляла собой возвращенный, опять захолустный вид. Было грустно и печально смотреть на конец иллюзий счастливой жизни настоящего мужчины.

При наступлении ночи был устроен триумфальный пир. То тут, то там раздавалось пение одного или несколько голосов, но потом их подхватывала вся деревня, и по всей округе разливался однообразный напев.

Я сидел возле вождя, и он лично оказывал мне почести, предлагая различные кушанья.

– Ты добросовестно и достойно охранял женщин, – говорил он, – теперь моя очередь подумать, как отблагодарить тебя.

Я не сразу придавал значения этим словам, тем более на угрозу они не походили. Я ещё немного поприсутствовал на торжестве, конца его не дождался, и ушел под предлогом слабого здоровья. Была ещё и другая причина: хотелось остаться одному, собраться с мыслями. Уснул я легко, хотя в деревне истошно стучали барабаны, стонали флейты и мелькали при свете факелов фигуры чёрных танцоров.

То ли вождь был настойчив, то ли я потерял бдительность, но всё же в мою жизнь неожиданно вошла жена. Это произошло на третий день следующим образом. Я поднялся в свою хижину и в полутьме увидел сидевшую на моих нарах девушку, перебивавшую в руках что-то. По огоньку на лице стало понятно, что она курит. Я подсел к ней, чтобы лучше рассмотреть ракушки на её груди.

– Покури из моей трубки, – предложила она мне.

Я ответил:

– Не курю.

– Ты оттого отказываешься, – сказала она, – что боишься коснуться моей трубки.

– Нет, не боюсь, – я взял трубку из её рук и немного затянулся. Образовавшийся дым вызвал спазмы в горле, и я громко закашлялся.

Не зря говорят, что курение опасно для жизни, а капля никотина убивает лошадь. Моё курение оказалось принципиальной тактической ошибкой. Описав дугу, у моих ног зарылось в пол копьё. Я не знал, что по обычаям племени, если юноша подсел к девушке и покурил с ней трубку, значит, этим он даёт согласие на брак с ней. Я выглянул в дверь. Ощетинившиеся копы на улице и злобные лица туземцев отбили во мне любое нежелание привести жену в хижину. Так, мое незнание обычаев вылилось в то, что мне силою пришлось жениться, иначе бы дикари прогнали меня из селения в лес в глубь острова, где я бы неминуемо погиб.

У неё было звучное имя Квай-ква (Та, которая журчит ручейком между камней). На свадьбе вождь больно накручивал у невесты волосы на свою руку, натягивал их вверх, и говорил речь. И я невольно прислушался к его удивительно знакомым в мировой практике словам.

– Брак согласовывается молодыми на земле, а заключается на небесах...

Как стары эти слова! Ничто не ново под луной!

Я не жалел карассо, всячески старался задобрить туземцев и показать свое доброе расположение к ним, предлагая этим проявить обоюдную взаимность.

В очередной раз пришёл посланник шамана и передал приказ явиться к нему немедленно.

Глава 11. СВОЯ РУБАШКА БЛИЖЕ К ТЕЛУ

Два шамана слишком много для одного племени. – Ка-ра-и-ба-га заочно приговорил меня к смерти. – Вторая жена. – Потасовка между родичами за раздел более чем скромного и в то же время богатого имущества. – Мир ценою вовлечения меня в третий брак. – Новое жильё. – Обмен женами. – Ссора с братом по крови.

Ох уж этот шаман! Пора было браться за него основательно!

Не только узкие тропинки были местом наших встреч и, соответственно, баталий с шаманом. В последнее время ими стали висячие мосты.

После предыдущих междоусобиц авторитет надо было зарабатывать, и я преобразился в мостостроителя. Бывают мосты на опорах, покоящиеся прочно и основательно на бетонных быках, а я стал строить мосты, подвешенные на канатах. Не на стальных, а что ни на есть созданных самой природой, – на лианах. Несведущему человеку даже страшно, как такое ажурное, шаткое сооружение держится не подпертое посередине.

Современные кинорежиссеры не сумели бы воссоздать фантазией и десятой доли тех приключений, которые готовил для меня сюрпризами шаман. Который сам же и страдал от своих замыслов: то лопнет одна струна моста, которую он подрезал, то другая. Он срывался вниз, но всякий раз, как птица феникс, выкарабкивался из смертельных ситуаций. Обо мне говорить не приходилось – это я всё подстраивал, благодаря элементарному знанию технических параметров построенных мостов. Иногда наши гладиаторские баталии над пропастью или водной гладью становились Колизеем для всех масоку.

– Вонючая рыба! Свиные мозги! – то и дело слышались в мою сторону и вслед возгласы Ка-ра-и-ба-га. – Ты заграждаешь дорогу! Не долго мне придется ждать! Смотри у меня! Я мягкотел, но не думай, что если шаман добр, то он глуп!..

В последнее время авторитет шамана напоминал раскачивающиеся качели, резко поколебавшиеся не в его пользу. Туземцы терялись, кто из нас больший шаман, кому больше можно верить, кого предпочесть. Два шамана было слишком много для одного племени, поэтому Ка-ра-и-ба-га ещё сильнее вспылал ко мне ненавистью, всё больше мучил людей, прибегая к различным способам, чтобы распалить, возбудить туземцев, поддержать их воинственный пыл против меня.

И он постепенно добивался своего, досажая неожиданными кознями.

И как было тягаться с таким человеком, который по представлениям племени не был дикарем? Это я дикарь, пришлый человек, который их обычаев не знает, шамана, представителя местной “интеллигенции”, ни во что не ставит, жениться не хочет, живет на халяву, благодаря карассо.

Едва я стал приближаться к хижине шамана, как был остановлен странным звуком над головой. Я увидел в высоких ветвях красивый гребень чёрного какаду, расколупывающего твердую скорлупу ореха. Это было похоже на мистическое суеверие о перебежавшей дорогу чёрной кошке. Я понял, что мне дается ещё один знак, предупреждающий о грозящей беде, и я с испугу сказал Хуану:

– Опасности от шамана преследуют меня повсюду! Я дальше не пойду!

На этот раз, видя, что я поворачиваю назад, Хуан и Хуана засмеялись:

– Капитана, ты никогда не был трусом!

Их безобидный смех над моими опасениями и плохим предчувствием восстановил меня во всех отношениях. Зная, с каким предубеждением относятся ко мне туземцы, я понимал, что мой отказ разнесется по всей деревне, а это удар по моему престижу. Из этих соображений я решил продолжить свой путь, хотя сознавал, что с шаманом лучше не иметь никаких связей.

На всякий случай я повторил Хуану то, что в последнее время часто говорю ему, когда куда-нибудь уходил:

– Хуан, если я ко времени не вернусь, значит, меня убили.

Он с пониманием выслушал и ответил:

– Капитана, даю слово, что я не буду кушать твоё тело.

Хуана тоже поддержала меня.

– В тебе столько вкусного мяса, но я не позволю себе даже притронуться к нему!

Ну, если так! И я смело направился к шаману. Пригласительный прием приглашенных у него начинался в восемь часов вечера при мерцающем свете костра. На этот раз в хижине никого не было. Он метнул на меня злобный взгляд, а затем закрыл глаза, продолжая молитву, беззвучно шевеля губами, временно прерванную моим появлением. Некоторое время я стоял в молчаливом ожидании. Тогда он бросил щепотку порошка в пламя костра, который ярко вспыхнул, и по воздуху поплыл густой дым. Запахло рыбой, водорослями и йодом.

Я услышал от него прежнее ворчание:

– Как, ты ещё здесь! Почему не уплыл, ведь обещал?!

Ка-ра-и-ба-га хотел произвести на меня мистический ужас. Он закричал, потом вдруг завыл, зарычал, придавая речи больше темперамента и экспрессии, чем связности слов и стройности мыслей. Я увидел отражение огонька головешки в глазах шамана – два колеблющихся язычка пламени. Затем он очумело заскакал, подпрыгивая до потолка хижины. Минут пять он вводил себя в возбужденное состояние. Я не мог, да, признаться, и не хотел разбирать его слова. Он кричал на незнакомом мне сленге, изобилующем гортанными и свистящими звуками, с непрекращающимся злобным топотом ног, и под конец плюнул в мою сторону.

– Слишком много на себя берешь! Ты – вонючая рыба! Ты – свиные мозги! Уходи, откуда пришел, морское чудовище. Уплыви, улети, ножками, ручками, и не возвращайся! – повторял он долго, практически без остановки.

Меня вдруг потянуло ко сну. Я оцепенел, словно от гипноза. Главное, не поддаваться паническому страху и полное пренебрежение к его магии. Станный тихий шепоток в дальнем углу мозга быстро и тревожно повторял: “не слушай... не спи... не верь... не обращай внимания...”

Я изо всех сил уцепился за руку, силясь прогнать наваждение. Я прикладывал титанические усилия, чтобы не отвести взгляда от шамана. Я ждал и не уходил, чтобы он не подумал, что внушает мне страх.

Есть такое, что отличает уникального человека от обычного, – это умение мгновенно переходить из одного критического состояния в другое. Шаман понял, что я не так прост, что он вчистую проиграл войну нервов, и первый не выдержал мой взгляд. Он вдруг прекратил свой экстаз, вдул дым от какого-то огня и эффектно выдохнул в меня, и заговорил нормальным языком.

– Высший Дух выделил меня из всех масоку, избрав выразителем своих надежд.

Он говорил и покрывал в это время каким-то снадобьем маленькие фигурки тех животных, которых туземцы хотели убить. Я наблюдал затем, как он нарисовал изображение мужчины с бородой, на котором приготовился испробовать магические чары. Я догадался, что это мое изображение, и ждал дальнейшей развязки. А шаман знал колдовское дело недурственно, может интуитивно хорошо. Все его действия говорили, что он преподнесет сюрприз.

– Фигурка это ты, – прокомментировал он. – Это твое второе “я”. И отныне твоя жизнь и твоя судьба лежат у меня на ладони. Чтобы я ни сделал с этим изображением, то же немедленно произойдет и с тобой.

А дальше Ка-ра-и-ба-га вдруг схватил бамбуковый нож и пронзил то место, где должно находиться сердце, произнеся свирепое проклятие:

– Смерть пришьельцам!

Он воткнул нож в фигуру с такой силой и ненавистью, что отпущенная рукоятка завибрировала и ещё долго не могла остановиться. Таким образом, я был заочно приговорен к смерти.

Черта с два!

Я знал, что чуть проявишь малодушие, психологическую слабость и я не жилец на этом свете.

Ну уж нет!

Я приготовился предпринять меры в свою защиту. Какие? Я ещё не знал, поскольку страх, хоть я несуетный, на время сковал мои действия, и я попал в некий вакуум оцепенения и отупения.

Ка-ра-и-ба-га предпринял вторую попытку и установил на меня по-бычьим своим налитыми кровью глазами. Началась страшная борьба титанов, психологическая борьба двух немигающих человеческих взглядов.

Больно ущипнув руку ещё раз, я совсем пришел в себя и успокоился. Я пристально смотрел в горящие глаза шамана и не двигался с места. Я не повел и бровью, хотя эти несколько секунд показались мне вечностью. Моя выдержанность возымела положительный эффект и, когда побежденный шаман, опустив веки, снова стал тыкать по изображению, рука его дрогнула, соскочила с рукояти и скользнула по лезвию. Воплем от пореза он сотряс воздух и в бешенстве выбросил нож в сторону.

– Вонючая рыба! Свиные мозги! – Эти слова на всю деревню сопроводили мой уход от шамана.

Но, пройдя сто метров, я почувствовал упадок сил, ноги как будто налились свинцом, руки тяжело повисли, отчетливо слышалось в груди биение сердца, кровь медленно текла по жилам, на лбу выступил холодный пот. Как тяжело дается победа!

Передо мной стоял Хуан. Не сон ли это? Он стер с моего лба капли холодного пота и втащил меня в хижину.

– Шаман – это крокодил, – сказал он, – вызывающий желание немедленно освежевать его и съесть.

– Поверь мне, Хуан, – ответил я, – и на нашу улицу придёт вкусный из мясного рагу праздник.

Всю ночь я был преследуемый кошмаром от порчи шамана: моё тело колотила дрожь, на меня несся кровавый носорог: ноздри его раздуваются, глаза горят, он бешено бьет хвостом и взрывает копытами землю. Спокойный вечерний воздух дрожит от его яростного рева. Его не укротить, он с бешенством бросается рогом вперед. Рог проходит чуть в стороне от моего левого бока...

Это означало только одно, что мне не бывать спокойным за свою жизнь. Мне кажется, если вождь вознамерился любыми способами женить меня, и преуспел в этом, то шаман...

Да, шаман перешел от простых угроз к открытым решительным действиям. Постоянно производя в деревне враждебные демонстрации, Ка-ра-и-ба-га всё более нагнетал обстановку своими резкими криками и оскорбительными угрозами в мой адрес и так настроил против меня туземцев, что мое пребывание на острове стало невыносимым.

Это самое печальное за последнее время, хуже чего может быть только сама смерть, и мне пришлось срочно искать новых сторонников.

Опору можно было найти только у большего числа родственников, которых от моего брака было не так уж много. Я готов был на все, если такова цена жизни. И вторая жена, выбор которой отличался скромностью и не стал для меня трудоемким мероприятием, вошла в мою хижину за чисто символическую для меня смешную цену – один карассо, не считая большое количество раздаренных презентами на свадьбе.

Но спокойствия как не было, так и не стало.

– Твою жену бьют! – услышал я от Хуана.

– Какую? – мой вопрос не был праздным.

– Первую.

– Кто этот негодяй?

– Это негодяйка.

– Кто?

– Вторая твоя жена.

– За что?

Хуан потянул меня за руку.

Итак, я узнал, что шурин от второго брака отобрал у шурина от первого подаренные мною карассо и даже угрожал ему смертью. Прежде всего, я стал разыскивать юношу, за которого больше всего тревожился, но, найдя его живым и невредимым, отправился к его обидчику.

– Ты зачем взял чужое карассо? – я в лоб задал вопрос.

– Пусть он не задаётся ими и не красуется, – услышал я.

Между нами завязалась ссора, которая, несомненно, закончилась бы жестокой потасовкой, если бы не вмешались вездесущие тещи. Они остановили нас, когда мы уже были готовы броситься друг на друга.

Налетели другие родичи. На мою сторону встали родственники первой жены, а против – второй. Всеобщее возбуждение переросло в настоящее бешенство, и все, потеряв голову, с остервенением мутузили друг друга. Первая и вторая жены сошлись в очном поединке. Дуэль

тёща на тещу, вцепившихся друг другу в волосы, – стало гвоздем программы.

Это была картина, напоминая нашу российскую рукопашную стенку на стенку!

Тут вдруг появился старик. Он так согнулся от старости, что передвигался, опираясь на две палки, и скорее походил на собаку, чем на человека. Говорил так тихо, что даже на небольшом расстоянии трудно было что-либо расслышать. Тем не менее, свара остановилась. Это был уважаемый старейшина. Смысл его речи сводился к следующему:

– Вместо того, чтобы ссориться и увечить друг друга, – обратился он ко всем, – лучше сыграть новую свадьбу.

Его взгляд почему-то остановился на мне.

Но туземцы снова продолжили мутузить друг друга, и тогда я в добровольном согласии поднял руку. На что только не пойдешь ради собственного и общественного спокойствия! Так мне пришлось установить мир ценою вовлечения себя в четвертый по счету и третий на острове брак. Если раньше играли роль длительные увещевания туземцев, то теперь изменившиеся обстоятельства и условия жизни не давали мне времени на раздумывание ни минуты и побудили взять ещё жену. В кастинге пожелали участвовать тридцать шесть туземок. Выбор хоть и был высок, но вероятность просчитаться была еще больше. Вот из этих соображений я прошелся перед строем невест всего два раза, потому что перед одной мое сердце екнуло и дальше проводить кастинг не имело смысла.

Свадьба была на славу!

Я задумался: предлоги к моей насильственной женитьбе становятся всё более разнообразными, изощренными и менее значительными. Жёны как из рога изобилия, а это повод больше для грустной философии.

Всё более разрастающаяся семья диктовала расширение жилплощади. До этого хижина моя, сдавливаемая со всех сторон разрастающимися на глазах деревьями, состояла из единственной комнаты, в которой царил мягкий полусвет. Окна было не принято врезать, и солнечные лучи проникали только через открытые двери, ну ещё через щели и трещины в стенах. Мне было хорошо уходить в себя на досуге, здесь я проводил много приятных часов в мечтах, обобщениях и воспоминаниях. Как Одиссей во время долгих странствий, не раз тосковавший по желанной родине Итаке и жене Пенелопе, я до сих пор носил в своем сердце милый образ прелестной Раи.

Я решил не подновлять хижину и не пристраивать стены, а сразу перебраться на край деревни и там основать своё поселение. Теперь мой новый дом представлял верх современной архитектуры – солидный особняк-сруб в два этажа из нескольких комнат, и, конечно, с окнами. Как ни странно, стёкла заменяли хорошо натянутые каррасо. На нижнем находились подсобные помещения, гостиная и спальня с единственной кроватью на меня и моих жен. В полумраке избы, увешенной чучелами птиц и змей, пучками трав и кореньев, было очень уютно. Как истый охотник, я со вкусом убрал помещения: стены были украшены рогами буйволов и антилоп, под столом была разостлана шкура жирафа, а перед кроватью – шкура леопарда. Верхний этаж представлял экспозицию: на грубо сколоченных шкафах были расставлены чучела

крупных птиц: на суку дерева расположилась птица-носорог, пару к ней составляла карликовая цапля, рядом марабу, а над всеми парил под потолком громадный гриф с широко распростертыми крыльями размахом в четыре метра. В самих шкафах расположились засушенные змеи и ящерицы, а между ними лежали створчатые и спиральные раковины. Наука поддерживала во мне широкую связь с жизнью.

Это был мой “музей”, как я обыкновенно себе говаривал. Музей был уже приличный по числу экспонатов, изящен, и содержание его стоило мне не малых хлопот – приходилось держать сторожей. Сторожа эти теперь от пыли фыркали и чихали и бегали между ног. Это были кошки, пойманные в лесу и с трудом прирученные. Они спасали с грехом пополам музей от крыс, водившихся здесь в несметном количестве и портивших всё, что только им попадалось на зуб.

Однажды рано-рано с узелком пришла ко мне женщина и вольготно расположилась на лавке. В это время пели вторые петухи – утро забрезжило всполохами. Я уже встал и позвал первую жену Квай-кву, чтобы она сварила кофе на меня и на гостью. Квай-ква была моей домоправительницей, ловкой и понятливой. Я был доволен ею, а она – тем, что может мне угодить во всем.

– Кто ты? – Я приготовился выслушать гостью.

– Меня зовут Ой-коо-ай (Самая красивая с большой татуировкой). Вай-нуми (Укушенный сколопендрой Чёрный дрозд), – объявила она, – тот самый, с которым ты когда-то побратался, дарит меня тебе в жены в знак признательности и в честь дружбы между вами.

Я присмотрелся. Женщина была без определенного возраста, во всяком случае – не загадочного, и не первой свежести, если не четвертой. Я бы дал ей имя Крок-та (Обглоданная кость).

Я уже разобрался в обычаях туземцев. Чёрный дрозд толкал меня на тривиальный обмен женами, принятый у них, как у нас в ресторане происходит своеобразное “от нашего стола вашему столу, а от вашего – нашему”. Я слышал, что, так называемые, шведские семьи тоже создаются по этому ресторанному принципу. Все три моих жены были относительно красавицы, потому что я их сам выбирал. Вторая и третья, к тому же, прошли настоящий мой личный кастинг. Мне не хотелось неравноценного обмена, и я оставил женщину у себя, ожидая, что же последует за этим дальше.

В это утро я протер глаза раньше всех, дожидаясь, когда Квай-ква подаст мне тапочки, а затем завтрак.

По стене бегал изящный геккон⁷, такой смелый и доверчивый, что я покормил его прямо из ладони.

Жена была легка на помине. В доме царила полная тишина. Я дал ей необходимые указания и приказал будить остальных жен. Сделав это распоряжение и наказ новой жене от Чёрного дрозда слушаться Квай-кву, я убежал к морю на разминку.

За час, который я отсутствовал, Квай-ква подняла лентяк с постели. Они знали, почему их будят так рано. Сегодня предстоял семейный банный день, процедура приятная, но и трудоемкая – это заготовка хвороста, ношение воды из ручья.

⁷ Гекконы – семейство ящериц, достигающих до 40 см в длину.

Рано или поздно, но это должно было случиться – ровно через неделю Чёрный дрозд объявился сам за разъяснением. Между тем это был настойчивый папуас, он привел вторую жену, не менее преклонную в годах, ещё и безобразную.

– Брат по крови! – воскликнул он. – Я ждал от тебя правильного решения, и, чтобы ускорить его, я отнимаю от себя частичку своего сердца – ещё одну свою любимую отраду!

Возникла безмолвная сцена непонимания с моей стороны. Но я раскусил, что он явился с инициативой подбить меня на обмен, уповая на мое благородство. Он рассчитывал, что я соглашусь и сам предложу выбрать любую из своих жен, а я никак не мог решиться передать ему отрицательный ответ.

– Как тебя зовут? – обратился я к женщине. Но не получив на вопрос ответа, ещё раз повторил его.

Вместо женщины ответил Чёрный дрозд:

– Она не может говорить, брат по крови! Я слышал, что ты любитель немых женщин.

– Ты немая? В самом деле, немая? – спросил я её обескураженный.

Та показала себе на уши и на рот.

– Не просто немая, а глухонемая! – удивился я.

– Самые лучшие жены – глухонемые, – подсказал Вай-нуми.

Я всё хранил молчание, что свидетельствовало по обычаям туземцев о моем немиролюбивом отношении. Расплачиваться карассо за старых женщин, да ещё с физическими изъянами, тоже не хотелось, чтобы не подбивать остальных мужчин к подобным прецедентам. Необходимо было найти выход из щепетильного положения.

– Я ещё подумаю, торопиться некуда! – Сказаны были всего несколько слов, которые один раз меня уже выручили. И добавил: – Утро вечера мудренее.

Я смотрел на его реакцию. Чёрный дрозд исходил весь кровью, но нарушить клятву кровного брата было выше его сил.

Баня в этот день не топилась, и второй новой жене я приказал подключиться к женщинам в помощь по дому, на что та с радостью согласилась.

Итак, на этот момент у меня оказалось пять жен, быт которых не лег тяжелым бременем на мои плечи, потому что скрашивая мое существование, им не требовалось обращать на себя много моего внимания и средств, как на наших российских женщин, и работали мои проворные жены по дому и на полях как пчёлки. Досуг мой тоже не страдал ограниченностью. Например, я играл в игры султанов в своем гареме. Я с завязанными глазами пытался по рельефу задниц определять поименно своих жен, но получал насмешки – мои тактильные способности никуда не годились.

Глава 12. КОЛЕСО СМЕРТИ

Делегация туземцев во главе вождя. – Проявление случаев альбинизма на острове. – Шаман продолжает строить козни. – Хуан на столбе смерти. – Хуана проходит испытание инквизиции.

Между тем туземцы начали проявлять повышенную нервозность, совершенно не связанную с военными действиями, и когда пришли ко мне со своими женщинами, меня наполнило дурными предзнаменованиями, которые могли оправдаться. Пришедшие имели физиономии, окрашенные белыми полосами, на спине и груди разные узоры, почти у всех в волосах воткнуты гребни с перьями.

Вождь важно произнёс:

– Нам известны подвиги Капитана. Великая честь приветствовать его в нашем племени.

“Форма одежды – парадная!” – подумал я и воскликнул, назвав полный титул Нь-ян-нуя:

– О Вождь, благословенный богами и духами, любимый народом масоку, почитаемый всеми видами животных и растений, располагающий к себе все мелкие и крупные твари, и прочая, прочая, прочая, что-то случилось непредвиденное? Скорбь или торжество вас привели ко мне? Неужели манирока снова подступили к нашему острову? Неужели они штурмуют ваши крепости и обходят блокпосты?

Старый Нь-ян-нуй скрестил на груди руки и сказал:

– Э, Капитана, я вижу, ты весел, но знай, что здесь воркуют не одни голуби, здесь кричат ночные совы, здесь хохочут филины, здесь сопящие бегемоты, храпящие гориллы, ломающие всё носороги, здесь рыдают гиены...

Это было похоже на магическое заклинание, на нагнетание страхов, и я даже заподозрил угрозы. Когда-то самолюбование от успехов кончается и на смену ему приходит обычная реальность, которая выше нас. Я совсем растерялся и остановил красноречие вождя:

– Что-то произошло ужасное?

– Извини нас, Капитана, но не слишком ли ты злоупотребляешь нашими добрыми обычаями и гостеприимством? Разве тебе мало бананов, батата, свиней, знаков внимания и уважения? Разве ты не доволен уголяющими жажду кокосами, быстроходными пирогами и сладким тростником? Разве ты не удовлетворен красивыми и ласковыми женщинами?

Это ж надо! Он обвинял меня в том, что я забыл те милости, которыми он якобы осыпал меня. Напрашивался в свою очередь протест, что это я должен бы упрекнуть его за то, что он недостаточно уважает своих друзей и побратимов, то есть меня. Я имел в виду, что предоставлен самому себе, обеспечивая свою безопасность собственными силами. Эти и другие его многочисленные проявления нелояльности побудили меня выразить ему недоверие. Но я вежливо ответил:

– Я премного благодарен за гостеприимство, оказанное вами!

– Неужели предоставленное гостеприимство сделало тебя спесивым псом и бесстыдным попугаем?

Вопрос вождя был интересным.

– Меня? Спесивым? – изумился я, отступая на шаг назад. – И бесстыдным? Как это понимать? Разве я был вам в тягость?

Нь-ян-нуй стал показывать пальцем то на небо, то тыкать на плоские животы женщин.

– Вот это что такое? – вскричал он. – Куда смотрят твои хваленые карассо?

– Действительно, куда они смотрят?

– Только не туда, куда нужно!

Я понял, что втянулся во всё тяжкое, что их бог Дуссонго не посылает им детей. Боюсь, что они своим отсталым умишком рано или поздно увяжут этот факт с контрацептивами (почти увязали), и я окажусь поджаренным на вертеле. Каюсь, далеко я зашел, сделал упор на их применение. Снисхождения мне не будет. Трудно представить себя на вертеле, но туземцы – животные плотоядные до такой же степени, что могут поедать себе подобных на завтрак, обед и ужин, не взирая на лица.

Хотя обмануть туземцев было легко, но всякое мошенничество когда-нибудь выплывает наружу. Это маленькое недоразумение надо было уладить моментально. Инцидент ждал своей развязки, и, выставив ладонь вперед, я начал торжественную речь:

– Уважаемый народ масоку! Так уж сошлись обстоятельства, что я оказался на вашей щедрой земле. Пользуясь случаем, хочу заверить, что я не оставлю вас на произвол судьбы; что без нагрузок и прочих насильственных ухищрений постепенно и безболезненно вырву вас из патриархальной зависимости; несмотря на ваш нетронутый мозг, введу в горнило гигантской бурлящей цивилизации со школами, лицами, университетами...

Они трудно прислушались к необычным терминам, но уныло кивали в знак согласия, а я продолжал:

– О человеке судят по его поступкам и делам, а не по словам, и я не люблю языком трепаться. Как известно, кто много обещает, тот мало исполняет, кто много говорит, тот мало делает!..

Мне пришлось долго успокаивать их, дважды или трижды повторив это при каждой их попытке открыть рот, чтобы выразить несогласие со мной. Они рассеянно слушали, не до конца понимая смысла, о чём идет речь, а я, с уверенностью, что теперь все будет как нельзя лучше, стал раздавать проколотые контрацептивы. Только сейчас туземцы оживились, видимо, материальный стимул был красноречивее всяких выпранных слов, новые дары успокоили их растревоженный пыл и в дальнейшем дали хороший результат, потому что вспышки недовольства прекратились.

Как снег на голову известие – неприятное и в то же время приятное, ласкающее больное самолюбие; известие, поджидающее меня с совершенно неожиданной стороны. Если предыдущий случай с незабрюхатыми животами говорил об отличном качестве изделий, то этот – об их недоброкачественности. Появились альбиносы – белые дети. Видимо я несколько переусердствовал и переоценил свои силы и возможности, а господа проклятые капиталисты подсунили плохую продукцию, в чем, впрочем, их винить, в общем-то, невозможно, по всей видимости, уже сказывается просроченный срок годности изделий, вот и полной гарантии на их потребительские свойства не существует.

А дело было так. Я увидел туземную женщину, только что разрешившуюся от бремени живота; она стояла над своим младенцем, и тяжелые думы изменили её лицо. Дикари, привлеченные необыкновенным зрелищем, обступили её вокруг, и один из них брезгливо сказал:

– Брось ребенка скорее с глаз долой.

– Зачем, когда он живой и такой хорошенький и удивительный? – возразила женщина.

– Разве ты не видишь, какой он белый! Это, должно быть, какая-нибудь ужасная болезнь.

Тут же посыпались советы:

– Сбрось со скалы!

– Унеси в лес и оставь там на съедение зверям.

– Лучше утопи в море...

Папуаска ревела горячими слезами.

Сначала я подумал, что имею дело со случаем альбинизма у туземцев, вероятно, он среди них не такое уж редкое явление, как и альбинизм среди животных. Но альбинизм у людей невозможен! Мать уже собралась последовать совету и тут, чтобы она не погасила только что зажженную искорку новой жизни, в которой был повинен именно я, мне пришлось вмешаться. Насилу удалось уговорить её не делать этого.

– Подожди, – сказал я. – Если он больной, сам умрет своей смертью.

Она с благодарностью смотрела на меня, и как-то странно. Какой-то червь сомнения шевелился в ней воспоминаниями. Я снова поймал себя на мысли, что альбинизма среди людей не существует без вмешательства на то человеческого фактора. И ужаснулся – недавняя война с манирока! Память услужливо преподнесла незабываемое зрелище – гарем! Яркая картинка с голосящимися, прижимающимися ко мне, отирающимися вокруг меня женщинами как живая стояла перед глазами! В пылу сложной обстановки разве что-нибудь упустишь – всё вспомнишь до мельчайших подробностей! Трудно вспомнить только всех до одной женщин.

На следующий день я оказался в окружении масоку и той папуаски, накануне ставшей матерью.

– Капитана, дай имя девочке! – попросили они.

– Мария, Таня, Рая, – я назвал наугад несколько русских имен.

– Рая, Рая! – почему-то они стали выкрикивать именно это имя, которое чем-то понравилось больше всех.

Дорогое для меня имя Рая вызвало во мне волнение, и по моему сердцу прокатилась очередная ностальгия.

– Рая! Рая! – мать мне в упор показывала маленькую обладательницу этого имени.

Очень светлый цвет кожи, давно невиданный мною, ещё раз удивил меня – теперь я не единственный белый на острове! И волосы были не курчавые, стояли один к одному, и очень даже золотистые!

Проходя мимо тростниковой хижины вождя, я невольно прислушался, услышав разговор о Хуане. Мой глаз нашел щелку в стенке, а ухо было настороже. Лицо вождя было серьезно, глаза смотрели строго и сурово, сквозь сжатые губы он процедил всего одно только слово:

– Предатель!

Шаман вторил:

– Поведение Хуана крайне подозрительно.

Вождь согласился.

– Да, что ему мешало поступить открыто, прийти к нам и признаться начистоту: “Виноват, я первый увидел и первый вам доношу об этом”.

– Он враждебно настроен против масоку. Надо узнать причину его тайных встреч с манирока.

Старый Нь-ян-нуй погрузился в глубокое раздумье и молчал, скрестив на груди руки, и, наконец, сказал:

– В кровавой войне из-за его коварства и измены чуть не пало несчастное, но храброе и гордое племя масоку.

Для Ка-ра-и-ба-ги разгадка не представляла никаких затруднений. Хуан – это имя ему было противно, и мрачные воспоминания были связаны для него со мной, а, значит, и с ним.

– Он кровожадный, алчный человек, – сказал шаман и добавил: – И, ко всему прочему, вор, он обокрал всех. Это нежелательный для племени человек.

Таким образом, шаман направил свои козни ещё и на Хуана.

В тот день я поймал себя на мысли, что давно не видел своего друга. Куда он девался вот уже три дня. История с исчезновением была подозрительна. С мыслью о нём я пробирался краем бананового поля, когда услышал позади себя треск веток. Я замедлил шаги и стал озираться вокруг, но ничего не мог заметить. Тем не менее, у меня осталось ощущение, что поблизости кто-то есть, и оно меня преследует.

Пройдя шагов сто, треск повторился, на этот раз более громкий и явственный. Так настоящий охотник по лесу не ходит.

Я приготовился к обороне, но эта предосторожность оказалась излишней.

– Капитана! – я услышал своё имя. – Это я, Хуана.

Она была вся в слезах.

– Я здесь! – крикнул я. – Как же так, Хуана, ведь опасно находиться одной в лесу!

– Куда ты идешь? – спросила она.

– Домой, – ответил я.

– Не делай этого! – воскликнула она дрожащим голосом.

– Но как жить без дома? – с досадой сказал я. – Объясни, что всё это значит?

– Тебе опасно быть там – ты друг Хуана!

– Ты прибежала сюда, чтобы предупредить меня?

Почему так судорожно, так болезненно билось сердце девушки?

Она поведала мне страшную историю:

– Настраиваемые шаманом, все бросились изловить Хуана и устроили за ним настоящую охоту. Через два дня он был пойман. Хуан взят под стражу и, возможно, уже находится на столбе смерти под страхом съедения! Эти кровожадные звери готовы заколоть его и разделить между собой его мясо! У них аппетит сильно разгорелся. Хуан особенно лакомый кусочек, который придется им по вкусу.

Это могло случиться в любую минуту. Страшное предчувствие сдавило мне грудь. Я знал, что положение Хуана серьезное, вернее даже – безнадежное.

До этого случая национальный вопрос как-то не всплывал на поверхность. Хуан был манирока, а Хуана масоку. Она была пленницей у манирока и вышла замуж за Хуана по принуждению, но, как оказалось, удачно. Молодой муж горячо полюбил свою жену-иноземку и был очень к ней привязан. Хуана платила ему той же благодарностью.

Всё было прекрасно, пока Хуан сам не попал в плен к масоку, но легко отделался, благодаря Хуане. И тут племя словно взбесилось. Чужеземец не может рассчитывать на поддержку, ни на сочувствие.

Вот, значит, что! Хуана объявили заклятым врагом масоку!

Я был положительно убит этой вестью. Какая страшная участь постигла моего любимца? Что стало с ним? Жив ли он ещё?

Девушка лила обильные слезы.

– Он обречен!

– Людоеды находят удовольствие в мучениях! – вскричал я. Я рвал на себе волосы в порыве гнева и отчаяния.

Внезапно я подскочил как ужаленный, схватил руку Хуаны и воскликнул:

– Хуана! Что я сетую и колеблюсь? Ясно, что Хуан теперь в руках шамана, и я могу ещё спасти его, если...

Голова работала лихорадочно, но я уже не признавался себе в бессилии.

– Вперед! – приказал я. – Нельзя терять ни минуты!

– Я не пущу тебя, господин! – возразила Хуана, крепко держа меня за руку и упираясь ногами.

– Ты с ума сошла! Пусты, приказываю тебе! Или жизнь твоего мужа не трогает тебя?

Хуана продолжала держать меня цепко.

– Живо, живо! – торопил я.

Я отжал её пальцы и освободился от неё.

Когда я прибежал к месту событий, побитый Хуан издавал слабые стоны возле хижины, но ни одного слова не вымолвили его дрожащие губы.

Распоряжался всем Ка-ра-и-ба-га, он был в ярости.

– Бейте его! – кричал он. – Бейте лианами и палками!

Туземцы охотно повиновались и ещё сильнее пологали спину своей жертвы.

Затем последовал новый приказ Ка-ра-и-ба-ги.

Я мрачно наблюдал, как юношу подняли на руки и снесли к столбу, причем больно притянули его веревками. На верхушке столба торчал, скаля зубы, череп, темные глазные впадины которого смотрели насмешливо сверху вниз на место экзекуции. Но он не единственный свидетель множества “праздников”, управляемых этими дикими сынами природы: высокий столб по всей длине винтом был украшен гирляндой-ожерельем из черепов несчастных жертв, принявших здесь мученическую смерть. На земле были раскиданы кости ног и рук и прислоненные тут и там грудные клетки. Картина являла агонию! Это было воплощение смерти. Какое ужасное зрелище! Но как должно быть светло на душе тех людей, убравших черепами столб и находивших удовольствие в подобной красоте! А кто-то из них должен будет приступить к отправлению своих обязанностей, и уже приготовился заколоть очередную человеческую жертву.

Между тем к Хуану подошли несколько улыбочивых женщин и высокий столб в дополнение к предыдущим ужасам обогрился, а затем заблестел от свежей крови какого-то зверя, голову которого они разместили над несчастным юношей. Голова довольно и сыто скалилась; а подвязанное к столбу ловкими руками сердце было еще теплым, об этом говорил исходящий от него пар...

В свою очередь Хуан тоже улыбался в низкое бесцветное небо, несмотря на рваные раны на теле между развороченных ребер.

Несчастливая Хуана, догнавшая меня, почти потеряла сознание от страха: дикий шум, черепа, скалившие на неё

отовсюду зубы, – все это одурманило её сильнее, чем самое продолжительное вдохновенное присутствие дикарей. Она упала на колени и, не отрываясь, глядела в землю, казалось, не замечая того, что происходило вокруг; губы её непрерывно шевелились, и она непрестанно произносила только два имени, точно призывая на помощь:

– Дуссонго! Мой Хуан!

Праздник дикарей разворачивался своим чередом во всей широте согласно установленной программе. Сегодня от пения дикарей раздавалось в лесу эхо.

Но где вождь? Почему до сих пор нет Нь-ян-нуя?

Я угрюмо расхаживал перед этим мрачным местом и, сжимая кулаки, говорил себе:

– Ещё не все кончено, Хуан, и дорогу к сердцу старого Нь-ян-нуя я найду.

Население, которое по случаю рано закончило работы, чтобы стать свидетелем расправы, в большом количестве сбежалось посмотреть с негодованием на изменника и на то, что им приготовили на закуску в прямом и переносном смысле.

– Это предатель и вор, он обокрал всё наше племя! – повторял, возбуждая толпу, шаман.

Глаза туземцев следили за его нервными хаотическими телодвижениями и дрожащим телом несчастной жертвы.

Известно, что вид и запах крови опьяняет не только хищных зверей, но и человека не меньше. Существа, собравшиеся здесь и имевшие лишь образ человеческий, но ни капли человечности в своих сердцах, были даже больше глухи и слепы к жертве, чем дикие звери, когда дело касалось их кровожадного наслаждения.

Бедняга ждал от меня помощи и спасения.

До сих пор Хуан находился под моим покровительством, и я просто не замечал косых взглядов на него от масоку. У меня никогда не было настоящего брата, но если судить по другим людям, имеющих братьев, то вряд ли хоть один человек на земле имел такого брата, который бы значил для него так же много, как Хуан для меня. Он был мне больше, чем братом, – и отцом, и матерью.

Вождя я нашел возле его хижины – он весь безмятежно отдавался музыке. Неподалеку сидела ящерица-агама, потешно кивавшая головой, как молящийся мусульманин. Нь-ян-нуй приложил флейту к носу и играл ноздрей, заткнув пальцем другую. Чарующие звуки неслись по улице и, что удивительно, просились прямо в душу. Эта уникальная способность снискала ему когда-то уважение среди туземцев, и он стал вождем благодаря своему искусству. Все считали, что флейта волшебная, и вождь умел вызывать на ней прохладный ветер и дождь. Если он играл одну мелодию, то прогонял дождь, если другую, – то притягивал его.

– Нь-ян-нуй! Благословенный богами и духами, любимый народом масоку, почитаемый всеми видами животных и растений, располагающий к себе все мелкие и крупные твари, и прочая, прочая, прочая, – обратился я. – Хуан на столбе смерти!

Трудно было не заметить мой убитый вид.

– Капитана, – заговорил он, – Хуан был очень мне дорог. Боюсь, долго и часто буду его оплакивать, но это наше внутреннее дело, и не пристало вмешиваться в него случайным людям. Поговорим о чём-нибудь другом и

приятном; быть может, мы ещё пойдем друг друга. Помнишь, как я дружески приветствовал тебя, как только увидел здесь в первый раз? Помнишь, как я уверял тебя, что хочу только мира и согласия между нами?

– О, отлично помню! – отвечал я. – Ваши елейные слова всё ещё звучат у меня в ушах.

Вождь зачарованно слушал.

– Но мне очень трудно согласовать их с поступками ваших воинов! – сгоряча воскликнул я.

– Моих воинов? – вскричал вождь. – Но, Капитана, если они обидели, оскорбили тебя, почему же ты не пришел ко мне, почему ты ничего не сказал мне об этом? Я удовлетворил бы все твои требования и наказал обидчиков.

– Благодарю, вождь, за доброту! – холодно возразил я. – Но я предпочел бы сам восстановить справедливость!

– Кто твой обидчик?

– Шаман Ка-ра-и-ба-га.

– О, что касается шамана!.. Неужели ты придаешь большое значение его пустословью? Он поболтает и успокоится. Пожалуйста, забудь его, Капитана. Об этом, право, не следует даже и говорить. Тебя рассказы шамана не должны трогать. Собака лает, а столб смерти стоит!

– Он хочет погубить Хуана.

– Хуан, как видно, плохо знаком с нравами местного населения! – заметил вождь.

– Как же так, – насмешливо ответил я, – когда так долго живешь среди людей, то невольно постигнешь все их обычаи. А если ещё и желаешь жить с ними в мире, то будешь и уважать эти обычаи! Хуан безупречен с этой стороны.

– Но Хуан – манирока!

– Не настолько это большая беда в том, что он манирока. У вас половина женщин – манирока, а детей от них трудно назвать масоку, тем не менее, вы это делаете. – Я простер на вождя всё свое влияние, доказывая невиновность Хуана.

Нь-ян-нуй задумался, склад его ума ещё не готов был решать подобные аналитические задачи при обилии новых данных. Сочувствовал он недолго, ещё сыграв на флейте какую-то грустную мелодию.

– Я согласен сохранить ему жизнь только при условии, чтобы он расстался с Хуаной и отправился на пироге обратно к манирока.

Разговор был окончен.

Не совсем победа, но уже кое-что!

Но Хуан, неожиданно получивший свободу, не знал, как распорядиться ею, и, находясь один в стране масоку, отказался от предложения. Он бродил вокруг хижин, плача, как дитя, желая найти Хуану. Выйдя на берег, он вдруг бросился на песок и стал кататься по нему, рыдая, как сумасшедший.

И всё же любовь к жене оказалась сильнее тоски по родине и страха за свою жизнь. Он возвратился в деревню, решив остаться, что бы ни произошло, хотя хорошо понимал, что ему нельзя находиться здесь, не подвергая свою жизнь опасности.

Заставить юношу уйти добровольно не удалось, и пришлось гнать его копьями силой. Он не видел и не слышал, что совсем недалеко Хуана металась как в бре-

ду, вырывалась из рук воинов и пыталась, как декабристка, разделить участь мужа пополам с ним. Несмотря на тычки уколов, Хуан оставался на месте.

Все же стойкость молодого манирока покорила вождя, он только сказал:

– Помни, юноша, лишь немногие масоку не польстятся на твою жизнь – она в твоих руках; лишь немногие масоку не польстятся на твою жену – береги её честь.

Хуан узрел в этих словах новую угрозу, он снова испугался, не заставил себя долго уговаривать, и бросился бежать изо всех сил. Но едва он пробежал сотню метров, как до всех донеслись его рыдания и стоны:

– Лучше убейте меня.

Этот акт отчаяния окончательно сломил даже жестоких дикарей, и они отступились от него.

Хуана, Хуанита и я стояли вместе. Показался Хуан.

Хуана упала на оба колена и, протянув вперед руки, воскликнула одно только слово: “Хуан!”, но в этом слове сказались всё, – и счастье и все муки её души.

– Папа идет сюда! Смотрите, как он спешит! – затахтела малышка Хуанита.

Мы мигом сорвались с ног и побежали ему навстречу.

Хуан для проявления чувств почему-то первым выбрал меня.

– Капитана!

– Хуан!

С этими словами мы обнялись, и долго стояли так. Неизъяснимое мужское чувство наполняло наши души – и это было весьма примечательно.

Я отстранился.

– И кому ты обязан спасением, как не своей ли милой, доброй и храброй Хуане? – Я показал на неё.

Только сейчас они счастливые упали в объятия друг другу.

Но не зря говорится: “нет предела беспределу”. Шаман решил известить семейство Хуана под корень. На этот раз предметом его пристального внимания стала Хуана.

Утро снова началось с происшествия.

– Капитана! – вскричал вдруг Хуан, подбегая ко мне. – Хуаны нет, её, наверное, похитили негодяи! Я не могу сидеть, сложа руки и ждать. Господин, я хочу сейчас же начать действовать! Я должен вернуть жену! Подумать только, мою жену, мою милую Хуану, похитили! Я должен обыскать весь остров и вступить в бой со всеми этими разбойниками – я все-таки спасу её!

– С чего ты придумал?

Хуан завыл натуральным образом:

– Уже солнце село, а её нет; уже темно стало, а она всё не приходит; я зову её, а она не отзывается!

Я был тронут неприятным известием.

– Ты идешь один? – спросил я.

– Да! – ответил он удивленно.

– Возьми с собой кого-нибудь, – предложил я.

Хуан был настроен решительно.

– Оставь, Капитана! Не впервые мне идти одному по лесу.

– Леопардов ты не боишься, но там могут попасться...

– Есть более скверная опасность, чем хищные звери?

– Да, это нехорошие люди.

– Мне нужно обязательно найти Хуану!

– Успокойся, Хуан, – сказал я. – Может быть, она и сама вернется, объявится вскоре. Вероятно, она заблудилась в лесу. Ещё не поздно ее найти.

– Господин! – вскричал Хуан. – Ты хочешь только утешить меня. Ты сам отлично знаешь, что Хуану похитили. О, проклятые мерзавцы! Как обращаются с ней эти варвары? Чего только не придется вынести бедняжке! О, Хуана, милая Хуана!

– Если хочешь, вместе поищем, – предложил я.

Мы отошли на достаточное расстояние, когда Хуан неожиданно остановился у большого развесистого дерева, росшего среди зеленой лужайки, недалеко от берега. И замешкался, ища что-то на себе. Он снял с головы перья и сложил своё приношение у подножия дерева, шепча какие-то слова, которые я не понимал, но уловил имя Хуаны. Вероятно, дерево это считалось священным.

– Здесь обитает бог Дуссонго, – объяснил Хуан.

Я терпеливо ждал, когда он исполнит свой несложный религиозный обряд.

– Ну, вот, подношения принесены, – сказал я. – Бог твой умиловивлен, ветер для нас благоприятен, и теперь, я полагаю, к вечеру мы найдем Хуану.

– Нам следует ещё умиловивить его жену, – сказал надтреснутым голосом Хуан, – но нам дать нечего.

Печалью сквозило в его существо.

Я подал карассо, потому что ничего другого у меня не было. Его лицо озарилось счастьем, а ладонь тут же захлопнулась с благодарностью.

– О, бог Дуссонго! – Хуан воздел руки. – Пусть наша пирога плывет легко и быстро! Дай нам хороший урожай батата! Найди мою жену!

Я недоумевал, когда увидел карассо поверх перьев. При этом лицо юноши было так серьезно, так торжественно, что я невольно удержался от улыбки.

В поисках Хуаны мы не преуспели, и пришлось вернуться.

Всё ближе раздавались громкие голоса и возбужденные крики. Это Ка-ра-и-ба-га вел делегацию к вождю. Было с десяток человек из числа воинов, все разряженные по-праздничному и вооруженные копьями и стрелами. Они вели к вождю молоденькую перехваченную веревкой за шею девушку, и руки у неё были перетянуты. Каково же было изумление на моем лице, когда при приближении я узнал Хуану.

При виде её я и Хуан в один голос воскликнули:

– Хуана!

Ее большие чёрные глаза выражали беспредельный страх и ужас, а крупные рубцы с кровоподтеками, видневшиеся на спине, свидетельствовали о том, что она совсем недавно была жестоко бита.

Я смотрел на неё с глубоким состраданием. Какое страшное преступление должно было совершить это милое создание, чтобы оказаться в лапах шамана? Во всяком случае, я теперь мог узнать хоть что-нибудь об ужасной участи, постигшей её.

Хуан подкрался ко мне и шепнул что-то на ухо.

– Знаю, Хуан, знаю, – сказал я своему верному слуге. – Посмотрим, что можно будет сделать для неё. А пока молчи и оставайся спокоен, предоставь мне решить всё за тебя.

– Что привело вас ко мне? – спросил вождь делегацию.

– Мы привели к тебе Хуану, чтобы ты произнес над ней свой приговор! – отвечал шаман, скаля зубы.

– Что же вы ставите ей в вину? – снова спросил вождь.

– Она колдунья! – хором воскликнули все обвинители. – Враг Великого Духа воплотился в неё и издевается над нашим покровителем. Хуана злым глазом привораживает врагов, умеет отравлять птицу, портить людей!

– Полюбуйтесь, как эта змея надувает шею и грозит ядовитыми зубами! – кричал Ка-ра-и-ба-га. – Надо схватить её у самой головы и оторвать ей мерзкий язык!

Это было страшное обвинение. Ни крокодилы, ни леопарды так не наводили ужас, как ведьмы. Вера в колдовство существует по всей земле и почти повсеместно за это определяется смертная казнь. История нам донесла, что суд над колдуньями так же распространен в наше время, как некогда популярен был в далёком прошлом. Суеверие смешивается с мстостью, садизмом и является прекрасным средством для кого-то избавляться раз и навсегда от нежелательных для них личностей и вместе с тем дает тайным врагам вернейшее средство свести счеты с соперником, и ток-шоу можно получить необыкновенное.

– Да, она заслуживает смерти! – небрежно произнес вождь и сделал знак рукой, что суд закончен.

Хуан испустил отчаянный крик и упал на землю вниз лицом, скребя землю ногтями.

Это был рекорд в истории юриспруденции – весь разбор дела уложился в какую-то минуту. Суда, короче этого, я никогда не видел и не предполагал, что такой возможен.

– На этом отвратительном судилище я вижу только одно человеческое существо, – говорил я Хуану, как мог, успокаивая его, – это твоя жена Хуана. Все остальные являются дикими зверями.

– Худшими, чем леопарды и гиены? – спросил он.

– Да, – ответил я.

Перед нами страдала Хуана. Её трудно было узнать ещё и по страшному, уродливому разрыву кожи, пересекавшему весь лоб.

Она распростерлась передо мной во весь рост на земле и осталась в этой приниженной позе.

– Хуана, – приказал я, – встань и отвечай мне.

Пленница повиновалась только отчасти и отвечала, стоя на коленях:

– Капитана, ты уже спас Хуана от смерти, освободи же и меня от страданий, которых я не в силах больше переносить!

Во мне закипело внутри.

– А есть у вас доказательства? – вмешался я, хмуря брови.

Шаман был вне себя, что я сую нос не в свое дело.

– О, да, мы имеем на то доказательства! – громко объявил он.

– Предоставьте мне эти доказательства! – твердо сказал я.

В деревне пропало и околело множество кур, леопард загубил два поросенка, мать моя умерла! – быстро произнес шаман.

– И все это случилось разом, в один день, – насмешливо спросил я.

Ка-ра-и-ба-га смешался.

– Нет.

– В течение одной недели? – продолжал я.

– Нет, и не в одну неделю! – отозвался он, очевидно, весьма расстроенный затяжкой дела.

– Ну, так в течение месяца? – попытывался я.

Шаман молчал.

– Отвечай же, Ка-ра-и-ба-га! Значит, в течение месяца?

– Да, пожалуй, это так.

Я продолжал допрашивать.

– Ну, а твоя мать? Я знал её – милая старушка. Каких лет она была? Вероятно, самых преклонных, не так ли?

За него ответили:

– Да, да, она была уж очень стара, слаба и дряхла – дальше некуда, дышала на ладан.

– А с курами – какая картина?

– Около дюжины их пропало.

– А по времени?

– За месяц.

– Бедняжки! – насмешливо воскликнул я. – Это естественный падеж. В течение месяца зачастую гибнет гораздо больше дюжины кур на птичьем дворе. И леопарду все равно, на кого нападать. А старые люди имеют склонность нежданно-негаданно умирать.

Неожиданно отовсюду я получил поддержку от населения.

– Надо крепче делать загоны!

– А по ночам греметь трещотками и кричать “Держи вора!”

Но это, как оказалось, было простой критикой в адрес местной администрации, потому что тут же раздались голоса:

– Она собирает яйца крокодилов, закапывает их в горячий песок и дает вылупиться. Теперь в маленьком пруду, вырытом в лесу и обнесенном забором, заботливо ухаживает за ними.

– И ест их вместе с Хуаном! Говорит, что крокодилы очень вкусны!

– Это он научился у наших врагов – манирока!

– Она уж точно – колдунья!

Слова эти подействовали на Хуана угнетающим образом; голова его опустилась на грудь, и он остался неподвижно стоять в таком положении.

Мне пришлось снова обратиться к толпе.

– Почему же, скажите мне! Почему вы обвиняете её.

– Мы полагаем, что она колдунья, потому что она не такая, как другие девушки!

Конечно, она отличается от других. Я понял, что проиграл по всем статьям – двух одинаковых жемчужин невозможно найти, не то что девушек, даже среди близнецов. Легче всего доказать обратное, что она не такая, как все. Почему надо отрицать то, что было так очевидно? Как доказать то, что не требует доказательств? Трудная неразрешимая задача. И Хуан молчал, стоя оцепенело в своей неподвижной позе и не двигая ни одним мускулом.

Было бы слишком неблагоприятно так резко восставать против укоренившихся обычаев масоку и оскорб-

лять их этим поступком, доверие и расположение которых были ко мне в настоящее время особенно ценны. Ведь нельзя ввести в народ чужую культуру и другие нравы сразу, одним махом. Моя великая роль в их общественном развитии ещё ждет своего объяснения, но это когда над масоку взойдет заря настоящей человеческой справедливости.

Итак, это был мой подступающий крах, и я уже видел довольное лицо Ка-ра-и-ба-ги, который давил на вождя словами:

– Хуану надо судить не тайно, а всенародно, по старому проверенному обычаю на виду у всего племени, применив к ней тяжкие испытания, как хочет того Высший Дух, иначе он грозит всевозможными карами!

Тут даже Хуан с немой покорностью поддался суеверному страху и внутренне сжался. Он стоял молча, неподвижно, не удостаивая Хуану ни единым взглядом. Вероятно, и он верил тому, что она колдунья, так как это соответствовало его верованиям и убеждениям, входило, так сказать, в программу его первобытного мировоззрения, населявшего всё сущее духами и нечистью, и приписывавшего всё их таинственному влиянию.

Принесли блюдо с дымящимся мясом, обложенным корой ядовитого дерева, которое колдунье предстояло прилюдно съесть. Если она после опробования оставалась здорова, то это было доказательством её невиновности, если же яд начинал на неё действовать, то, не дожидаясь конца его действия, несчастную добивали самым жестоким образом.

Я старался ободряющими взглядами утешить девушку и лихорадочно изыскивал в уме какое-либо средство к спасению, тем более времени было в обрез, так как сам суд над колдуньями и установленные испытания над ними были всегда предельно нормированы, строго определены, и обойти их было невозможно.

Мрачно и угрюмо смотрели все лица, только глаза Ка-ра-и-ба-ги горели злым огнем самодовольства и злорадства, так как ему все-таки удалось поставить бедную Хуану на край гибели.

Бедняжке освободили руки.

Против каждого яда есть свое противоядие! Я вспомнил про неудачное отравление Григория Распутина цианистым калием, который был заложен в его любимый торт. Тогда сладость нейтрализовала яд.

Вот что, значит, знать всемирную историю!

Я воспрянул духом, несколько мгновений и в голове созрел смелый план спасения девушки. План был плодом не интуиции, а определенных знаний. Надо принять противоядие раньше, чем яд окажет своё смертельное действие. Я достал из кармана кусок тростникового сахара и дал девушке. Хуана давно не ела, и этот грамм на двести кусок, пока подносили мясо, оказался почти весь в её желудке. Как только выдержали её зубы, разгрызающие стеклянный монолит?

– Ешь досыта, дитя мое! – ласково сказал вождь, подавая блюдо. Он щелкал от удовольствия языком. – Славное жаркое у нас сегодня на ужин!

Вероятно, очень проголодавшаяся, она не заставила долго упрашивать себя. Все масоку с ужасом смотрели на неё. Не обращая внимания ни на кого, продолжая хрумкать ещё остаток сахара, она протянула свои быстрые чёрные руки к лакомому блюду. В один миг ловкие

миниатюрные пальчики ухватили солидный кусок мяса, а белые зубки рвали и терзали его, как будто это был обыкновенный банан.

– Кушай же, кушай на здоровье, дитя мое! – подбадривал её Нь-ян-нуй.

Хуан крепко схватил меня за руку и шепнул:

– Моя любимая Хуана умирает!

Ка-ра-и-ба-га взглянул на него.

– Она умирает, она должна умереть, в её крови течет яд!

Вождь подтвердил:

– Последняя, действительно, уже бьется в предсмертных судорогах, с белой пеной у рта...

Страх и ужас охватили бедных суеверных масоку, когда вождь второй кусок бросил собаке, и она тут же околела, между тем как Хуана продолжала рвать зубами мясо.

– Да ведь она жива! – ропот удивления пронесся в толпе.

– Нет, она умирает! – часть туземцев не верила в невозможное.

Глаза мои осветились торжеством победы, и у Хуана и у многих других. Я пристально уставился в лицо Ка-ра-и-ба-ги, наслаждаясь смущением этого негодяя, который уже сообразил, что перед белым человеком ему не добиться своего. Ход процесса оказался не на его стороне, и зародившаяся частица совести уже не давала ему покоя, он нутром чувствовал, что оклеветал Хуану, и то, что масоку клеветников жестоко карают, что судьба их недолговечна.

Вождь подал кусок мяса шаману. Наступила необыкновенная тишина, которой недовольны были, скорее всего, только вороны. Ка-ра-и-ба-га лишь только мгновение проявлял нерешительность, затем его острое лицо с рычанием вгрызлось в кусок.

И все увидели, как он упал на землю, забившись в страшных конвульсиях с пеной из рта.

– Бог Дуссонго покарал его! – сказал Нь-ян-нуй.

Предсмертная агония кончилась, и шаман затих, Вокруг раздался ропот одобрения.

– Развяжите Хуану! – приказал я.

Воины повиновались беспрекословно, хотя и показывали недоуменно головами. Хуана же устремила на меня свои большие уже не испуганные глаза. Я прочел в них искреннюю признательность.

А ещё через несколько секунд я и Хуан, освещаемые слабым светом луны, протянули друг другу руки.

Сколько мужского чувства и братства было в этом искреннем, взаимном рукопожатии, сколько бесконечной благодарности с одной, сколько искренней радости с другой стороны!

Все стали расходиться, оставив труп шамана посередине площади. Я перевернул его лицом вверх и увидел открытые глаза – живые и подвижные. И тут Ка-ра-и-ба-га встал и процедил мне злым хохотом:

– Все масоку, как один человек, возмутятся против тебя, и ты станешь лесным человеком. Только в горах и ущельях сможешь ты влачить свое жалкое существование, подобно друзьям твоим, проклятым гиенам! А когда истощатся твои запасы, когда ты израсходуешь свои карассо, тогда, Капитана, я заморю тебя голодом. Я буду морить до тех пор, пока ты не спустишься вниз вымолить

кусоч батата. И когда ты попадешь мне в руки, придётся тебе признаться, что я сильнее, и ты добровольно примешь от меня милость или кару...

Я вспомнил, что шаман сотворил из слюны пену раньше, чем тогда, когда забился в судорогах. Но это, как говорится, прошло мимо внимания непросвещенных туземцев. Ка-ра-и-ба-ге надо было отдать должное – в нём сказался артист необыкновенной силы, сумевшего отключить себя раньше, чем яд поступил в желудок.

Шаман ещё говорил, я плохо его слушал, я радовался в душе, что этот день кончается так радостно и счастливо. А везучая Хуана? Как сияет её личико ясным закатным светом, когда она, теперь, под вечер, стоит с Хуаном и Хуанитой на берегу, и с горячей благодарностью говорит слова, направленные ко мне, своему спасителю. В промежутке между сегодняшним утром и вечером столько успела она испытать мук, сколько видела за свою жизнь солнца и бурь!

Глава 13. ОСТРОВ ТАЛИ-ТАЛИ

Мое похищение. – Красивый островок Тали-Тали. – Я раб на водозаборном устройстве. – Я на столбе смерти. – На седьмом небе от счастья. – Сене! Сене! – Все тридцать три удовольствия! – Четыре жены.

Я имел весьма обстоятельный разговор с Хуаном.

– Ты – манирока? – спросил я.

– Да, я родился на острове Тали-Тали в племени манирока, – ответил он.

– Как долго туда плыть?

– Как идти до той горы. – Он показал на самую высокую вершину, которая сегодня была хорошо видна. – Это полдня усиленной ходьбы.

Я прикинул в уме, что расстояние до горы всегда скрадывается в глазах в сторону уменьшения, что она на самом деле в двадцати пяти километрах, а это около шести часов пути. За это говорило и то, что и сам остров не был в зоне видимости.

В принципе, я даже загорелся желанием побывать на Тали-Тали в гостях.

– Поплывем к манирока! – я высказал Хуану смелую мысль.

Но он изменился в лице.

– Они люди скверные!

– Почему они плохие?

Его ответ выразился в нескольких сумбурных словах:

– Капитана, нет, нельзя, о боже, они убьют тебя!

Я пообещал ему, что со мной ничего не случится. Но он стоял на своём:

– Нет, тебе нельзя, убьют, съедят, Капитана один, а их много!

Часа два бился я с ним таким образом и всё-таки не уломал его.

Но моё знакомство с островом Тали-Тали произошло помимо моей воли.

Я делал разминку на берегу, когда брызнули светящиеся точки из глаз и в них поплыли кроваво-красные пятна, затем всё померкло.

Я открыл глаза с головной болью, когда лодка, усердно подгоняемая незнакомыми гребцами с султанами на головах, подплывала к неизвестному острову. Я долго не мог понять, как я попал в неё и вообще где я нахожусь. Я не чувствовал другой боли, кроме странного тупого ощущения в голове. Мне трудно было собрать мысли в единое и привести их в порядок, но несколько глотков из кокоса, поданного услужливым папуасом, придали мне силы. Дул ровный ветер, временами порывами. Я осмотрелся и мне стало понятно. “Вот и я, наконец, стал жертвой набега! – унылые мысли копошились в моей голове. – Манирока выкрали меня. Неужели, – терялся я, – с примитивной целью рабства или канибализма?”

Несколько пирог выплыло нам навстречу. Через час мы были у берега. Красивый островок с густой растительностью и выделяющейся на её фоне группой кокосовых пальм, а далее – высоких горных вершин. Туземцы, разукрашенные цветами и листьями, толпой шли вдоль берега, распевая песни, в которые часто вплеталось имя Сене. Когда лодка врезалась в песок, я был мигом подхвачен десятками рук и вытасен на пологий берег, а затем на плечах сопровожден в деревню. Остановились мы возле ручья, на котором стояло водозаборное устройство. Облезлый ослик ходил по кругу и вращал ворот. Обычно, чтобы животное ничем не отвлекалось и смотрело только под ноги, на глаза его одевали шоры – плотные кусочки кожи. Похоже, этот был ослеплен, так как был без шор. Ослика отвязали от палки, другой конец которой был прикреплен к вороту, и привязали меня. На моей голове оказался колпак, закрывший мне белый свет. После пары пинков мне придали направление вращения ворота, и я понял, что я после похищения в рабстве, что стал вечным двигателем для перекачки воды. Вдобавок стоял человек, который видя мою нерасторопность, подгонял меня ударами бича. Успокаивало то, что меня не ждут галеры и каменоломни. Мне представилось, как я на протяжении долгих часов, изо дня в день, буду бродить как безропотное животное по одному и тому же кругу, толкая одну и ту же палку под неумолчное журчание бегущей воды. Ко всем бедам я стал ждать момента, когда меня ослепят.

Как раб, я был находкой для владельцев, являя собой безупречный инструмент своим развитым телосложением. Но надолго ли меня хватит – на год-два? Первые мучительные пять часов пролетели как одна жизнь.

Далее, из каких-то соображений мою судьбу переиграли, и я оказался больно притянут к столбу смерти. Этот столб немногим отличался от подобного у масоку. Такая же гирлянда-ожерелье из человеческих черепов, те же грудные клетки скелетов вокруг! Но высокий столб у манирока был более мерзостным, он блестел от свежей крови, медвежья голова на острие скалилась довольно и сыто; а подвязанное к столбу ловкими руками улыбочных женщин сердце было еще теплым... Я думал о жертвенном столбе и мне казалось, что сердце за спиной бьется.

И на большом дереве, к которому прислонился мой столб, раздавался душераздирающий, пронзительный, надсмехающийся крик зеленобрюхого какаду.

А пристальное внимание ко мне одной женщины лет двадцати пяти! Вот что больше всего поразило меня.

О, старая знакомая с надменным взглядом в глазах! Та самая, которую я спас когда-то от смерти! Я вспомнил съеденного вождя Муари и её, как следующую кандидатку.

– Сагвора! Сагвора! – кричали ей, как бы подталкивая её к какому-то своеобразному мероприятию.

Не насытившись зрелищем моей беспомощности, взмахом руки она привела в действие все тамтамы, с оглушающим треском ударившие по моим ушам. Воины с копьями шеренгами по десять человек всё ближе подступали ко мне. Теперь можно было ясно различить их отталкивающие, грубые физиономии, а наконечники копий уже касались меня.

Значит, конец... Из-за чего? От собственной беспечности или безумия дикарей? За что? А я так рассчитывал на снисхождение Сагворы в силу нашего знакомства.

Вот что сделал страх в минуту подступающей смерти – я взмолился:

– Услышь мои молитвы, о, Дуссонго!

И весьма громко.

Но грохот был сильнее моих стенаний.

Дирижером всей какофонии была эта самая Сагвора, местная воительница.

Моя ненависть тут же переключилась на неё. Не может быть, чтобы она не узнала меня! В душе я метал громы и молнии, я желал подрезать ей крылышки, укоротить коготки и надломить клювик, я перебирал варианты мщения, на которые вовсе не рассчитывал. О, дай мне возможность, и что бы я с Сагворой сотворил?! Поступил бы, как садист с мазохисткой, не иначе! Зачем только я тогда помог ей бежать? Единственное утешение льстило, что всё равно приятно быть автором даже мысленно приведенных в исполнение приговоров.

Постепенно музыка упорядочилась и стала более ритмичной. Туземцы уже могли под неё делать правильные, осмысленные движения. Манипуляции копьями в мою сторону приобретали всё более увесистый, угрожающий, болезненный характер.

Конечно со мной, так конечно. Подведение итогов своего недолгого века занимало всё моё эклектическое мозговое пространство. Я подбивал результаты: я добился некоторых поразительных успехов в этой жизни, жалеть было чего, но ещё больше я был противен сам себе, а, следовательно, и поделом мне. Я жалел бедную расу, я не загружал её технологиями, я не зарылся в землю, построив бункер, откуда мог бы совершать партизанские рейды. Я выбрал фарисейский режим существования для себя и никуда не годный, фальшивый для туземцев, и довольно искусно лавировал по капризам жизненного моря, но, видимо, оказался безмерно утомленным и обесилленным. Так мне и надо за самоуверенность и успокоенность.

Слишком дорого мне дались последние минуты. Каждая секунда могла стать роковой, и я закрыл глаза. Будь что будет! Измывание надо мной продолжалось вот уже три часа и конца как будто ему не было видно.

Видимо, туземцы отшумели своё – они порядком устали и музыка давала разноту в звуках.

– О, Сагвора, белый человек не чёрный! – Их голоса звучали резко и всё требовательнее. – Почему мы его ещё терпим, почему не съели его вкусное мясо?

– Сепе! Сепе! – сказала она, остудив соплеменников.

Несмотря на свой женский пол и молодость, Сагвора пребывала верховным вождем манирока, явление, которое я бы охарактеризовал как временный исторический возврат к матриархату. Видимо связь с прежним вождём и её приобретенный авторитет, побывавшего в плену человека, сослужили ей несомненную службу. С видом повелительницы, которой все должны повиноваться, по первому её требованию она прекратила мои мучения. Но не смерть моя была тому виною, а олицетворивший амнистию решительный знак рукой. Картинка происходящего остановилась в мгновение ока, застав туземцев в их неожиданных изумленных позах.

Моё снятие со столба Сагвора сопровождала жестом с распростертыми руками.

– Белый человек, вот мы и встретились!

Я был злой, и она оценила это.

– Извини, что мы доставили тебе много хлопот, и что тебе было больно. Ты наш самый дорогой гость на празднике “Аббб”! – сказала она один раз, а потом впоследствии постоянно напоминала.

Я весь кипел от ненависти на Сагвору, но если в первую минуту я готов был её убить, то далее, всё более успокаиваясь и остывая, я уже не мог бы руку на неё поднять.

Туземцы повалились мне в колени.

– Сепе, Сепе!

Я удивился, что все почему-то называли меня Сепе.

– Я не Сепе, я Капитана! – бил я себя в грудь.

– Ты Сепе!

Сепе так Сепе, мне было всё равно, лишь бы моей жизни ничего не угрожало.

– Я хочу пить! – выразил я вождице немедленное желание.

– Конечно, конечно, как скажешь, ты наш самый дорогой гость!

Мне тут же принесли напитков.

Я почувствовал сильное желание заснуть, так как в голове ещё ломило от удара.

– Я хочу спать! – выразил я второе своё желание.

– Сепе, мой народ слишком любил тебя и я тоже, чтобы отказать тебе в такой маленькой просьбе.

Луна уже освещала всю эту пеструю, своеобразную картину голубоватым зыбким неонам.

Меня привели к хижине.

– Вот твоё жильё, – показала Сагвора на прекрасное строение.

Хижина была просторной, украшенной мозаикой из соломок и обставленной масками и деревянными изваяниями как языческий храм. Я бросился на широкие нары, на которых могло бы возлежать ещё человек пять. Нары были с упругой подстилкой, и я мгновенно заснул мертвецким сном.

На следующий день я встал поздно, но относительно свежим, когда солнце уже стояло высоко, с ощущением, что в постели мне не давали спать. Чудилось, что мою постель кто-то грел женским телом, и временами было от этого жарко. Видимо, тупое ощущение в голове ещё не покинуло меня.

Я вышел из хижины и по взглядам туземцев почувствовал на себе их восхищение. Оказывается, пока я пре-

бывал в сильном сне, меня раскрасили лучшие местные визажисты, надели самые красивые украшения имиджмейкеры.

Подошла Сагвора.

– Как спалось эту ночь? – спросила она.

– Великолепно! – Что я мог ответить “радушным” в скобках хозяевам.

– Что снилось нашему дорогому гостю?

– Прекрасная девушка! – опять в шутку ответил я.

– Белая? – спросила она.

Я ответил после некоторого раздумья – уж очень сон был наяву и обрастал подробностями:

– Не то чтобы чёрная, но и не белая! Скорее чёрная, чем белая.

Видимо, эта девушка была мною собирательный образ.

– У тебя с ней было хорошо?

– Она взяла от меня всё, что хотела, и даже больше, – ответил я.

Сагвора как-то зарделась, и её чёрная кожа – мне не показалось – покраснела.

– Сегодня была как никогда красивая лунная ночь! – уклончиво сказала она.

– Никогда в своей жизни я не смотрел настоящие сны! – удивился я.

– Пора познакомиться с народом манирока, – сказала она, что было в моих желаниях и планах тоже.

С процессией я двинулся по улице деревни. Жители выходили из хижин, чтобы поклониться мне, при этом совали в руки детей, чтобы я порезвился с ними под одобрительные возгласы матерей и отцов. И я маленьких подбрасывал в воздух и ловил, а со старшими перебрасывался кокосовыми орехами. Больные так и липли к моей коже с желанием прикоснуться.

Я был доволен, что попал в утопическое общество, что мне не надо теперь бороться за свою жизнь. Как будто так и надо. Все туземцы были доброжелательны, и не было врагов, как на острове Надежда. Я благодарил судьбу, что впервые за последние годы спокойствие и душевное равновесие, наконец-то, не покидали меня. Мне позволялось всё, что заблагорассудится, выполнялись любые мои капризы. Всё это время я чего-нибудь желал, и соответственно жевал и пил. О, шведский стол! Мне постоянно подносили новые яства, о которых впору было записывать рецепты. И я радовался жизни. Иногда в коротких промежутках между принятиями пищи ситуация становилась запредельной, когда слишком омрачалась чрезмерным насыщением, тогда я отмахивался рукой, отвергая пищу, чем вызывал в туземцах досаду. Похоже было на то, что они решили нагнать мой вес до предела. И второе, что мне ещё досаждало, так это большая свита. Туземцы обстоятельно ходили за мной по пятам, целой толпой сопровождая меня всюду, всякий раз умильно улыбаясь, когда я глядел на кого-нибудь из них.

Далее свита прошествовала на аккуратно возделанные поля и направилась к группе работающих женщин и старших девочек. Они тут же собрались возле меня кучкой. Вождица выдернула одну из них; она была недурна собой эта девочка с милым личиком, лет четырнадцатипятипятнадцати.

– Как тебе она нравится? – спросила Сагвора.

– Милашка! У вас все такие хорошенькие? – пошутил я.

– А эти? – она выдернула ещё трёх молоденьких девушек.

– Нет слов! – ответил я.

Процессия вернулась в деревню, и я целый день принимал с дарами пищи ходоков, которые падали мне в ноги и произносили только моё имя “Сепе”. И не уходили, пока я не принимался и не заканчивал трапезу.

Я прекратил прием поздно ночью, потому что сон уже одолевал меня. В хижине я нашел навоящих марафет тех четырех славных девушек, на которых указывала Сагвора. И в этот раз я заснул быстро и мертвецки. Утром я несколько минут отходил от проникающего видения прекрасной незнакомки, задавшейся целью не давать мне спать. Приподнявшись, я обнаружил девушек спящими со мной, по две с каждого бока. Неопределенный их статус потребовал с моей стороны решительного объяснения от вождицы. Утро началось, как и вчера, с работы “общественным деятелем”, и меня уже “лапали” очередные туземцы.

– Народ должен познакомиться с нашим гостем, – прокомментировала Сагвора.

Первым делом я изобразил на лице глубочайшее недоумение по поводу оставшихся ночевать у меня девушек.

– Дорогая и уважаемая Сагвора, я не нуждаюсь в прислуге, более того, в навязчивом сервисе, я выражаю свой решительный протест, я намерен обслуживать себя сам.

На что она ответила:

– Это не прислуга, это твои жены.

– Гмм!

Опять всё те же матримониальные планы!

– Мне не нужны жены! – я тотчас же отрицательно замотал головой. – У меня они уже есть у масоку.

– Сколько?

– Три официальных и две пока без определенного статуса, в гражданском браке.

Сагвора грозно взглянула на меня.

– Манирока богаче масоку, мы даем четыре! Пока ты у нас здесь, мы не имеем права ущемлять тебя в гостеприимстве, как и ты, в свою очередь, не можешь пренебрегать законами нашего гостеприимства! – это было произнесено твердо, не терпящим возражения голосом.

Воины взмыли вверх копьями, а одно упало возле моей ноги.

Это был знак, что на острове не шутят. Действительно, как можно быть недовольным и нарушать законы гостеприимства, когда всё говорило, что я почетный и уважаемый гость! Только недоброжелатель не оценит настоящего хлебосольства!

Итак, дареному коню в зубы не смотрят, четыре жены с моего молчаливого согласия стремительно ворвались в жизнь, отираясь в хижине, путаясь под ногами и хозяйничая в постели, втирая в мою кожу душистые масла и благовония, и я ничего не мог поделывать, не мог их прогнать, чтобы не прогневить радужных хозяев.

В этот день к моей свите дополнительно присоединилась группа воинов из десяти человек, они неотступно следовали за мной повсюду, ошетинаясь копьями каждый раз, если видели непорядок. Инициатива, конечно,

интересная: превратить свиту в стражу, только для чего? Впереди шли с флейтами и барабанами, извещая жителей других деревень о моем прохождении, чтобы они приготовились к торжественному воздаянию мне почестей.

Со мной почему-то не разговаривали, видимо опасались моего резкого несогласия с чем-то, или боялись не угодить в моих капризах.

При стечении народа вождица и представители местной знати исполняли обязанности хлебосольных хозяев, подавали мясо и вообще обслуживали меня как какого-нибудь принца голубых кровей. Чело моё украшал веночек из злаков, браслеты из акулиных и леопардовых зубов обвивали запястья и лодыжки. Чтобы на мне были всегда роскошные безделушки, следила сама Сагвора, постоянно поправлявшая их сползание.

Манирока во всем были покруче масоку, что уж говорить о гостеприимстве!

Вечерние сумерки под тропиками продолжаются, как известно, очень недолго, и ночь скоро опустила на землю свой темный, непроницаемый покров, полный таинственности.

Глава 14. ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ БЕЛОГО ВОЖДЯ

Пять жен. – Усеченная пирамида. – Я – вождь манирока! – Низложение Сагворы. – Сагвора на столбе смерти. – Я проявляю настойчивость и хладнокровие. – Для меня не существует табу. – Низложение белого вождя. – Роковая рокировка.

Следующая ночь была исключительно темной и опять же беспокойной, и я решил окончательно объясниться с Сагворой. Утром, когда солнечные лучи свободно проникают сквозь щели, я обнаружил её прильнувшую с левого бока и с любопытством прислушивающуюся к работе моего сердца.

Кошмар! Ложился – было четыре девушки!

Что делать? Гнать её в три шеи?

– А у тебя там внутри тук-тук, – заметила она моё шевеление.

– Ты что тут делаешь? – Этот вопрос был не выражение восторга.

– У тебя сердце не тук-тук, а тук-тук-тук, – промурлыкала она и даже не подняла головы.

– Как ты здесь оказалась?

Сагвора словно не слышала моё возмущение.

– Теперь я знаю, как бьётся твоё сердце, – продолжала она мурлыкать.

– Сагвора, надо ли расценивать твоё присутствие у меня под боком, как не нарушающее законы вашего племени? – удивленный, я высказал ей свой протест.

– Да, это так, – ответила она.

Я стал рассказывать:

– У нас на Севере, откуда я родом, у малых народностей есть обычай подкладывать гостю в постель жену или дочку. Я твой поступок объясняю подобным образом.

– Да, это так, – ответила она. – Ты же сам сказал: “В постель жену или дочку”. В дочери я тебе не гожусь.

– Следовательно, ты моя временная невеста?

– Жена! На всю жизнь!

– Сразу жена?

– Это суцая правда.

– А если ты мне не нравишься?

– Мы найдём тебе ещё жену.

– А если и эта?..

– Будешь брать жён до тех пор, пока не понравится, пока не скажешь “хватит”.

– И я не могу от тебя отказаться?

– Разве я дурнушка?

– Ты – просто настоящее чудовище!

– Я сделаю всё, чтобы ты не смог не заметить во мне женщину.

– Можешь не стараться! – Я был возмущён её прямолинейностью до глубины души.

– Жаль, но ответ на твой вопрос таков: не можешь отказаться под страхом смерти.

Снова это оригинальное не писанное гостеприимство! Согласившись на четырех жен, надо соглашаться на пять!

Опять же сама Сагвора!

Чем это обернется?

Она выскользнула из постели первая, когда ещё остальные девушки продолжали нежиться.

– Запомни, – сказала она, – у тебя уже пять, а не четыре жены!

– Что я считать разучился? – обиделся я.

– Ошибиться легко! – Сагвора представила перед моими глазами пять пальцев.

– Пятая – это ты? – Я показал на большой палец.

– Нет, я вот этот. – Она мне сунула под самый нос указательный.

По существу, она была права как женщина. Я занялся подсчётом – впервые количество моих жен перевалило некую трудно воспринимаемую величину, стало измеряться не единицами, а уже на порядок выше – десятками.

А впрочем, мне нравился этот бесконечный спектакль, длящийся уже почти неделю.

– Ты наш самый дорогой, самый почетный гость! – не уставала постоянно повторять Сагвора.

Как воспитанный человек я всегда подыгрывал, но когда на меня стали навешивать гирлянды цветов, опутывающие мои плечи и шею, что трудно было дышать, и сделавши меня похожим на персонажа с картины Кранаха “Вакх”, мне это совсем не понравилось, но даже этому я не воспротивился. Только сказал:

– Сагвора, нельзя ли скромнее? Надо умерить эти показательные выступления перед народом.

– Нельзя. Но почему ты не хочешь? – изумилась она.

– Не люблю, знаешь ли, излишнюю помпу.

– Праздник без тебя – не праздник.

– Но я не светский лев, я не публичный человек.

Сагвора туманно заметила:

– Ты не просто наш самый дорогой, самый почетный гость, ты – Сепе.

– А Сепе – это кто?

– Это имя Банановой Богини.

Я был польщён, только не нравилось моё ассоцирование с женским именем.

Шла последняя сборка десятиметровой четырёхсторонней усеченной пирамиды с площадкой наверху. Для неразбуженных от первобытной спячки умов туземцев это было нечто! В чем я и признался себе, что эволюционное развитие манирока было выше масоку, которые знали только о конусе, принцип которого применялся в строительстве конусообразных крыш хижин.

– Сними охрану! – выразил я одно из немногочисленных желаний, потому что мне было стыдно что-либо просить при таком обилии слуг, когда у меня и так всё было, что только душа пожелает, в том числе и охрана. Охрана – услуга хорошая, но ведущая к неудобству, стеснению и изоляции.

– Зачем? – спросила она.

– Мне не совсем комфортно, а я ведь почётный гость, твой муж, наконец, – напомнил я с ехидцей.

– Зачем? – переспросила Сагвора и ответила как само собой разумеющееся: – Мужья имеют намерения пускаться в бег от жён!

– Бог мой, но куда я теперь от тебя?

– К чужой жене.

Поражаюсь этим дикарям – они готовы на далеко не очевидные чувства и способны бороться за них.

– Но я тебе не совсем муж!

– Почему ты сомневаешься?

– Мне официально не сделано предложение?

– Зачем оно тебе?

– Я теряюсь в догадках, тем более в своих чувствах: как и что ответить тебе, если оно последует неожиданно, ведь подобное рано или поздно надо ждать от тебя?

– Не надо беспокоиться, обойдётся без предложения, ты стал моим мужем с той самой минуты, когда я привела тебя в дом! – ответила она.

Снова простота, достойная подражательного примера любому чересчур отличающемуся напыщенным менталитетом обществу!

“Я – вождь манирока! Я теперь и царь и бог!” Эта мысль ударила неожиданно. Если Сагвора – вождица, то я после ведения с ней совместного хозяйства, то есть проведенных с ней общих ночей...

Вождь!!

– Так я, следовательно, вождь – повелитель народа манирока? – с иронией произнес я.

Сагвора как-то странно изменилась в лице. Я задел тайну, которую она доселе предпочла не открывать мне.

– Да, ты – властитель народа манирока! – нехотя подтвердила она.

– А строящаяся пирамида предназначена для приведения меня к присяге? А пышное торжество – инаугурация?

– Увидишь! – таинственно ответила она.

Червь сомнения окончательно уполз из моей головы.

Ее утверждение, что я вождь, требовало доказательств, и тут мне пришла грандиозная мысль для проверки!

– Милейшие! – я подозвал воинов. – Я – вождь манирока?

– Да, ты – вождь манирока!

– Тогда я приказываю и повелеваю.

– Приказывай и повелевай! – Они упали на землю.

– Связать и поместить эту дамочку на столбе смерти! – Моя рука показала на Сагвору.

Сагвора – вот достойный пример настоящей жены – тоже упала мне в ноги и обхватила их крепко, громко крича:

– Мой господин, убей меня, но только не надо на столб смерти!

Воины набросились на неё с каким-то остервенением, отрывая её от меня, один из них как истукан безропотно накинул на неё веревку. В этот момент я окончательно убедился в том, что по степени и уровню власти я и в самом деле вождь.

Дело принимало неожиданный оборот, и Сагвора смиренно потянулась за воином на веревке, стиснувшей ей ужасно шею. Присоединились остальные воины, и она точно также оказалась больно притянута к столбу, на котором недавно находился я.

Туземцы по природе садисты. Они явно были не против её смерти. Они хотели насладиться её ужасом и подталкивали меня к немедленному кровопусканию. Для них смертельный ужас в глазах жертвы самое сильное и приятное чувство. Они вкладывали мне в руки то копье, то лук, то нож, показывая в сторону Сагворы. Она в этот момент трепетала как осиновый лист на ветру. Я достиг полной власти над племенем манирока и победы над могущественной женщиной, над её волей и гордыней!

Затем от толпы отделился шаман, устроивший настоящее представление с манипуляциями оружием. Его танцы были напористы. Сразу несколько стрел впились в столб, оконтурив девушку. Вторым эшелонам на Сагвору надвигалась целая рота воинов из её личной гвардии с копьями.

Меня захватило её мужество. Сагвора страдала, прикрыв глаза, металась и стонала, и словно астма её душили веревки. Где тот предел терпения от пыток, после которых Сагвора будет просить сжалиться над ней?

Острые наконечники иногда цепляли её тело, и очень эффектно выглядела красная кровь на фоне чёрной кожи. “Чёрному квадрату” Малевича далеко до этой картины!

Я бы на месте Сагворы с ума сошел!

Я присмотрелся. Взглядом она искала меня, но тут же от переполнявшей ее гордостью его отводила. Эта среднего роста девушка с прекрасными физическими данными, чернушка с большими темно-карими глазами, немного длинными ресницами и завышенными бровями, всё решительнее смотрела на происходящее презрительным, но спокойным взглядом. Она была горда и заносчива, ещё и спесива, она легко прощалась с жизнью! Неоднократно за этот вечер. Прикосновения наконечников вызывали в ней неприятную дрожь, словно она попадала под воздействие электрического тока. Она испытывала физические страдания, но не испытывала нравственных мук, которые бывают невыносимее самой страшной пытки. Она не просила пощады. Я вспомнил Хуана и Хуану и отдал должное стойкости всех троих поименно.

Мщение не знает границ! Но я восторгался не мстостью, а зрелищем, я не хотел ничего другого, как только насытиться падением поверженного врага. Я мог казнить или миловать. Я упивался произведенной властью!

Не знаю слово, противоположное табу. Если табу говорило “нельзя”, то я обладал вседозволенностью, то

есть полной противоположностью от “табу”, когда всё можно!

Табу для меня не существовало!

Туземцы ждали разящего удара или моего окончательного приказа. Но и они понимали, что я хочу продлить наслаждение, что желаю утолить свою страсть садиста, что я тоже наравне с ними готов бесконечно смаковать видом мучений Сагворы. И они были благодарны мне за это!

Сладострастное зрелище продолжалось! Это было гнусно, гадко, омерзительно, настоящий самосуд. Я презирал туземцев, презирал себя, что втянулся в омерзительность, когда остановиться было выше моих сил. Ещё пять минут и я скажу Сагворе, что она молодец, а я экзекутор, и принесу ей свои извинения. Но эти пять минут тянулись и тянулись! С какой утонченной жестокостью мы измывались над ней, насколько кровавое услаждение разъяряло дикарей, к которым я уже причислял себя. Но, как настоящий исследователь, я хотел знать предел её нечеловеческих страданий, ждал, когда изменит ей выдержка, когда ей больше не удастся себя сдерживать.

Но как нет предела нечеловеческих страданий, так нет и предела человеческому мужеству, и Сагвора доказала это.

Взошла луна. Почему Сагвора с таким вожделением, с такой надеждой посмотрела на неё?

Я занес копьё для броски, и в этот момент меня сбили с ног, и уже я оказался на столбе смерти вместо Сагворы и корчился от вьёвшихся в тело веревок.

Она минуты обозревала меня, смотрела на мои страдания от давивших пут.

Я как был вознесен на колесницу власти, также низложен с неё.

Теперь уже я должен быть пройти все круги ада, которым только что подверглась она.

Оказывается, у меня были права на всё! Я мог безнаказанно грабить, убивать и насиловать сколько душе угодно! – как раньше во имя победы и поднятия воинского духа отдавали города на три дня солдатам на растерзание, вплоть до глумления над жертвами. Но я воспользовался этим правом только отчасти. И если бы не взошла луна – знак окончания моего могущества, я бы продолжал быть вождем. А в настоящий момент мне не оставалось ничего другого, как только корить себя.

Неделя вседозволенности кончилась! Теперь мне надо было опять доказывать, что я ещё существую. Пусть видят мои мучители, что я не просто существую, а ещё, ого-го, как существую.

Сагвора озидала мои мытарства пытливо, а решала мою судьбу буквально пять минут, и всё закончилось для меня прозаично.

– Снять со столба! – приказала она.

Что преобладало у неё в душе, то ли жалость, то ли любовь, только я снова оказался в её хижине.

Глава 15. ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Я – человекобог Сепе. – Бурная ночь перед смертью. – Ужасы усеченной пирамиды. – Гирлянда из карассо. – Хуан и Хуана – мои спасители. – Погоня. – Я опять на острове Надежда.

Я был обязан Сагворе весь без остатка. Но что стоит перед искуплением моей вины? Обрету ли я презрение Сагворы или её снисхождение? Ощушу ли карающий меч на себе за утонченную жестокость, с какой я и её подданные измывались над ней!

В хижину проливалась луна, и у меня вырывался стон сострадания к горькой участи этой мужественной женщины, когда я тщательно осматривал её тело, когда промывал ужасные ранки и прижигал их уксусом, когда делал перевязку, а она стоически терпела мои медицинские манипуляции.

Былые обиды забываются у всех по-разному: кто-то вообще их долго помнит, а кто-то сразу же из памяти стирает всё. Почему-то Сагвора, как и я, оказалась не мстительным человеком. Это показала сегодняшняя бурная ночь, полная доверия и взаимопроникновения.

С утра меня опять кормили от пуза, что невозможно было не почувствовать увеличения своего веса по отложению жира на животе и бёдрах, далее я тащил груз общественной работы, во время которой меня подвели к деревянному идолу. Что удивительно, он был одет и разукрашен точно как я – непревзойдённая копия! На меня стали возлагать бананы, и я вспомнил о грядущем празднике Банановой Богини, который у масоку был без названия и справлялся без помпы. Теперь, я соизмерил, судя по разворачивающему действию, что масоку, в принципе, тихий, скромный народ.

– Сепе, Сепе! – туземцы повалились на колени уже не ко мне, а к идолу.

Итак, два Сепе! Новое открытие! Опять же, насколько я теперь не светский лев, не публичный человек на фоне деревянного идола? Какая бы ни была честь моей персонификации в качестве бога, вменение в обязанность олицетворять из себя бога мне ранее льстило, но теперь, приобретя конкурента, не очень-то радовало. Я наблюдал за дальнейшим развитием событий. Между тем, почтение и поклонение, оказываемые самому идолу, ничем не отличались от подобных мне: меня наряжали – его наряжали, меня ублажали – его ублажали, откармливали мой живот – и холили его.

Спокойствие с элегическим налетом не могло продолжаться бесконечно долго, а по закону жанра ружье должно выстрелить, то есть, что-то должно было произойти.

И только в этот момент во мне произошло смятение, и смертельная бледность покрыла лицо.

О, ужас! Праздники у варваров подобного рода – всегда жертвоприношение! А я – человекобог! Мне уготована его судьба, предназначенного умереть насильственной смертью во время пышного церемониала! По всем признакам я понял, что влип окончательно, что меня готовят принести в жертву своей Банановой Богине Сепе, у идола которой я находился.

Мне легче с высоты познаний человека начала 21-го века ориентироваться в этих религиозно-мистических отношениях. Туземцы знают одно, что каким-то таинственным образом они сами, скот, посева связаны со священным богом Дуссонго, что от его благополучия напрямую зависит благополучие всех манирока вместе с принадлежащими им живностью и полями. Банановая богиня Сепе была всего лишь отождествлением всех их

чаяний, являлась промежуточным звеном между Дуссонго и людьми, так сказать, занимала пост министра сельского хозяйства и развития. В глазах таких людей нет большего несчастья, чем смерть близкого. Но самое большое несчастье, чем смерть близкого, есть смерть их вождя от болезни или старости – ведь такая смерть, по их мнению, возымеет самые губительные последствия для них самих и для их имущества: начнется мор и падеж скота, земля перестанет родить, природное равновесие будет непоправимо нарушено. Следовательно, для предотвращения этих катастроф, их бог всегда должен находиться в полном расцвете сил. И тут немаловажна роль человекабога, его жизненная энергия должна перейти к богу и таким образом возобновлять и осуществлять в нём продолжение молодости, дабы оставаться богу навеки юным и свежим. А это значит, что равным образом из поколения в поколение будет от бога передаваться молодость и сила людям, будут рождаться дети, будут приходиться сев и жатва, будут чередоваться лето и зима, дождь и солнечная погода.

Волна горечи пульсировала через меня. Так когда, когда произойдет час “икс”?

Приготовления шли успешно ускоренными темпами. Только чрезвычайное обстоятельство могло отвлечь от меня стражу. Но она была бдительна как никогда, не покидала меня ни днем, ни ночью и присутствовала даже в хижине, потому что в случае если человекобог все-таки умудрялся сбежать, то человекобогом становился начальник стражи и, следовательно, он будет принимать смерть в его качестве.

Хуан, друг, где ты?

События для него развивались следующим образом. Когда я пропал, он предпринял поиски, которые, как известно, кончились ничем. Затем он стал следить за шаманом, но и тот оказался ни при чем. И только узнав от моих жен, что я не вернулся с берега после утренней пробежки, он правильно сообразил – тут дело рук манирока!

Он подготовил пирогу и загрузил в неё... коробки с карассо. Его мозг работал не впустую. Правда, всех обстоятельств похищения он не мог знать, но что надо плыть на остров Тали-Тали – направление мысли было верным.

Знаток обычаев манирока, он вместе с Хуаной плыл всю ночь, и только на рассвете спрятал пирогу. Уже через час прозвучала музыка от первой флейты, и многочисленные звуки от них понеслись вглубь острова.

– О! Капитана! – слезы закапали из его глаз, и он бросился на грудь Хуаны.

Ей тоже хотелось рыдать, но она остудила мужа:

– Тихо! Кругом враги!

Хуан и Хуана знали, что эта музыка означает. А значило это раз в год праздник Банановой Богини Сепе, орошение её идола кровью человекобога, которого распнут на вершине пирамиды. Шаман, вспоров грудь, вынет сердце, соберет в лохань хлеставшую кровь, обрызгает ею идола богини и всех присутствующих, а сброшенное сверху тело низы разорвут на части и съедят за милую душу.

Он разрисовал себя и Хуану татушками⁸, как требовали того обычаи во время праздника, и они смешались с местным населением, не вызвав подозрений.

Удары в барабаны возвестили о начале праздника “Аббб”, который должен был начаться сегодня, продолжаться всю ночь и весь завтрашний день. В принципе, он начался с моим появлением на острове.

Шум, не прекращаемый музыкальными инструментами, был оглушающий и доставлял туземцам заметный подъём настроения.

– Как тебе спалось, белый человек, этой ночью? – спросила меня Сагвора.

– Неплохо! – ответил я как можно бодрее. – Ты была опять как всегда неподражаема.

– А ты – неумомим, как... как вездесущий, с кручи на кручу прыгающий козёл.

Сравнение меня покорило, оскорбило, но как она была права. В самом деле, какой уж там сон, я еле стоял на ногах, но держал себя в руках. Мне даже не отказало чувство юмора, когда я вспомнил давнишнее объявление: “Половой садист ищет половую мазохистку”. Я ещё разговаривал с вождицей с видом невозмутимости, как вдруг раздалась пронзительные крики и причитания. Голоса были женские, и скоро показались сами плачущие, обеими руками они прикрывали глаза и утирали слезы, шли медленно и крикливо, нараспев причитая какие-то слова. Временами переходили на вопли, громкие и пронзительные. Немного поодаль за ними следовали ещё женщины и дети, также понурившие головы.

– Так ты знаешь, о чём плачут и кричат женщины? – спросила Сагвора.

– О покойнике! – как можно спокойно ответил я.

Она изумилась и пристально посмотрела на меня.

– А кто он?

– Я!

Несмотря на спокойствие, мой унылый вид всё рассказал Сагворе. Она с пониманием отнеслась к моей беде.

– Откуда узнал?

– Бог Дуссонго решил не мучить меня неопределенностью и всё рассказал.

– Да, да, женщины неутешны... О тебе... Ты – Сепе! Бывают, конечно, положения ещё более удручающие и скверные, но здесь я не в меру расстроился и потерял сознание.

– Может тебе больше принести бананов? – спросила Сагвора, приводя меня в чувство.

Я был в ступоре, и всё на что я был способен, это отрицательно качать головой.

– Тебе чего-то очень-очень надо, целую свинью хочешь?

Я мычал нечленораздельное и мотал головой.

– О, ещё жену? – лезла она из кожи вон со своим угодничеством.

Ещё больший шум подняли женщины. От плача они перешли к вою, очень похожему на вой здешних собак. Интересно, кто кому больше подражал? Он то усиливался, то стихал.

Процессия прошла мимо крокодильего затона, по водной глади которого бороздили зеленые сучковатые

⁸ Татушки – татуировки.

бревна со смыкающимися челюстями, и двинулась к пирамиде. Ко мне часто подходила Сагвора и комментировала, как само собой разумеющееся:

– Женщины воют по покойнику, то есть по тебе! Тебе выпала большая честь подвергнуть тебя мучительным пыткам, затем принести в жертву.

– Почему не сразу в жертву? – всполошился я.

– Сразу нельзя. Хороший праздник не терпит суеты, – пояснила она. – Сейчас мы продумываем сценарий праздника, немаловажно с чего начать: ломать ли тебе руки, а потом ноги, или лучше наоборот. Можем прислушаться к твоему мнению и обратиться к личному опыту.

Я был обескуражен, поэтому мямлил невпопад:

– Какой у меня опыт? Я за свою жизнь и мухи не обидел.

– Приветствуется еще твоё знание.

– Такими знаниями не разбрасываются против себя, – уныло сообщил я.

– А ты попробуй, и боги вознаградят тебя за это. Праздник должен быть красочным и впечатляющим. Годится любая жертвенность даже от жертвы. Как говорится, для жертвоприношения все средства хороши.

Я пришел в ужас от разрываемого мяса и хруста костей, от вида туземцев, занятых своим отвратительным делом. Больше всего возмущало их чавканье и высасывание моих костей.

– Вон там, – Сагвора показала на вершину пирамиды, – сидит человек с ножом. Этот заслуженный, добрый, милый человек – наш шаман, он ждет тебя. Завтра мы поднимем твое изувеченное тело и он отрежет тебе голову, ручьем брызнет твоя кровь и окропит женщин и семена, меня тоже в том числе, и увеличится плодородие. На острове появится много детей, и у меня тоже, и вырастет большой, большой урожай. Затем шаман вскроет твою грудь и достанет ещё живое сердце, и его получит самый искусный воин. Эти костры будут жарить твоё мясо, а потом его съедят гости, присутствующие при твоей смерти, и я тоже...

– Зачем тебе моя кровь, – перебил я Сагвору, – если я твой муж и у тебя от меня и так будет много детей?

– После детей мне опять будут нужны дети! – я получил достойный ответ.

Добрпорядочная мать, ничего не скажешь! Похвальный пример для подражания нашим российским женщинам!

– Ты хочешь детей от меня? – напрямую спросил я.

– И от тебя и от Сепе.

– Как ты видишь от меня?

– Через окропление твоей кровью.

– А по-другому никак нельзя?

– Никак.

– А без моей крови можно?

– Без твоей крови ничего не получится.

– Почему – не получится?

– Сепе первая должна получить твою кровь.

– А причем здесь Сепе?

– Сепе – ещё и богиня деторождения. Она наполняет животы рожениц.

– А без Сепе детей разве не бывает?

– Без Сепе женщины никогда не понесут.

– А мужчины могут наполнить животы рожениц?

– Неужто не знаешь, мужчины ходят на охоту, на войну.

– А что ночью они делают в постели?

– Прижимаются к женщинам.

– А дальше – что?

– Крепко засыпают, сопят и храпят.

– А женщины – что?

– Женщины остаются недовольными.

– А почему они остаются недовольными?

– Им не хочется оставаться недовольными, а мужчины только и знают, что храпят.

– А прижимаются тогда мужчины – зачем?

– Они не дают женщинам спать.

– А зачем они не дают вам спать?

– Они считают, что мы мало работаем, что мы – лентяйки и лишние рты.

– А почему они считают, что вы – лентяйки?

– Потому что они приходят с охоты, а от нас мало детей, овощей и фруктов.

– А почему от вас мало детей?

– Потому что праздник нашей любимой Банановой Богини Сепе раз в году.

– А женщины прижимаются к мужчинам?

– Прижимаются.

– А для чего они это делают?

– Это мужчины так хотят.

– А зачем они так хотят?

– Им всё равно к чему прижиматься – к стенке или камню.

– А вам, женщинам?

– А нам не всё равно – лучше к мужчинам.

– А почему не всё равно?

– Мужчины не все одинаковы.

– Почему?

– Все прижимаются по-разному: одни сильно, другие слабо.

– Кто из них лучше?

– Которые – сильнее.

– А к кому они ещё прижимаются?

– К козе, к свинье.

– А вы – женщины?

– Мы – к детям.

– А почему...

Это была бесконечность и казуистика. Сагвора напоминала мне учёного-схоласта, готового дать ответ на любой вопрос. Я устал добиваться истины. Я остановился и не стал задавать ещё вопросы – всё было понятно. Так я получил полное представление о половом и просто невежестве у туземцев.

Передо мной было полное собрание туземцев во всем их многообразии. Я не видел ничего, кроме моря голов и плотной живой стены, из которой доносились сильные звуки бамбуковых труб. Большинство обоего пола отдавались страсти первобытных танцев, делая положительно неприличные телодвижения. Даже дети, играя в стороне, подражали своими фрикциями взрослым. Это было странно, потому что было мне в новинку, но глумление надо мной проявлялось явственно. Особенно надоедали папуас с папуаской, выделяющие довольно лихо замысловатые движения с вихлянием задниц. Физиономии молодых людей, которые были незнакомы, стали кого-то мне напоминать, но они были так разрисо-

ваны, что я должен был пристально вглядываться в их лица, чтобы распознать их: до такой степени обыкновенное выражение и черты лиц изменялись несколькими цветными узорами.

Видение стало лучше обрисовываться. Я обомлел – это были Хуан и Хуана! Вот моё спасение этой ночью!

– Сегодня наша последняя брачная ночь, – предупредила Сагвора.

Я не почувствовал в её словах никакого подвоха, да и цинизма тоже, настолько это было сказано просто и естественно, свойственное ей, как дикарке.

Я был не против. Я хотел объять необъятное. В последние часы Сагвора стала остро напоминать мне популярную киноартистку или я себе внушил? Полчаса ушли на то, чтобы впервые это имя прозвучало у меня внутри.

– Ты похожа на одну женщину из моей прошлой жизни, – произнёс я. – Тебя бы отмыть в шампуне и обесцветить в перекиси водорода, чтобы стала блондинкой. Ты мне напоминаешь Николь Кидман.

– Это кто такая?

– Да, так, одна моя хорошая знакомая, актриса от бога.

– Я тоже от бога, от Сепе! – торжественно похвасталась Сагвора.

Да, эта туземка была неисправима в своём тупом невежестве.

Долго неслась похоронная песнь, пока её певцы не утомнились. Лунная ночь была тиха, и звуки труб и других инструментов прорывались кое-где, ещё доносились они очень вятно, но уже вяло, и к глубокой ночи их отдельные постанывания совсем успокоились. Невозможную тишину нарушали лишь изредка крики каких-нибудь птиц. И вот тут настал звездный час Хуана и Хуаны. Они торопились сделать за ночь быстро и бесшумно то, что должно было поразить народ манирока.

Поутру, когда не совсем рассвело, первой меня приветствовала на ложе Сагвора. Она могла бы не делать этого, потому что всю ночь не давала спать.

– Белый человек, сегодня день рождения Банановой Богини Сепе, – напомнила она, – нашей богини плодородия.

– Поздравляю! – сквозь горечь в душе произнес я.

– Ты разве не рад? – удивилась она. – Ты не спал, как видно, этой ночью, потому что выглядишь бледным, расстроенным и утомленным! Надо больше кушать.

Трудно назвать цинизмом эти слова и её поведение, потому что её глаза и здесь не блуждали в сторону.

Налетели визажисты и имиджмейкеры и в течение часа навели последние праздничные штрихи на моём теле.

Игра флейт и барабанов между тем всё сильнее оглашала воздух, и мы процессией двинулись вперед.

На меня зрелище последнего дня в моей жизни действовало опьяняюще. Это не укрылось от Сагворы.

– Ты разве не знаешь, что от благополучия Банановой Богини Сепе зависит процветание манирока? – спросила она. – Она даст нам обильные урожаи.

– И много-много детей! – воскликнул я.

– И много-много детей! – повторила она, удивляясь моей прозорливости.

О чудовищной несправедливости говорить было бесполезно, и я только подтвердил:

– О да! Конечно! Других способов просто не существует!

Сагвора вдруг поинтересовалась.

– Что ты делал раньше, когда хотел детей?

– Я – женился.

– Хорошо, ты привёл в дом жену, и она сразу родила?

– Не сразу, но родила.

– Но от кого?

– От меня.

– Но ты... ты же живой!.. – Изумление вперемежку с испугом перекосило её лицевые мышцы.

– Могу точно сказать – без участия Банановой Богини Сепе.

– Так не бывает! – воскликнула она.

– Бывает! Через девять месяцев и ты убедишься в этом!

– Ты принесёшь счастье Сепе, а Сепе мне? – радостно вскрикнула Сагвора.

– Только я напрямую, и никакая Сепе.

– Это невозможно! – снова воскликнула она.

– Тогда почему у тебя до сих пор не было детей?

– Сепе не пожелала это. Она ждала, когда ты придёшь.

Да, трудно сладить с Сагворой. Я не стал ломать её стереотипы. А она снова спросила:

– А что ты делал раньше, когда хотел получить хороший урожай?

Моя рука показала на вонючую лепешку от свиньи.

– Я вносил в землю навоз.

– Какая дикость! Зачем? Жертвоприношение лучше! – изумилась вождица и слегка пристыдила меня, ударив по моей голове бананом с локоть величиной. Разубеждать было бесполезно.

Но вот послышалось нечто похожее на сигнал, и собравшиеся, как можно громче, стали расходовать мощь своих голосовых связок. Этот бестолковый ор импонирует не одной только Сагворе, но и всей загнипнотизированной толпе.

Вождица приостановилась, а вслед и все остальные, потому что сейчас должно было что-то последовать. Видимо торжественный момент. Все увидели собственными глазами ещё раз и услышали собственными ушами, как могуча и сильна вождь манирока.

– Народ манирока! Праздник нашей любимой Банановой Богини Сепе объявляю открытым! – провозгласила она.

Вокруг стали зажигать многочисленные факелы.

На середину круга перед пирамидой вышли мои жены, обнаженные руки, ноги и животы их были увешаны множеством украшений, производящих при малейшем движении звуки стучащих, как кастаньеты, и шуршащих друг о друга раковин. Танец их был медленным, но плавным и изящным.

Сагвора буквально пожирала глазами девушек.

– Не правда ли, они прекрасны и великолепно исполняют танец? – спросила она.

Затем мои жены начали вихляние задницами влево-вправо, а продолжили – вперед-назад. Имитация определённого действия. И это мои жены, которые от знакомства со мной несколько дней назад прятали глаза от смущения!

Теснившаяся вокруг пирамиды толпа среди факелов нетерпеливо потребовала человекабога.

– Сепе! Сепе!

– Мы пришли как раз вовремя, – сказала мне Сагвора, – и увидим сейчас самую интересную часть программы.

Она подняла глаза на шамана, находившегося на вершине пирамиды с ножом, но ещё спящего.

– Как будешь там, – вождица показала рукой на верхотуру, – не забудь передать от меня привет моей любимой Банановой Богине Сепе...

И тут же обомлела!

Неужели обман зрения?!

– О, Банановая Богиня Сепе!

Ее резкое непроизвольное восклицание остановило танец и всех насторожило.

На вершинах деревьев от ветра весело порхали шаррики, представляющие длинную гирлянду. Она растянулась по кронам с дерева на дерево и была эффектна на большой высоте. Я тоже не сразу смог прийти в себя от удивления.

Мои карассо! В душе у меня зарождалась слабая, но радостная надежда.

После этой непредусмотренной программой задержки возникла толкотня и сумятица, изрядно работая локтями и кулаками, туземцы ринулись на деревья.

Сзади я услышал голос Хуана:

– Капитана, следуй за мной, но быстрее, ради Бога, скорей!

В пять минут мы были на берегу и оттолкнули пирогу.

– Ещё быстрее! Налегайте на весла! Я вижу, как Сагвора уже ищет нас! – крикнула Хуана.

Армада из пятнадцати пирог около часа гналась за нами и уже догоняла. С каждой минутой расстояние, разделяющее нас, становилось всё меньше. Мы почти поравнялись друг с другом. Я выбивался из сил, Хуан тоже был прекрасным гребцом, но и он терял последние крохи. Наши слабые гребки еле толкали пирогу вперед.

И вдруг Хуана победно вскрикнула:

– Мы спасены!

Впереди со стороны острова Надежда с гиканьем приближались пироги, числом даже поболее. Это были вооруженные масоку.

О, счастье!

Манирока сбавили ход и повернули назад. Очень трудно им далась смена имиджа победителей на имидж побежденных.

Нь-ян-нуй уже ждал меня на берегу с тлеющей голловней для разжигания большого торжественного костра, проговорив самую короткую речь в своей жизни:

– Капитана, я высказываю пожелание, чтобы ты всегда благополучно возвращался домой, и чтобы с тобой впредь не случилось какого-нибудь несчастья!

Глава 16. СУД И СУДОПРОИЗВОДСТВО

Дефектовка и выбраковка карассо. – В основе юриспруденции туземцев стоит сунтука. – Иск молодого папуаса, покупающего жену. – Любовь у туземцев. – Судебное дело о воровстве.

Воспоминания об острове Тали-Тали вызывали во мне дрожь почему-то брезгливости, а не страха. Потом я понял, что неважно какой природы дрожь, важно как от нее избавиться.

Чтобы забыться, первым делом я нашел занятие не на пять минут. Как оказалось, моя знаменитая пещера “Ворота Жизни” не была идеальным местом хранения. Прогнозы витают в воздухе все более мрачные, худшее сбывается. Это я о качестве контрацептивов. Как я и предполагал, морская вода и солнце сделали свое гнусное разрушительное дело, контрацептивы потеряли эластичность, при надувании лопаются на половине расчетного объема или рвутся, не выдерживая проверки на прочность вливанием двух ведер воды, предусмотренных техническими условиями. Вспомнил институтский курс сопромата, веду испытания по полной программе.

Дефектую и выбраковываю. Выбраковываю и дефектую.

Хотя положительно приобретенное статус-кво меня устраивает, но заботиться о продолжении своего будущего благополучия необходимо и дальше. Несомнящихся людей нет, ловлю себя на мысли: не очень ли я настойчиво в последнее время становлюсь похожим на вершителя судеб туземцев, но отмечаю эти пораженческие настроения и задумываюсь о последующей приемлемой концепции поведения. Прожив среди туземцев почти два года, я уже был хорошо знаком с их обычаями, что позволяло мне оптимистически смотреть в завтрашний день.

Итак, я для себя муссирую проверенные временем выводы:

Туземцы должны верить в меня, в мою предначертанность миссионера.

Как и ранее, готов постоять за себя, одни логические предположения и ничем неподкрепленные скороспелые умозаключения только враг хорошего и не есть сильнодействующий инструмент и эффективное оружие.

Как теперь и далее, всезнайству и сомнению не должно быть места, чтобы не сослужили мне плохую службу.

Только умение брать на чувство способно развить доброе расположение.

Еще я сказал себе: нельзя киснуть – только активная жизнь и труд выводят из любой депрессии. В основе юриспруденции масоку стоит сунтука. Обычно мне всегда оказывают доверие и приглашают на любой суд. Вот и сегодня я должен был разрешить иск молодого парня Нолулу, который первую жену купил за один контрацептив, а за вторую уже просили четыре. Хуан и Хуана, на правах секретарей, определяли многочисленным присутствующим их места.

Негодование Нолулу не было предела.

– Как же так! – кипятился он. – Ещё вчера невеста стоила один карассо, а сегодня – четыре. У неё – что, выросло в четыре раза больше рук, стало больше ног?

Он подошел к матери девушки Лакумбе и стал часто показывать на молодую Покулу, которая не обращала ни на кого внимания, но внимательный наблюдатель заметил бы, что равнодушие у неё было показное, потому что время от времени она украдкой посматривала на мать, видимо, сильно интересуясь её разговором с парнем.

Покула представляла предмет торга между Нолулу и Лакумбой, и оба были так поглощены этим животрепещущим и важным вопросом, что не заметили, как все придвинулись к ним настолько близко, что могли слышать их дыхание.

– Нет, – говорила старая папуаска, – за жену у масоку платят оружием, а так как мне, одинокой женщине, оружие не нужно, то ты должен дать мне четыре карассо. Таков обычай у масоку, и я не отступлюсь от него.

– У меня есть только один, Лакумба, – отвечал с отчаянием Нолулу, имевший самый жалкий вид.

– Тогда приходи в другой раз, когда заработаешь ещё три! – безжалостно отрезала папуаска, твердо стоявшая на своем материнском праве.

– Но, Лакумба, – вскричал Нолулу, – ведь Покула хочет быть моей женой!

Девушка продолжала делать равнодушный вид.

– Правда, Покула? – обратился он.

Она безучастно пожала плечами.

– Вот видишь, Нолулу, – решительно заявила старуха, – Покула тоже ждет, когда ты перестанешь быть лежебокой, и хочет, чтобы ты быстрее взялся за ум. Покула мне дочь, и кто хочет взять её себе в жены, тот должен исполнить то, чего требует обычай масоку.

Присутствующий на суде вождь до этого сидел молча.

– Лакумба, – сказал он, – надо уступить. Не всё меняется на карассо, не всё измеряется карассо, не всё строится на карассо. Есть вещи более важные.

– Четыре карассо лучше одного! – возразила папуаска.

– Но выдать дочь замуж ещё лучше.

Лакумба аж вся взвилась.

– Вот последнее моё слово, Нолулу, – четыре карассо и ни одним меньше!

Нь-ян-нуй повернулся к Нолулу.

– У тебя уже есть одна жена, зачем тебе еще и Покула?

– Вторая жена будет помогать первой, – ответил тот.

– Ты понимаешь, что тебе придется подождать, пока не обзаведешься карассо.

– Но Покула не хочет ждать.

Девушка всё также равнодушно прислушивалась к разговору.

Вождь оживился.

– А почему бы тебе не взять в жены Лакумбу, она одинокая женщина, еще о-го-го! и ее один карассо вполне устроит?

Нолулу задумался, затем сказал:

– Она плохая помощница, не стоит и одного карассо и пусть она мне дает два.

Уже прикидывала в уме Лакумба, и сказала:

– Хорошо, Нолулу, я согласна на условие быть твоей женой. Как только выдам замуж Покулу, принесу тебе два карассо, и по рукам.

– А как же Покула? – всхлипнул он.

– А как же за нее четыре карассо? – язвительно возразила Лакумба.

– Но у меня только один! – напомнил Нолулу и у него показались слезы.

Я находился в затруднительном положении от сложного дела, которое было в сущности пустячным и с помощью каких-то банальных карассо могло быть в одну минуту улажено.

“Ого, цена невест возросла! Эта инфляция не в мою пользу!” – подумал я.

Мне было жаль парня, у которого для полного счастья не хватало самой малости – одного карассо. Так я обнаружил причастность карассо к валюте, беспрецедентный случай в истории денежного обращения. Карассо стали такой же разновидностью эквивалента, обменной единицей, какой до этого были жемчуг, зубы акулы, клыки кабанов.

Я решил проэкзаменовать невесту и проверить её чувства.

– Покула, – обратился я к юной девушке, – не бойся меня и скажи всю правду. – Голос мой звучал мягко и ласково, что невольно ободрил её.

– Да что рассказывать! – ответила она с глубоким вздохом. – Мать лучше всех знает, когда мне выходить замуж.

– А ты сама-то как думаешь?

– Мои подруги давно замужем.

– А Нолулу не хочет ждать и идет поперек мнения твоей матери?

– Да, он! – призналась девушка.

– А ты любишь Нолулу и хотела бы стать его женой? – улыбаясь, спросил я.

– Да! – Покула явно не скрывала своих чувств, и все получили ответ, в сущности который не имел никакой надобности, ведь он и так был написан на её лице.

Никогда жажда прибавить себе авторитета не была во мне столь пламенна. Сама судьба предназначила меня для того, чтобы показать энергию и силу убеждения, заставляя подбирать такие слова, которые бы шли прямо в душу туземцам и могли бы растопить их сердца. Одновременно я горел желанием затмить всех исторических риториков. И я выступил с речью, смысл которой заключался в следующем:

– Конфликт двух сторон. Одна сторона, называемая в дальнейшем продавец – Лакумба, обладатель и правопреемник товара-девушки Покулы, запрашивающая за нее с жениха четыре карассо. Другая сторона – покупатель, молодой человек Нолулу, положивший глаз на товар-девушку Покулу, но несогласный с предложенной ценой, считая её завышенной и непомерно обременительной для него. Предварительный торг не привёл к согласию сторон. Путем взаимного погашения и после переуступок карассо у сторон продавец-покупатель создан дефицит в один карассо. Чтобы матримониальная сделка между сторонами состоялась, продавец дает льготный кредит доверия покупателю в один карассо, заключающийся в предоставлении права обладания товаром на определенный срок, в данном случае – год. В свою очередь покупатель пользуется товаром и обязуется погасить кредит-доверие в течение года. В случае непогашения кредита, товар-девушка возвращается продавцу-матери, тогда оплата за временное пользование производится по расценкам проката. Если товар приведен в негодность по вине покупателя, тот должен возместить его стоимость женой, которая уже есть у него.

– Лакумба, решение суда понятно?

– Да, – ответила она.
– Нолулу, тебе понятно?
– Да.
– Покула, ты знаешь, как выполняется решение суда?

– Да.
Стороны кивнули головами в знак согласия, и молодой папуас передал Лакумбе свой единственный контрацептив, а ему она вручила дочку.

Счастливая Покула! Как вырывается сердце из её груди! Как стремителен был её первый шаг навстречу Нолулу!

Нолулу и его две новые жены Лакумба и Покула пошли в сторону его хижины. Он тут же с жадностью овладел девушкой, не удосужившись дойти до хижины – у жениха, видимо, не осталось сил на это.

Все папуасы, точно по чьему-то приказу пали на колени, воскликнув:

– Капитана велик! Капитана творит чудеса!

Только Ка-ра-и-ба-га остался недоволен ходом разбирательства. Не будь он также черен лицом и всем телом, как его душа, на лице его, наверное, выступила бы злобная бледность.

Час спустя показалась вереница туземцев, человек десять: впереди двое несли на плечах привешенного к бамбуковому шесту повизгивающего, временами верещащего поросенка, шедшие за ними держали на головах посуду, и, наконец, остальные – кокосовые орехи. Все свои дары они положили на землю передо мной; потом каждый отдельно передал свой подарок мне в руки. И ещё несколько дней каждое утро новые корзины со снедью стояли у моей хижины.

И снова я присутствую на сунтуке. Хуан и Хуана, профессионально ставшие секретарями и судебными приставами, деловито рассаживали делегацию, каждый член которой повторял:

– Мы полагаемся на твою мудрость и справедливость, о Капитана!

Меня посадили на самое почетное место, чтобы я своим присутствием придал этому событию особую торжественность. Доверие ко мне было высокое, и я сам положил на обе чашки весов Фемиды требование к себе: провести следствие по всем правилам юриспруденции без всяких скидок на варварское общество, как вёл бы его в России и любой другой цивилизованной стране.

Хуан изложил суть дела:

– Вся деревня жужжит, как потревоженный улей. Один туземец украл у другого карассо. Этот случай пришелся на пору рождения у вора дочки. Изобличив того в краже, истец не нашел ничего иного, как потребовать только что родившуюся девочку себе в жены.

Снова интереснейший неординарный случай.

– Так вот в чем дело? – выслушав, сказал я. – Вы не ошибаетесь во мне, я постараюсь приложить все силы, чтобы сообразуясь принципом справедливости и разумности отстоять в суде ваши интересы и разрешить эту ситуацию.

Все приготовились меня слушать, проявляя при этом знаки величайшего уважения и почтительности. Я задал некоторые наводящие вопросы:

– Истец, это так?

– Да, – ответил он.

– Ответчик, это так?

– Нет, – ответил он.

– Истец, ты мотивируешь это тем, что если бы вор не украл у тебя карассо, у тебя бы родилась девочка, а не у него?

– Да, это так, а как иначе?

– Почему ты так решил?

– У меня жена была на сносях. Он украл карассо. Он сделал из него оглушительное “буф-буф”. Она от испуга неудачно разрешилась от бремени.

– Ответчик, что ты скажешь в своё оправдание?

– Всё было не так. Я со своей женой сделал “буф-буф” – она сразу удачно родила.

С мест посыпались выкрики:

– “Буф-буф” помогает рожать!

– “Буф-буф” убивает ребенка!

Первых выкриков было больше.

Я нарисовал для себя следующую картину: большинство были на стороне истца, искренне веря в то, что контрацептивы служат рождению детей, а, не наоборот, их умерщвлению.

Как я не хотел, чтобы туземцы знали, как не скрывал от них истинное предназначение карассо, но этот последний случай дал мне основание окончательно убедиться, что туземцы не такой уж простецкий народец, как кажется на первый взгляд. Хоть и глубоко заблуждаются, но уже догадываются о причастности карассо к деторождению, вкладывают в него определенный смысл, что в их зачаточные мозги проник вирус познания. Ещё немного, и они окончательно раскроют секрет.

До этого я часто наблюдал любовные сценки у туземцев. По существу это пасторальные картинки, связанные с веками устоявшимся укладом жизни, который не берут ни время, ни глубочайшие изменения, в корне произошедшие в обществе, ни наличие постороннего фактора, каким являюсь я.

Я полон впечатлениями, которые производят на меня туземцы. Объяснения в любви на острове, как и всюду на земле, признаны высшим проявлением чувств, и, конечно, более высоким, чем само половое таинство, низведенное до простой потребности на глазах у всего населения. А в отношении знаков внимания с некоторых пор не было выше подарка, чем подаренное из моих рук карассо. Можно это подвергнуть осмеянию, но я видел обращенные в новую сексуальную веру парочки, которые просиживали часами, обсуждая преимущества изделия, которое вертели в руках, потом вставляли и уходили куда-то в лес. Любовные недоразумения происходили крайне редко, главным образом из-за дележки карассо. Девушка при этом плаксиво поджимает губки, не желая делиться с юношей, а он на это реагирует нервной дрожью. Да пусть будут посрамлены мои отечественные моралисты, однако я ни разу не услышал неделикатного замечания друг к другу в случае чьей-то оплошности, неловкости или неумения в обращении с карассо, как у меня на родине.

Однажды, я тактично поинтересовался у вождя:

– Нь-ян-нуй, что испытывает народ масоку, применяя карассо?

Неожиданно я получил сполна критику, возможно в свой адрес.

Нь-ян-нуй немного подумал и сказал:

– Я тоже задавал себе этот вопрос и чаще получал один и тот же ответ. Мне говорили разные люди, и мужчины и женщины, что карассо – это хорошо, оно органично вошло в нашу жизнь, но они жаловались, что они люди бедные, оттого, что карассо мало, а у кого их много – те богатые люди, которые делиться не хотят, и богатеют они ещё больше. Я вижу, что народ из-за этого стал злой и готов взять в руки копья и стрелы и направить их против богачей.

Из этого разговора я вынес для себя следующее, что народ масоку больше волнует социальная несправедливость, упирающаяся в неудовлетворительную распределительную систему.

Критику я отнёс на свой счет, на счет странной игры природы и ограниченного воображения туземцев. Но как было поступить дальше?

Итак, я сижу на сунтуке и мучительно рассуждаю, какой вынести вердикт. Наконец, я ударил палкой о дерево и сказал первое слово.

– Слушается дело о разделе имущества! В случае, если бы кто-то из туземцев воспользовался, к примеру, без разрешения чужой пирогой для рыбной ловли, то он должен отдать хозяину половину своего улова. Так?

– Так, – закивали все головами.

– Значит, в данном случае истец имеет полное право забрать половину девочки.

– Имеет.

– Случай осложняется тем, как одну часть оставить истцу, а другую – ответчику? Как разделить не располовинивая девочку?

Раздался общий вздох.

– Действительно, как?

Кто-то выкрикнул:

– Капитана знает, он всё может!

Я продолжил логическую цепь.

– Кокос можно разделить?

– Можно, – ответили все хором.

– Рыбный улов – можно?

– Можно.

– А живого человека, как?

– Никак.

– Следовательно, задача с дробями. Может ли девочка составлять необходимую технологическую сумму, которую возможно разделить на самостоятельные части, не нарушая при этом всего единства и целостности организма? Теоретически можно, а практически?..

Масоку заморозило слушали.

Кто-то снова выкрикнул:

– Капитана знает, он всё может!

Я не хотел терять свое лицо среди туземцев и в данной ситуации вынес, наверное, единственно правильное соломоново решение, которым впоследствии гордился:

– Девочка, чтобы не травмировать её психику и подготовить к дальнейшей жизни, должна жить попеременно один день у своего отца, а один день у пострадавшей от воровства стороны, до тех пор, пока стороны не придут к дальнейшему соглашению по окончательной передаче девочки третьему лицу, то есть, мужу после достижения ею брачного возраста двенадцати лет.

– Восьми лет и ни дня больше! – послышался недовольный голос истца.

– Двенадцати лет! – воспротивился ответчик.

– Восьми лет! – поддержали истца с мест.

– Восьми лет! – Я окончательно ударил палкой по дереву.

И снова я услышал:

– Капитана велик! Капитана творит чудеса!

И опять Ка-ра-и-ба-га сжимал кулаки, неудовлетворенный ходом разбирательства. Теперь он не только позеленел от злобы: черное лицо его приняло какой-то мутный пепельно-серый оттенок, колени дрожали. Я думаю, и душа у него в этот момент стала ещё чернее.

Туземцы, оставшись довольны моим вердиктом, выразили свою признательность новыми подношениями. Они прислали свинины, плодов хлебного дерева, бананов и таро, на что я подарил им пустые картонные коробки. Я не ловчу, а просто думаю о будущем. Экономика должна быть экономной.

Глава 17. ВОЛНА ОПТИМИЗМА

Юбилей – три года на острове Надежда. – Частые видения о жене Рае, оставшейся на родине. – Птичья почта. – Карнавал с надутыми шариками. – Неудача с преднамеренным нарушением экологии в акватории острова. – Техногенная катастрофа. – Уничтожение запаса карассо бродячими павианами.

Юбилей!

Исполнилось ровно три года, как я вступил на берег острова Надежда.

Это были три года нешуточной борьбы за выживание, исследования здешней жизни, достижения пусть неполного, но хоть какого-то авторитета у туземцев.

“Три года моего житья на злосчастном острове – это слишком много, а избавление извне всё не идет! И готов ли я остаться ещё на несколько лет на этом берегу?” Увы! Вот таковы мои последние размышления.

Я не страдал от одиночества, пока наслаждался беспечной жизнью среди туземцев. Надежда – великий гроссмейстер сокрушать невзгоды. Мне ничего не грозило, я уже не представлялся инородным телом в племени, пустил глубокие корни, имея три официальных жены и две неофициальных, не считая пятерых, оставленных на острове Тали-Тали. Несколько альбиносов, появившиеся на свет, результат скорее грубых непреднамеренных ошибок, чем правильного планирования, уже вставали на ноги и скрашивали жизнь острова. И ещё я прекраснодушно жил, потому что своей широкой натурой раздавал направо и налево карассо.

К чему это привело, я уже говорил. К инфляции! Подтверждение её я ощутил буквально на следующий день после брачного случая с молодым парнем Нолулу. В рядовые дни бездействия, свободные от судебной работы, когда я не проявлял себя ничем и, соответственно, не получал даров, я подвешивал карассо к крыльцу, предоставляя туземцам самим решать, что и сколько можно за него отдать на правах свободной конкуренции, или аукциона, или простого обмена, например, продуктов. Далее я находил на этом месте соответствующее эквиваленту определенное их количество. Каждый раз сочетание мог-

ло быть разным, но всегда стабильным. Таким способом я определял истинную стоимость карассо.

И вот теперь четырехкратное падение курса!

Итак, сегодняшний курс: невеста – 4 карассо, свинья – 1 карассо, 10 кокосов – 1 карассо.

Вот чем обернулся мне юбилей!

Но всё же, жизнь была прекрасна! Временами я забывал обо всем на свете, забывал о времени и пространстве, о пульсирующей тоске по родине. Про жену Раю я тоже мог подолгу не вспоминать, даже то, как она была тепла, уютна, дружелюбна, как не было барьера ограничения между нами, даже тот факт, что она не была напугана первой брачной ночью.

Так мне было хорошо когда-то с ней... Были ли мы оба счастливы? В самом полном смысле – да! Нет таких слов, которые бы полно описали наше счастье.

Но наступает момент, когда ругаешь банан за то, что он слишком сладкий, и в последнее время стало казаться, что я разговариваю сам с собой. Наверное, я схожу с ума. Я брожу за Раей по кухне и всё говорю, говорю что-то бессвязное и невразумительное, пока она готовит мне кофе, а я скрываю от неё едва уловимые угрызения совести, которые испытываю каждый раз, когда она пристально смотрит на меня бездонными как два колодца глазами.

Если не все вокруг сходят с ума, то я один – уж точно исключение.

Видения! Видения!

Итак, в последнее время на меня что-то нашло. И снова я часто окунаюсь в прохладное лето и огромный город. Тихая площадь и трамвайные рельсы. Прекрасная музыка в звоне кухонной посуды тихо, спокойно и размеренно, как лесной ручей, струится через открытые окна ресторана. Вдруг резкий запах и быстрый переход на медленный блюз. Запах от Раи. Жасминовый. Я познакомился с самой прелестной девушкой в мире и покорила её сердце (или она мое – не суть важно). Она стояла тихо и слушала чудесную мелодию. Мы заходим, садимся за столик и смотрим, не отрываясь, друг на друга. Она – сокровенная частица моего сердца, свет моих очей. Я вытянул свои утомленные ноги на её туфельки. Нам хорошо и уютно. Я устал и тянет на сон. Как бы не уснуть. Тихая мелодия и опытный джазмэн. Он, несомненно, великий музыкант. Я закрыл глаза, а его длинные гибкие пальцы виртуоза ещё привычнее замузицировали по клавишам огромного рояля. Мне кажется, что эту мелодию я где-то слышал. Рая была рядом и улыбалась: “Тебе хорошо? Ты неплохо устроился и уже ассимилировался в среде папуасок?” Я смотрел на неё и тоже улыбался: “Да, эти женщины на острове Надежда ни в какое сравнение с тобой! – говорю я. – Прикладываю максимум усилий, чтобы не поддаваться наркотически расслабляющему обаянию этих коричневых бестий. А случившиеся со мной маленькие недоразумения с ними – тьфу, всего лишь небольшие издержки жизни!” Рая согласна с этой трактовкой. На ней был темно-синий длинный плащ по сезону, расшитый серебряными звездами и меня окончательно заела зависть, что Рая и в самом деле просто ангел, не в пример мне. Она поцеловала меня.

Поцеловала.

И губы её были чуть влажными, а глаза с божественным блеском. Да, обняла своими бархатными руками,

окутала золотистыми шелковистыми волосами. И я потянулся к ней, чтобы коснуться их, но руки прошли мимо, не найдя материальное тело, не ощутив малейшего дуновения ветерка от её платья.

Сны были, как реальность, и продолжались каждую ночь, преображались до таких видений, что я видел, я слышал, мог дотронуться, а однажды, когда родился наш ребенок, я сказал Рае: “Выходи за меня замуж!” Странно было видеть её недоуменный взгляд. Это ж надо, я хотел (нонсенс!) вторично узаконить уже узаконенные отношения новым браком.

Странные видения!

Все чаще задумываюсь о своей дальнейшей судьбе, прозябать, как Наполеон на острове Святой Елены, я уже не желал.

Как я говорил, судейская практика отвлекала меня от тяжелых дум о вынужденном заточении, но только сейчас я активно начал искать способы, чтобы дать о себе знать миру.

Я отказался от идеи построить плот и переплыть океан, пирога бы тоже не выдержала океанских волн. И какой я – мореплаватель? Горе-мореход! Как сигналы SOS, надутые шариком лететь далеко не хотят, нет легкого газа для наполнения – водорода или гелия.

Теперь каждый день буду писать письма, которые ты, Рая, долго не получишь, не скоро прочитаешь. Писать с педантичностью и упорством честолюбивого писателя или просто не потерявшего надежду человека.

Возможно, когда-нибудь повезет. Вложенные в контрацептивы письма я привязываю к лапкам птиц. Летите пернатые, вдруг донесется через океан мой слезный глас о помощи!

Последняя надежда – жена Рая. Моя судьба в её руках. Молюсь, Рая-Раиса, за тебя денно и ночью, плачу и припадаю тебе в ножки.

Вкладываю в птичью почту уже по несколько контрацептивчиков и в последнее время сплю спокойно, зная Раискину сексуальность и её неукротимую настойчивость добиваться невозможного – на дефицит она обязательно клюнет и незамедлительно – широкой натурой!

В мире никаких шевелений. Международная ответственность глуха к чужим бедам, а на родине и без меня много нерешенных проблем. Уверен, груз по истечении срока давности списали, дело закрыли, на исчезнувшее судно поставили крест. И немудрено, каждый год по статистике в морских пучинах пропадают бесследно 30 кораблей.

О, моя дубовая голова! Медленно струится время: тик-так, тик-так, тик-так, день-ночь, ночь-день. Почему идея с шариками не пришла мне два года назад? Осеняюсь новой идеей, иду на грандиозную по своим масштабам акцию в плане своего спасения, и ставлю для этого на карту большую часть запаса контрацептивов. Это второе рождение способа Хуана, впервые примененного им на острове Тали-Тали. Объявил карнавал. Поднятое на ноги все население острова на деревьях по моему сценарию развесило шариком. Только я один знал, что с большой высоты шариком представляют гигантскую гирлянду из букв, составляющих надписи километровой длины с шокирующим текстом, чтобы их смогли заметить и прочитать со спутников:

“КАЖДЫЙ КОНТРАЦЕПТИВ НА СЛУЖБУ ЧЕЛОВЕКА!”

“ДОБИВАЙТЕСЬ ВЫСОКОЙ ОБРАЩАЕМОСТИ КОНТРАЦЕПТИВОВ!”

“ВАШ ДОСУГ – МОЙ ВАМ КОНТРАЦЕПТИВ!”

Тем не менее, опять длительное молчание, словно внешнего мира вовсе не существует... И это в век слежения из космоса спутниками?!

Просчитываю все мыслимые варианты с необыкновенным по силе взрывом или грандиозным пожаром и в последнюю минуту отказываюсь от прекрасного способа, связанного с фейерверком. Пожар – это стихия, а остров – мал, и я не хочу никакого риска, прежде всего для самого себя.

Видимо мои способы не отличались нужной фантазией и богатством разнообразия, и я очень обрадовался, когда в голову пришла новая счастливая мысль. Я затанцевал от радости. Идея проста, как сам мир; как к солнцу привлекают внимание его пятна, так и я, чем больше на мусору, чем больше нарушу экологию в акватории океана, в отдельно взятой его части, тем быстрееотреагируют “зеленые” и пошлют сюда судно “Гринпис”.

На следующее утро все взрослое и детское население приступило к расчистке острова после карнавала от валяющихся повсюду порванных и раздутых карассо. Их сносили к берегу и раскладывали вдоль равномерными кучками. Когда остров засиял первозданной чистотой, а кучи внушительно выросли, по моему сигналу с морским отливом на всем протяжении берега туземцы стали сбрасывать их в воду. Занятие развлекло туземцев, а меня привело к успокоению, что наконец-то я буду спасен.

Волны все дальше и дальше уносили мусор в море. Он пестрел и переливался в лучах послеполуденного солнца, насколько хватал глаз.

“Надо быть абсолютными идиотами, чтобы не зафиксировать международными наблюдателями такое грязное цветное пятно, которое можно приравнять к техногенной катастрофе”, – предполагал я.

Эту ночь я спал без тревог и сновидений, активный покой привел меня в порядок и к душевному равновесию. Проснулся я от изумленных возгласов туземцев. Неужели судно? Я стремглав понесся на берег и застыл в скорбном молчании. Где уж там, весь мусор был прибит к берегу и в течение следующих двух часов на моих глазах ушел под воду.

Дома меня ждал самый страшный по жестокости удар судьбы. Бедный Хуан держал выбивающуюся из рук обезьяну.

– Ничего не осталось после набега бродячих павианов! – вопил он.

Я со всех ног кинулся к пещере “Ворота Жизни”. Действительно, все пространство вокруг пещеры представляло большой разор из жеваной резины, пакетиков и разорванных коробок.

Тихий ужас в такие хорошие знаменательные дни оптимизма! Я был возмущен и потерян, моя душа не могла вынести этот жуткий акт вандализма.

Еще спасибо Хуану, который успокоил меня:

– Капитана, ведь верно, что после самой долгой ночи настанет день, отчего бы и нам после тьмы не ждать солнца?

Глава 18. КРАХ НА ВОЛНЕ ОПТИМИЗМА

Врачевание. – Обвинение в изнасиловании. – Лицемерная радость Ка-ра-и-ба-ги. – Я на краю пропасти. – Плакали мои жены. – Любопытство вождя.

Я искренне полагал, что тучи надо мной уже относительно развеялись, и всё пришло в норму. Как наивен я был в своем оптимизме. Страшное для меня только начиналось. Туземцы, вот-вот, мне всё припомнят: и незабрюхатые животы, и альбиносов, и проведенные над ними научные эксперименты под названием евгеника⁹.

Размышления мои были далеко не из приятных.

Это конец моему безоблачному присутствию на острове. Дикари давно подбирались ко мне, давая понять вождельными взглядами, что съедят с религиозно-ритуальной целью, а не потому, что голодные. Я даже гордился, что, поедая мои сердце, печень, мозги, они присвоят от меня храбрость, ум и силу.

Единственно, что их до сих пор сдерживало – это мои бесчисленные вливания в виде щедрых даров контрацептивов. Теперь без них я ничто!

А этот случай совсем осложнил наши отношения. Ко мне пришла женщина, которой бог не давал детей, а ей уж очень хотелось их иметь.

Я забыл сказать, что практиковал лечение в меру своих знаний, доставшихся мне от цивилизованной жизни, и на моем счету было уже много при помощи гомеопатии и самой простецкой хирургии заглушенных болезней. Я вскрывал язвы, промывал раны физиологическими растворами, разработанными мною из местных лекарственных растений, доставал личинки из глубоких узлов, удалял зубы и даже аппендицит. Я вылечил жену вождя от ужасной грибковой инфекции при помощи бани. Три раза сделал аборт, связанные с хроническими болезнями женщин, и имел в своём активе два кесаревых сечения. В первый раз это случилось, когда я случайно попал на трудные роды. Плод у роженицы не выходил, а дикари стояли вокруг и смотрели с нескрываемым любопытством. Они ожидали, что будет дальше. Но женщина явно умирала, и плод почти задохнулся. В этот момент я решительно отодвинул толпу и сделал надрез, оставивший в живых мать и ребёнка.

Естественно, папуасы тянулись к моему дому, и я брался за все более сложных больных.

Само собой разумеется, я начал с осмотра пациентки. Не надо говорить, в какой откровенной одежде ходят мужчины и женщины на острове, и их максимальная обнаженность и минимальное количество одежды отнюдь не отсутствие цивилизованности, а жестокая санитарная необходимость, выработанная веками, особенно у женщин. Вошел Вай-нуми, как оказалось её муж, увидел её в лежачем положении не на кушетке, а в только что сконструированном гинекологическом кресле (о ужас!) в нет

⁹ Евгеника – учение о возможных методах влияния на эволюцию человечества для совершенствования его природы.

ничего вульгарней позы, которую женщина вынуждена принимать во время осмотра, и закричал:

– Ты украл у меня жену!

Это было мягко сказано за неимением в их лексиконе нашего слова – “изнасилование”. Как я понял по его перекошенной мимике – ещё и в извращенной форме! Женщины подняли грандиозный гвалт на всю округу, и все подумали, что это война или кого-то убивают.

В то же мгновение сзади набросились четыре воина, они схватили меня и бросили на землю. Моему отчаянному сопротивлению быстро был положен конец, потому что мои руки и ноги крепко скрутили веревкой. Узел на шею накинул пятый, я узнал в нём Ка-ра-и-ба-гу, который не скрывал радости при виде пленника. Он заглядывал мне в лицо, обжигал дыханием, улыбался, примериваясь, как съесть моё сердце – так, как когда-то съел сердце своей жены.

– Наконец-то ты в моих руках, Капитана! – недобро усмехнулся он. – На этот раз не отбрыкаешься от возмездия, мы сведем с тобой счёты! Тащите его живее к столбу смерти! – приказал он своим подручным.

Воины не замедлили исполнить приказание и поспешно поволокли меня по деревне.

Перебивая друг друга, туземцы рвали глотки:

– Нь-ян-нуй! Нь-ян-нуй! Капитана нарушил наши обычаи!

Вождь не верил своим ушам, еще издали до него донеслись визгливые, возмущенные голоса, он думал, что ослышался. Но туземцы приближались и продолжали выкрикивать:

– О, Нь-ян-нуй, храбрый из всех! Шаман тащит Капитана связанным по рукам, и мы сейчас увидим его на столбе смерти!

Огни в деревне были срочно зажжены.

– Наконец-то, – скалился Ка-ра-и-ба-га, – наши воины поймали белого человека во время преступления!

С восторженными криками приближалось к вождю длинное наэлектризованное шествие. Нь-ян-нуй увидел моё бедственное положение, но ни взглядом, ни жестом не выдал своё отношение. Я терялся в мыслях – на чьей стороне он будет?

Я шел медленно со связанными за спиной руками, но с поднятой вверх головой. Между тем, Ка-ра-и-ба-га выступал рядом, держа в правой руке конец веревки, обвившей мою шею.

– Масоку! – воскликнул он. – Вот я веду важного недруга. Это тот, который наводил порчу на наших женщин. Одни из них не приносили детей, другие приносили, когда Высший Дух или муж не хотели этого. Пока он опаснее любого врага, но наш справедливый суд обломает ему кости.

Чёрнокожие прыгали и плясали от радости вокруг костров. Вай-нуми встал перед огнем и начал импровизировать голосовым пением:

– Хвала Ка-ра-и-ба-ге – он схватил врага!

Другие папуасы подхватили:

– Многа лет жизни нашему любимому Ка-ра-и-ба-ге!

– Братья масоку! – продолжал кричать шаман. – Капитана – это тот скверный человек, который изводил нас своим страшным оружием. Тепер он не опаснее любого

манирока, и пускай он знает, что ему одна дорога с ними к Злому Духу!

Папуасы выдохнули:

– Многа лет жизни нашему любимому Ка-ра-и-ба-ге!

Ка-ра-и-ба-га продолжал:

– Братья масоку! Сегодня незабываемый день, ибо вы будете наблюдать смерть белого человека, и вы насладитесь его муками, а затем нас ждет лакомое торжество!

Папуасы запрыгали от предстоящего удовольствия.

– Хвала белому человеку!

Остальные подхватили:

– Многа лет жизни вкусному белому человеку, когда он попадет в пещеру Злого Духа!

Вождь потерял терпение.

– Капитана – друг нашего племени! – выкрикнул он.

– Он помогает колдунам и колдуньям! – стоял на своём шаман.

– Доказательства...

– Он, как каркающий ворон, постоянно накликает на нас несчастья, мор и войну! – вскричал Ка-ра-и-ба-га.

– Да, это так, – согласился вождь. – И это всё?

– Ему понравилось у манирока! Он подобно собаке помышляет убежать к ним и привести их сюда нас убить и взять наших детей и женщин!

– И что ты предлагаешь?

– Принести его в качестве очистительной жертвы и тогда в нашей деревне прекратятся всякие дьявольские чудеса. Большой праздник последует после обильного ужина!

Вождь сидел перед своей хижиной. Еда была приготовлена сегодня не с особой заботливостью. Преобладала вегетарианская пища: сахарный тростник, жареные бананы, побеги бамбука. тоска и голод терзали его всё сильнее. Вождь с сожалением посматривал на скромный стол без мяса. Его блуждающий взгляд не находил очень нужный для организма протеиновый продукт.

Ка-ра-и-ба-га поймал этот взгляд, жаждавший подкормки на славу.

– Ужин должен быть сегодня торжественнее обычного! – продолжал шаман. – С мясом, печенью и кровью! – Его ноздри, втягивающие и регистрирующие, продемонстрировали желанный запах.

Вождь презрительно пожал плечами.

– С мясом – это хорошо. Оно не личинки, и не кузнечики. Человек крупнее, сытнее и предпочтительнее, но плохо, когда набитое до отказа брюхо пытается волочиться по земле, как у крокодила. Ка-ра-и-ба-га, ты мастер делать упреки. Подумай только, если бы не он, ты, я и все мужчины-масоку оказались бы в зубах манирока.

Перепалка между ними представляла бы интерес для ученых, но только не для меня. При большом стечении народа я чувствовал себя не в своей тарелке.

Вождь молча уставился на шамана, всматриваясь в его хищное выражение лица. Это было то самое выражение, какое я видел у него в тот день, когда была схвачена Хуана и когда её подвергли страшному испытанию.

Вождь ещё решал вопросы. Он чувствовал, что не мешало бы во всем разобраться, а поэтому тянул время.

– Ведь мы празднуем великую победу над силами зла! – Шаман всё сильнее нагнетал обстановку.

– Ты не более, как шаман! – сказал вождь, усилием воли сдерживая нарастающий гнев от обиды. – А твои притязания уже простираются выше моих.

– Мои поступки согласуются с безопасностью и будущим процветанием племени масоку.

Сегодня активность шамана явно не нравилась вождю, он произнес:

– Наш шаман меняется на глазах, как облезлая обезьяна. Начинает уже высокомерно мнить о себе, и пора, давно пора указать ему настоящее место! Ведь скоро народ масоку будет, пожалуй, слушаться не меня, Ньян-нуя, а тебя, Ка-ра-и-ба-гу!

Но Ка-ра-и-ба-га воскликнул с насмешливым хохотом:

– Ньян-нуй! Ха-ха-ха! Капитана твой друг и родственник. Но ты не в своем уме. Помни, что теперь судьба масоку в наших руках. Лучше поразмысли об этом, сделай вывод. Я уверен, что ты скоро образумишься, и будешь думать так же, как я!

Ньян-нуй в раздумье закрыл лицо руками. Я опасался, что ему не хватало мужества оставаться вождем, а признать своё поражение, это, значит, сделаться в глазах народа трусливым человеком. Я боялся, что Ньян-нуй пойдет на поводу у шамана и даст разрешение на очередное зверство, которое тот задумал.

К сожалению, у вождя не было сил достойно ответить шаману

– Ну, что же мне делать, пора приступать? – в нетерпении спросил Ка-ра-и-ба-га.

– Надо выслушать другую сторону, – сказал вождь и повернулся ко мне.

– Зачем тебе чужая жена? – спросил он. – Насколько известно, у тебя жёны всюду, где бы ты ни жил. Разве у тебя их недостаточно? Когда-то ты по своей воле никак не хотел жениться, а теперь ты вошел во вкус, тебе всё мало и ты готов иметь их всё больше и больше, больше, чем я или шаман.

– Эта больная женщина сама добровольно явилась ко мне, – ответил я. – У неё проблемы. И муж есть, и хижина, и достаток в семье, а детей нет. Она боится, что Вай-нуми выгонит её из дома. Она сама показала, какое место нужно лечить.

– Ты разве не знаешь, что нам бог Дуссонго всё даёт, и детей тоже. Значит, он не пожелал их той женщине.

Возникло оживление в толпе, слышались громкие восклицания.

– Бог Дуссонго велик!

С Хуаном приключилось следующее. Он слышал шум вдалеке, но не придавал ему значения. Только четверть часа спустя после моего похищения, Хуан вернулся к дому, в котором оставил меня. Ещё загодя он обнаружил, что на том конце деревни, где стоял мой дом, воцарилась тишина, и только спустя некоторое время стали раздаваться птичьи голоса. И им овладело беспокойство, которое ещё более усилилось, когда он не застал моих жен.

– Капитана! Капитана! – стал он звать меня.

Никто не откликнулся. У самого крыльца Хуан заметил, что трава кругом была примята, и на почве свежие борозды от моих сандалий.

– Уж не случилось ли с ним какое-нибудь несчастье? – пробормотал Хуан.

Борозды были глубокие. Значит, здесь шла нешуточная борьба!

– О, мой дорогой, прекрасный Капитана! О, бедный мой господин, спасший мне жизнь! – воскликнул он, закрыв лицо руками.

Он пошел по этим следам, которые привели его к кострам. Беглый взгляд Хуана оценил обстановку. Неужели он будет сидеть здесь сложа руки, когда господин – он не сомневался в этом – в плену у безжалостного разбойника шамана? Неужели не употребит усилий спасти своего господина? И Хуан затерялся в толпе.

– Чего ты хочешь? – спросил вождь шамана.

– Надеюсь, ты позволишь мне окончательно разоблачить белого человека? – насупился Ка-ра-и-ба-га. – Или же я должен развязать его и просить сесть за приготовленный тобой стол как дорогого гостя?

Туземцы разразились насмешливым хохотом, а вождь с досады прикусил губу.

Несколько туземцев выскочили вперед, в том числе Вай-нуми, мой побратим и недруг в одном лице, когда-то подаривший мне своих жён, а я так и неудосужившийся вернуть их. Он ждал первого знака, чтобы привести приговор в исполнение.

С некоторых пор вождь стал любопытен, более того озабочен. Его терзала неудовлетворённость, не выходил из головы тот случай с отравленным мясом, когда даже собака околела, но только не шаман. “Неужели на Ка-ра-и-ба-гу не действует отравка?” – думал Ньян-нуй всё последнее время и часто спрашивал меня: “Правда, что шаман вечный?” Что мне было ответить? В прошлый раз предположение на отравление шамана не оправдалось. Ответ на интересный вопрос всегда ищется и находится даже через много времени. Чудесное воскрешение шаман облек в собственную рекламу своего бессмертия. Его возвышение теперь стало очевидным и превысило самые большие аплодмбы, вызвавшие одну только сильнейшую зависть, и вождь не мог простить Ка-ра-и-ба-ге его торжества над ним.

“Так насколько бессмертен шаман?” Эта мысль неотвязно засверлила вождя, видя перед собой его нахальное лицо.

– Разве у нас мало мяса свиньи? – спросил Ньян-нуй.

– Мяса никогда не бывает много! – ответил Ка-ра-и-ба-га. Его ненасытная сущность требовала человеческой плоти для подзарядки. В последний раз его крупной добычей была жена. Шаман был готов хоть сейчас продемонстрировать умение поглощать себе подобных.

– Приготовить мясо голодному шаману! – распорядился вождь.

– Ка-ра-и-ба-га, – тут же спросил он, – что за великолепная мысль пришла тебе в голову?

Я почувствовал в голосе вождя иронию.

– Не правда ли, мой план недурно задуман? – ответил шаман. – Во всяком случае, он обещает много пользы для племени.

Вождь обратился ко мне.

– Капитана, как видишь, обвинение серьезное.

– Конечно, – поддержал Ка-ра-и-ба-га, – он не должен остаться в живых!

– Что ж, пусть будет так.
 – На столб смерти! – крикнул шаман.
 – А его жены останутся вдовами? – призадумался вождь. – Что ты на это скажешь, шаман?
 – Я их готов взять к себе. Даю слово, что они не почувствуют никакой разницы при смене мужа! – с готовностью произнес Ка-ра-и-ба-га.
 Вождь посмотрел на меня.
 – Пусть лучше откупится!
 Чем – вот вопрос? Мои живые “накопления” испарились-аукнулись! Как жаль, что прошло моё безпроблемное время.
 – Так чем ты собираешься откупаться? Я думаю, твоя жизнь стоит, э... – вождь, прикрыв глаза, призадумался. – Э-э... десять карассо.
 Он протянул мне руку с вывернутой ладонью вверх, глаза его алчно сверкнули.
 Положить туда было нечего.
 – У меня больше нет карассо! – произнес я.
 – А где же они?
 Я поднял глаза кверху и просто смотрел в небо с досады.
 – Улетели? – Вождь даже не удивился.
 – Да.
 – Разве у них есть крылья?
 – Иногда появляются, – усмехнулся я.
 – Это в корне меняет дело!
 – На столб смерти! – снова крикнул шаман.
 – Не надо торопиться, – сказал вождь, – давай отложим это до завтра, надо решить, как поступить с его женами.
 – А что тут думать? Я переселяюсь в его дом!
 – Но они ещё его жены, а не вдовы.
 – Так давай, скорее, сделаем их вдовами.
 – Подождём, пусть Капитана, пока живой, сам откупается ими.
 Возгласы одобрения и восхищения за удачное решение раздалось из толпы.
 – Да здравствует, великий вождь!
 Мои жены подбежали ко мне и прилипли к груди, так что их силком отодрали от меня.
 Итак, мне пришлось откупиться женами – все ценное, что ещё оставалось у меня. Но это было последнее предупреждение, после которого другого не бывает.
 Наконец, из хижины вышла жена вождя. Он принял из её рук поднос, один кусок взял себе, а другой предложил шаману.
 – Если ты сегодня не ел мясо, то вот оно! Чем это мясо хуже белого человека?
 Уставший за вечер шаман понюхал мясо.
 – Многа лет жизни нашему уважаемому шаману, жажущему справедливости! – провозгласил вождь.
 – Многа лет жизни шаману! – подхватил Вай-нуми и другие туземцы.
 – Многа лет жизни моему другу! – Вождь, подзадрывая, дирижировал толпой.
 Он отвернулся, но через секунду мельком взглянул на шамана. Ка-ра-и-ба-га грыз кусок и неодобрительно смотрел, как Хуан уже развязывал меня. Мне показалось, что вождь трепетал в томительном ожидании.
 – Ну, теперь пора расходиться по хижинам, масоку! – сказал Нь-ян-нуй.

Ка-ра-и-ба-га, шатаясь, нетвердыми шагами направился к своей хижине.

Глава 19. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Неудачно проведенный опыт вождя. – Смерть Ка-ра-и-ба-ги. – Шаман умер! Да, здравствует шаман! – Туземцы сжимают кольцо вокруг меня. – Мысленные обращения к жене Рае. – Сила дружбы Хуана.

Первым поздравил меня Хуан, а Хуана долго держала мою руку. Я настолько натерпелся в этот день, что поторопился проститься с ними и побрел домой.

Я хотел подняться на крыльцо, когда мне в ноги плюхнулся шаман.

– О, Капитана, только ты можешь избавить меня от смерти... Спаси...

– Что случилось? – вскричал я.

А Ка-ра-и-ба-га продолжал стонать:

– Нь-ян-нуй отравитель! А ведь обещал мне много, много лет жизни! У тебя есть противоядие... Ты не позволил умереть Хуане, спаси и меня!

Я бросился за водой. Он хлебнул всего один раз.

Поздно! Его горло всё сильнее сдавливал спазм, чем веревки, которые только что тянули мои руки и ноги.

– Я буду твоим другом... Подари мне, подари жизнь... помоги...помоги...

Шаман смолк. Он ещё хрипел несколько секунд, затем и хрипение прекратилось. Сбежался народ, и все увидели его широко открытые стеклянные глаза, в которых застыли смертельный ужас и страдание. Мертвая тишина кругом нарушалась только грохотом волн великого океана.

– Шаман умер! Да, здравствует шаман! – хором вскричал народ.

Новым шаманом стал Вай-нуми (Укушенный сколопендрой Чёрный дрозд), который имел на меня зуб. Иного я и не ожидал. Туземцы, настроенные им, относились ко мне все более враждебно, и угроза быть самому съеденному запарила надо мной хищной невоздержанной птицей. Какое же презрение должно было вызывать у них мое поведение? Откуда возникали обида и ненависть?

– Вонючая рыба! Свиные мозги! – то и дело слышались мне вслед возгласы уже Вай-нуми, повторявшего во всём Ка-ра-и-ба-гу. – Ты заграждаешь дорогу! Недолго мне придется ждать! Смотри у меня! Я мягкотел, но не думай, что если шаман добр, то он глуп!..

Последняя капля в переполненной чаше! Круг сужался. В ближайшие дни я рисовал картину лишь медленной смерти.

У туземцев, у которых по настоящее время я не сумел изжить случаи людоедства, только сейчас появился другой блеск в глазах. Иного порядка – более высокого. И он все естественнее вписывался в их сущность, если знать, как они веками верят, что съевши мозг убитого врага – станешь умным, каким был он; съевши печень

врага – сделаешься неистовым, жестоким, злым, каким был противник; съевши сердце – будешь сильным и храбрым; обсосав коленную чашечку – начнёшь быстрее бегать. Чего уж утаивать в продолжение этого перечня, что самые лакомые места – это глаза, уши и ещё кое-что в нижней части живота.

Я искал спасение в обществе Хуана. На этой волне преследования мне не давала покоя одна мысль, и я спросил его:

– Сердце противника придает храбрость, а ведь среди них есть много с трусливыми сердцами. Как ты, проглотивши такое, останешься храбрым и не превратишься в кролика?

Хуан глубоко задумался – логика была не его сильной стороной. Но тут он быстро нашёлся.

– Я буду есть только сердце воина.

Впрочем, мои папуасы (что должно было произойти рано или поздно) превзошли самих себя и сделали величайшее открытие, что съевши тело и выпив кровь миссионера – сделаешься энергичным, чистым и непорочным. С многовековым опозданием, но сделали.

Итак, ждущее меня впереди таинство принятия тела и крови миссионера внутрь невоздержанных желудков, вызывает противоречивые слезы – умиления к туземцам и жалости к самому себе.

Любое развитие общества проходит подобного рода этапы! Впереди, я думаю, туземцев ждало не менее интересное открытие. Есть ещё бог Дуссонго, и далее они захотят когда-то быть святыми, как бог Дуссонго! Потому что никакая сила не удержит их и от этого шага!

Я не хотел быть съеденным, я не спал последние сутки, дежурил на крыше и до рези в глазах наблюдал за их передвижениями. Ночью, в темноте, страх и боль выходили наружу, а если на минутку наступал сон, я стонал и метался, и сон бежал из моих глаз.

Я уже давно ощущал полную зависимость от какой-то невидимой высшей силы. В минуты отчаяния, опасности и безысходности это чувство особенно обостряется. И я, глубоко неверующий, молился особенно ревностно, глубоко убежденный в том, что мои неотступные просьбы дойдут до некоего божественного существа, которое благосклонно внимает и готово снизить к мольбам. Я умолял его проникнуться состраданием ко мне и к горю моей семьи с Райей.

“Славная моя жена Рая-Раиса! – с внезапной нежностью думал я, наблюдая за многочисленными огнями. – Знала бы ты, как мне чертовски плохо, омерзительно нехорошо. И дело даже не в том, что приходит мой закономерный, бесславный конец. Как поступить, о чём подумать в минуты, которые ещё остались у меня? Дело в чем-то другом, Рая, гораздо более глубоком и важном, о чём нельзя с содроганием не сказать! Мои бесчисленные извинения тебе в последнюю минуту. Между нами все будет кончено, перегорит, зарубцует, остынет и твоя страсть ко мне, и твоя память. Но память материальна, может воспламениться, воспалиться, дать метастазы. Только метастазы и останутся у тебя, Рая, обо мне – неизлечимые. Ты гарантируешь память? О муже, который пропал в неизвестности. Память, которая столько лет спустя способна причинить тебе только боль. Но ты, молодчина, Раиса Сергеевна, будешь держаться до конца, и крепиться, крепиться...”

Но, чу! – прервавшее мою сентиментальность.

Я предчувствовал свой скорый крах неизбежным, но, попав в воду, надо либо выплывать к берегу, либо добровольно сложить на своём смертном одре себе ручки...

И предчувствие сбылось.

Дикари, которых я считал до сих пор неразумными, к удивлению, следовали здравому смыслу военных стратегов. Я увидел, как плотные ручейки факелов стекались к моей хижине все ближе и ближе, предвещая скорый финал моей бесславной миссии. Я несчастен, уничтожен, разбит на голову, погиб безвозвратно. Я на действующем вулкане и покрываюсь толстой коркой лавы. Мне нужно нажимать на все тревожные, на все спасительные кнопки сразу, а где их нащупать в кромешном мраке приближающегося финала? В этом заключался элемент неминуемой злосчастной судьбы, которая без моей смерти оставалась бы далее простой театральной комедией.

Велика сила дружбы и как живительно её действие. Передо мной стоял Хуан и дрожал как баобабовый лист.

– Капитана, – вскричал он, – ты спас меня и Хуану из когтей смерти. Мы никогда не забудем этого. Наша жизнь принадлежит тебе. Мы готовы умереть за тебя и пойти за тобой повсюду!

Что же произошло с ним? Отчего он стал таким боязливым?

– Капитана, надо бежать! – тянул он меня за рукав.

Я отстранялся.

– Ты с ума сошел, Хуан!

– Я не оставлю тебя здесь, господин! – возразил Хуан, крепко схватив меня за руку.

Он менялся на глазах. Кто ответит, что может сделать мужчину решительным?

– Пусти меня, приказываю тебе! – говорил я, тщетно стараясь освободиться.

– Тебе грозит опасность!

Хуан положил правую руку на сердце, точно желая показать, что он готов рисковать своей жизнью.

На том месте, где стоял мой дом, занимался пожар. Пыхала моя изба с чучелами. Я отвёл взгляд – даже Хуан заметил мою скупую мужскую слезу.

Нападение требовало немедленного отпора. Что-то следовало предпринять. Бежать с острова? Поздно! Нужны были ноги газели, а затем жабры рыбы.

Я стоял неподвижно, ожидая смерти, приближавшейся вместе с ударами копий... Ещё несколько минут – и она настигнет меня. Хватит заглядывать ей постоянно в глаза – пора и честь знать!

– Поздно! – воскликнул я, только теперь до конца осознавший, что Хуан прав.

Я устремил взор в открытое море.

Глава 20. НЕУДАЧНАЯ ВСТРЕЧА С РОДИНОЙ

Пушечный выстрел с корабля. – Освобождение с острова Надежда. – Жалость к будущим этнографам и антропологам. – Иски от всевозможных обществ. – Русские детективы.

– Нет, не поздно! – теперь воскликнул Хуан, неожиданно изменивший своё поведение и показывающий в сторону моря. Меня что-то кольнуло.

Сначала я ничего не понял и с удивлением погрузился в рассматривание новой для себя картины. В ночной мгле торчали огоньки. “Возможно это светящиеся животные в море”, – подумал я. Далее, следя за движением огоньков, я не заметил, чтобы они меняли расположение, из чего допустил, что это скорее составляющие контура какого-то строения, каким мог быть только...

Корабль! А это уже эврика!

А на нем мои цивилизованные сородичи, которых я впервые увижу за все эти долгие дни!

Сердце бешено заколотилось, готовое выскочить из измученной груди. Первым порывом было побежать на берег с громкими криками радости. Но тут я сдержался, приученный к бдительности. Я рванул с места, только без криков.

Шум со стороны туземцев всё приближался, слышались завывания и дикие вопли. Вдвоем мы не могли бы выстоять против сотни врагов, и нам оставалось только спастись бегством – в сторону этих самых огоньков.

Хуан стоял как каменное изваяние – огни его повергли в шок. Я остановился и вернулся к нему, от переизбытка чувств внезапно обхватил его руками, обнял три или четыре раза, беспрерывно роняя слезы и повторяя во время объятий:

– О, брат мой, брат мой!

– Господин, я здесь, я всегда с тобой, Капитана! – ответил он, тоже роняя слезы.

– Хуан, иди первым! – Мне пришлось резко поддать его.

Он не медлил и секунды.

– Все равно: тут масоку, там – акулы! Там – акулы, тут – масоку! Вперед! – воскликнул он.

На небе сквозь редкие облака бежал месяц, скорее не стоял отвесно, как у нас, а лежал горизонтально, что свойственно в центральных широтах, и плыл подобно серебряному челноку по темному небосклону. Магический свет его слабо освещал только одному Хуану известному тропинку, местами образуя на ней светлые пятна. По ним мы и вышли к морю.

Мы выскочили на берег и воды океана омочили наши ноги.

– Я ничего подозрительного не заметил, – сказал Хуан.

– Берег пустынный, но и ни одной пироги! – заметил я.

Хуан схватил меня за руку и я, как экстрасенс, понял, в каком направлении она тянула, её желание. Для него огни, скорее всего, предстали космическим кораблем, который подал бог Дуссонго, чтобы забрать меня к себе.

– Капитана, бог Дуссонго велик и могуч! – воскликнул он.

– Хуан, ты – добрый и благородный человек, я знаю, что ты смел и решителен...

У этого решительного и смелого человека слезы капали из глаз.

– Ты пришел к нам, чтобы увести тех из нас, которые тебе нравятся. Я твой друг, возьми нас на новую, лучшую родину, где ты будешь управлять нами.

Конечно, Хуан имел в виду Хуану и Хуаниту.

– Я знаю, ты жил по ту сторону моря, – добавил он.

– Ну и что?

– Ты и есть сам бог Дуссонго.

Видимо, пришло время не поддерживать легковых масоку в их наивной вере в меня, как в новую легенду о пришествии бога.

– Хуан, – сказал я туземцу, наконец, приоткрывая занавес своего секрета, – ты заблуждаешься: я вовсе не ваш бог Дуссонго. Там, далеко за морем, все мои соплеменники выглядят точно так же, как я, и имеют такую же белую кожу; и их во много раз больше, чем масоку могут себе представить. Страны там многолюднее, чем самые большие из ваших деревень.

– Мы будем служить тебе и исполнять все твои приказания, ты останешься нами доволен!

Я улыбнулся полнейшему наиву Хуана.

– Если бы я был Дуссонго, – шептал я, – я бы остался среди вас. Но, уверяю тебя, я не ваш бог и не могу вам помочь, не могу взять вас с собой и обеспечить вам более спокойное и благополучное существование. Очень, очень далеко отсюда, есть тоже большое море, там я и буду жить.

Даже отпустив мою руку, Хуан всё не верил в происходящее.

– Нет, нет! Я лучше знаю. В тебе живет Дуссонго, и куда бы ты ни пошел, тебя везде ждет счастье!

Неожиданно с моря раздался пушечный выстрел, и ручейки факелов стали испуганно разбегаться.

Я благодарен за этот символический выстрел “Авроры”, иначе бы вы не читали этих записок. Я не мог долго вглядываться в темноту, от радости влажная пелена застелила глаза, подкатил комок к горлу, а по щеке покатилась первая мужская слеза. Три года – долгий срок жизни вдали от родины, от жены Раи, в окружении неравнодушно алкающих зубами в мою сторону дикарей. Это часть моей не совсем удачной автобиографии, когда я бился в тисках тупиковой ситуации, ни на миг не теряя самообладания, когда даже слабый человек превращается в воплощение силы и убежденности.

До утра было ещё не скоро, а я уже готовился к встрече с женой Раей и больше всего к её коронному вопросу: “Отчитывайся за свои амурные похождения, если я ещё захочу тебя выслушать!”

Я рвался к Рае на крыльях – именно такую женщину хочется иметь рядом в минуты тяжелых испытаний. При мысли о том, что произойдет встреча, сердце мое бешено колотилось, а ладони дрожали. С трудом удержался, чтобы не броситься в море вплавать и дождался утра.

Туземцы на время потеряли нас из виду. Время тянулось медленно, Хуан подогнал пирогу, а уже первый лучик едва забрезжил на востоке, это ночь повернула на день, высветиваясь тускло-серым рассветом. Я стоял в пироге и всматривался в становившийся всё более отчетливым контур корабля.

– Ну, так с Богом! Вперед! – тихонько скомандовал я.

Стоя в пироге с луком и стрелами рядом, Хуан внимательно смотрел по сторонам, грациозно балансируя

при её качках по волнам, готовый выхватить лук, натянуть тетиву и пустить стрелу. Его фигура была, действительно, красива с перьями на голове и браслетами поверх мохнатых с бахромой жгутов на руках и у колен.

Туземец делал последние попытки уговорить меня повернуть назад.

– Капитана, разве тебе не нравится наша земля? – Почему не останешься у нас? Надо помириться с шаманом и вождем. Если ты это сделаешь правильно, то отделишься меньшим наказанием.

– В вашем краю прекрасно, но я решил перебраться на свою землю, далеко, далеко от вашей.

– А там земля лучше нашей?

Моя душа не терпела лжи.

– Она также хороша, как и ваша, только в ней нет бегемотов, крокодилов, носорогов, не растут бананы.

Любопытство Хуана тут же сменилось глубоким разочарованием.

– А что же тогда там растёт?

– Берёзы, липы, тополя.

– Их хотя бы кушают?

– Это земля вечной красоты! – воскликнул я. – Их нет необходимости кушать.

– А людей?

– Это ещё земля мира и дружбы между народами! Их тоже не едят.

– А где лежит эта земля?

– Далеко на севере, Хуан!

– Это как далеко?

– Это ближе, чем до луны.

– Если твоя земля так близко, то возьми нас с собой.

– Сейчас нельзя. Потом вернусь, как увижу свою жену.

– Здесь твои жёны будут плакать.

– Скажи им, чтобы они ждали меня.

Новое разочарование постигло Хуана.

– Неужели есть такие люди – не кушают друг друга? – вскрикнул он пораженный.

– Есть!

– А что же они едят?

– Морковку, картошку...

– Там нехорошие люди, – сделал вывод Хуан.

Я обернулся.

– Как ты можешь в этом сомневаться?! – моё возмущение было не наигранным. – Взгляни на меня, разве я плохой человек?

– Ты хороший бог Дуссонго! – это были последние слова Хуана.

Он на прощание сунул мне в карман пригоршню чего-то, а я не стал проверять, что это было. Глянул в его чистые, кристальные, прозрачные глаза и увидел в них искренность. И так понятно – приворовывал у меня и приторговывал, милый, тщедушный, непредсказуемый народец! Вот почему за невест надо было больше отдавать карассо! Вот откуда обвал валюты! Вот откуда инфляция! Вот кто своим сбросом карассо создал ситуацию почти что дефолта! Я растрогался, поднимаясь по веревочному трапу, и у меня в очередной раз выступили слезы. Меня одолевали приступы неудержимого стремления к Родине. Я ощутил могучее тяготение к Божественной Рае, мои рыдания достигли её слуха, и вот теперь её исцелили раны моего сердца.

Ветер душным дуновением донес обрывки криков возмущенных туземцев, жаждущих мщения. Остров расплылся перед глазами, и только нимб сиреневой дымки ещё долго оставался ясным и четким.

Я стоял на палубе корабля и, глядя на остров, мучительно думал, что право каждого просвещенного человека проникаться жалостью и участием к неопределенной судьбе маленького народа. Но правильно ли было мое поведение, допустившее такие издержки его развития, что теперь после контактов со мной нравы и обычаи теперешних папуасов изменятся, исказятся и будут другими, что будущему этнографу и антропологу придется разыскивать чистокровного папуаса в его примитивном первобытном состоянии и, в результате, благодаря моему вмешательству, не найти? И что скажу, что отвечу своим соотечественникам я, несущий ответственность за свои действия в прожитых на острове три года, если не могу ответить даже на такие простые вопросы, как: с какой части тела начинают лакомиться людоеды, почему туземцы протыкают палкой обе ноздри?

Но кто, вообще, может аргументировано ответить на эти вопросы? Никто. Так что события этих лет, окутанные дымкой загадочности, ждут от меня нового осмысления временем и научного толкования.

На американском корабле меня встретили радушно и с любопытством, больше донимали, не давая прохода, журналисты. Каждый норовил произвести фотовспышку. Я бежал от них как мог.

Жены Раи не было, но я это ожидал – случайный корабль, ниспосланный Богом на мои неисчислимые просьбы.

Первым делом я направился в общественный туалет и подбежал к зеркалам. Я долго делал всевозможные гримасы: высовывал язык, надувал щеки, закатывал глаза. При каждом новом образе, появляющемся в зеркале, я произносил: “О!” Как давно я не видел самого себя, как истосковался по себе! Сзади стояли два человека в чёрном и с долей превосходства качали головами.

Я проспал беспробудно два дня так крепко, словно вернулся после изнурительного перехода половины экватора.

Сам Бог велел увидеть во сне жену Раю, которая не раз являлась ко мне в подобных обстоятельствах. Я увидел её и позвал. Она царственно спустилась ко мне по широкой лестнице по красному ковру Зимнего Дворца и, остановившись передо мной, начала суровее, чем обычно, упрекать:

“Впредь ты меня больше не подкупишь пошлой откровенностью и не возьмёшь жалостью, – сказала она, – и остаток пути, который суждено тебе пройти, будет усыпан битым стеклом, терниями и горящими углями. И беды обрушатся на тебя в будущем за предательство к своим брошенным женам и детям. Возвращайся немедленно к ним. Но на сей раз, поскольку ты позвал меня, я хочу в последний раз тебя поцеловать!”

Скромный тычок губами в лоб, но который обдал меня жаром и разбудил!

И этот сон сбывся! По крайней мере, в той части, которая касалась моего будущего!

После первого сна был второй, где меня постиг синдром ветерана войны, которому снится, что он нажимает на курок, а тот прогибается, как пластилиновый, и на

ружьё садятся попугаи, мешая прицелу. Попугаи были исчадием ада, которые кружились надо мной с пронзительным клёкотом и неистовым хлопаньем крыльев. Меня преследовала стая гигантских чёрных какаду, я отбивался ружьём как палкой, я бежал, я искал волю, спотыкался и снова бежал, пытаюсь спастись от кривых, острых, как колючки, клювов.

Проснулся весь в поту и долго не мог отдышаться. Я вышел на верхнюю палубу, а ощущение удушья, с которым проснулся, усилилось.

Ну почему? Почему чёрные, а не белые какаду?

Картину ещё портили двое в чёрном, которые были всё время рядом.

Отдохнувший, приобретший душевный покой, я теперь сам искал встречи с журналистами.

Спонтанно началась пресс-конференция. Почувствовав мою расположенность к откровенному диалогу, я тут же заметил массу наставленных в мою сторону камер известных мировых телеканалов: Первого, “Россия”, НТВ, Евроньюс, английского Би-би-си, японского Эн Эйч Кей, австралийского Эй Би Си, южнокорейского Кей-би-эс, немецких АРБ и ЦДФ и др. Камеры уже снимали. Я был рад любому разговору и с соотечественниками и с иностранцами – моя история должна быть услышана во всём мире. Мой бесхитрый рассказ продолжался полчаса, и я втиснул в него всю неизбежную тоску по Родине.

Затем последовали многочисленные вопросы, многие на сносом русском языке, временами поражающие своей бестактностью и, хуже того, бессмысленностью.

Корреспондент: Господин Мильков, теперь о вас вкратце уже знает каждый на этом корабле, а завтра узнает весь мир. Волнует своеобразие туземного образа мыслей, неизгладимо запечатлевшегося в вашем уме.

Я: Сразу предупреждаю, я не вёл научную работу, но пытался. Однако независимо от того неодобрения или недовольства, которые при известных обстоятельствах только тормозили мою деятельность, у меня с наукой получилось плохо.

Корр: Вы разве не коллекционировали человеческие черепа, как всякий уважаемый антрополог?

Я: Я встречал их только на столбе смерти.

Корр: Они были искусственными?

Я: Мне было не до проявления любопытства. Я заявляю, что у меня отбивали всякую охоту к науке.

Корр: Прежде всего, это правда, что с вами произошло?

Я: Совершенная правда. Три года я прожил чуждым окружающему меня обществу изгоем, “белым масоку”, которого презирали и боялись, приписывая мне разнообразные бедствия, постигавшие остров. Борьба за выживаемость в условиях каннибализма поглотила меня без остатка, не позволяла мне терять бдительность ни днем, ни ночью.

Корр: Из исторических и литературных источников, очень немногие, прожив часть жизни с аборигенами, возвращались обратно в своё общество вполне адаптированными. Робинзон у Дефо неудачный пример – за неполных тридцать лет можно только окончательно деградировать. А вы, как ощущаете себя за эти оторванные от себя три года, то есть, в десять раз меньше?

Я: Я вернусь на родину, и жизнь сама покажет мою степень деградации.

Корр: Вы не боитесь, что среди своих близких, даже среди своих родных, не почувствуете себя ещё большим чужаком?

Я: Зачем вы спрашиваете такие вещи? Сейчас я встречаюсь с любимой женой, отдохну немного и приступлю к работе, жизнь только продолжается.

Корр: Вы возвращаетесь в цивилизованный мир слишком зрелым, чтобы у вас выработались навыки, более соответствующие новым условиям. Достойна сожаления крамольная мысль, что, находясь уже среди нас, вы постоянно будете сталкиваться с людьми, которые, в некотором смысле, настолько потеряли чувство элементарной честности, что начнут сознательно использовать ваше утраченное незнание обычаев цивилизованного общества в корыстных целях.

Я: Спасибо за предостережение, я буду весь глаза и уши, но, думаю, страхи напрасны.

Корр: Уже по первым признакам вашего разговора и мой богатый опыт общения с аборигенами Амазонки и Африки, я заметил, что вы отнюдь не лишены того своеобразного красноречия, которое свойственно туземцам. Ваше красноречие, как и у них, больше проявляется в жестах, в интонациях и мимике, чем в словах и фразах?

Я: Мне кажется, я остался прежним.

Корр: Напишите книгу. Годы мытарств и лишений превратили вас в тонко чувствующего, но сильного духом человека. Конечно, ваш стиль повествования будет самый безыскусный. Эта простота, вероятно, не понравится поверхностному читателю, но надо надеяться, что человек с пытливым философским складом ума, несомненно, заинтересуется возможностью изучить примитивную логику человека, долго испытывавшего на себе влияние типичных условий первобытной жизни.

Я: Вы настаиваете на том, что я, действительно, деградировал?

Корр: Вероятно, вы даже сами себе не представляете, насколько.

Я: Вы меня унизили, опустили. Разве так можно?

Корр: Нужно всегда относиться осторожно к человеку, побывавшего в нескольких ипостасях: то он цивилизованный человек в обществе с манерным поведением и сложными общественными установлениями, то познаёт себя в роли ничтожного одинокого дикаря. И снова очередной кульбит. За каждое последующее вырывание из привычной обстановки приходится платить психологической ломкой. Возможно, первое время наша снисходительность по отношению к вам не помешает?

Я: Вы что, сговорились? Не жалейте меня, я за три года не утратил из своего ничего. Я при полном здравии и хорошей памяти, и не нуждаюсь ни в чьей снисходительности.

Корр: Поправляю, при здравом уме и твёрдой памяти.

Корр: Следует особенно подчеркнуть, что вся история, изложенная в вашей будущей книге и будучи передана так, как она была на самом деле, то есть будет написана без давления, без навязывающих вопросов, подсказываний, указаний, произведет впечатление разорвавшейся бомбы?

Я: О книге мне рано загадывать.

Корр: Вы рассчитываете прибыть на Родину героем, и после книги стать ещё более героем. Описания ужасов и трудностей жизни диких людей, видимо, будут свободны от преувеличений или искажений. Едва ли найдется человек, который, прочитав эту книгу, не проникнется состраданием к столь обездоленной, униженной и попавшей в зависимость к вам, а, следовательно, в безысходное положение расе?

Я: А в чём это заключается?

Корр: Скажите, что уживалось в вас с неутолимой, неистовой, неистощимой жадной переделки мира, столь характерной цивилизованному миру и нехарактерной для туземного образа мыслей?

Я: Тонкое чувство справедливости, вера в людей.

Корр: У большинства другое мнение. Возможно, именно, обстоятельства, заставившие вас жить среди диких людей, не знающих законов, принудили вас рассматривать себя судьей в любом споре?

Я: Вы правильно выразились: принудили.

Корр: Но, почему-то не судьей, прежде всего, своих поступков?

Я: Поймите правильно, не от хорошей жизни.

Корр: И, тем не менее, в силу своего умственного или случайного превосходства вы присвоили право управлять большинством, подменяя под себя всех и вся?

Я: Вы пробовали жить среди тигров? Вы когда-нибудь ощущали смертельную враждебность окружающего мира? Каннибалы оказались реальнее, чем вы думаете. Мной руководил инстинкт самосохранения, и мне было не до высоких материй. Поэтому, благодаря неимоверной бдительности, я не становился жертвой ни каннибалов, ни жертвой обмана постоянно действующих среди туземцев всякого рода исступленных фанатиков, прежде всего шамана. И все же, не доверяя полностью своему внутреннему чутью, всегда осмеливался относиться с презрением, как к орудиям убийства первых, так и к трюкам вторых, и ещё высмеивать их.

Корр: Вами под знаком миссионерства были предприняты некоторые усилия приблизить туземцев к цивилизации и обратить их в истинную веру. Но всё осталось, конечно, на словах?

Я: Сказать, что ничего не предпринял, было бы несправедливо.

Корр: В таком случае, что вы внесли для развития?

Я: Вы хотите знать, почему я не создал высоко технологическое общество, хотя, вы понимаете, с успехом мог? Почему, как говорится, я не построил, так называемый, технопарк на отдельно взятом острове? Прошу акцентировать внимание на том, что первозданных мест на Земле осталось мало, точнее не осталось совсем. Диву даёшься, как мы с пеной у рта выступаем в защиту животных за сохранение их мест обитания. Я не хотел нарушать на острове ни экосистему, ни многовековой уклад жизни туземцев. Я не тянул их насильно за фалды “куда идти и с кем идти”, учитывая их собственный выбор. Я сделал минимум того, что не повлияло бы ни на что.

Корр: По пунктам можете перечислить?

Я: Я покинул остров с чувством исполненного долга. Я первый начал строить непромокаемые хижины. Первый предложил стены, сплетенные из бамбуковых стеблей, обмазывать глиной с навозом. Первый стал воз-

водить вместо конусообразных покатые крыши. Первый соединил все берега рек, противоположные стороны пропастей, оврагов, расщелин прочными, уникальными по дизайну мостами. Это мой подарок народу масоку.

Корр: И первый внедрил контрацептивы?

Я: Есть вещи, которые не оценишь ничем, как звёзды, от которых нам нет никакой выгоды, но тем не менее...

Корр: Но, тем не менее, именно контрацептивы совершили бредовую революцию в головах туземцев. Теперь они долго не отойдут от тех странных трансформаций, что вы вытворили, которыми вы их удостилили?

Я: В сложной ситуации невозможно просчитать все последствия.

Корр: Туземцы взывали о помощи. Из всех предложений о помощи, несомненно, самым удачным, но и наиболее трудно выполнимым было бы оставить их в покое?

Я: Легко сказать – трудно материализоваться в другом месте.

Корр: Есть некоторые нюансы, которые волнуют меня как журналиста, изучившего быт и нравы многих туземцев...

Я: Рассчитывайте на меня до конца, пользуйтесь случаем – сегодня я со всеми откровенен.

Корр: Человек, не знакомый с историей туземных племен и условиями их существования, может усомниться в правдивости отдельных описаний.

Я: Вы что, не верите моему рассказу?

Корр: Дело в том, что некоторые моменты не сходятся, даже если бы вы на самом деле встретили совершенно новую расу.

Я: Вы о какой расе говорите?

Корр: Понятно, о какой, европейский вид: утонченные черты лица, пропорциональная фигура, длинные волосы, склонность к мышлению.

Я: Ещё добавлю, извините, по-настоящему сияющие красивые молочные железы – не лепёшки, как мы привыкли видеть у женщин в племенах по кинохронике.

Корр: Как мужчина, вы подметили характерные крупно бюстованные груди, а ещё что?

Я: Подспудно я всегда ощущал, что меня окружают европеоиды. Временами казалось, что на острове присутствует весь срез российского и даже мирового общества. Я мог бы перечислить фамилии. Знакомые лица, как бы перемазанные чёрной ваксой! Я ловил себя на этом. Эта сентенция меня успокаивала – зеркальное отражение российского общества в трудных условиях только помогало выжить. Несмотря на вполне респектабельный вид, мышление у них было всегда примитивным. Я не обрекал туземцев на невежество, но за три года они не удосужились перенять от меня ничего нового.

Корр: Хочу поспорить, что касается применения контрацептивов, то в этом вопросе они преуспели и могут дать нашему равно уязвимому, брутальному обществу приличную фору.

Я: Я как-то не задумывался об этом, контрацептивы как контрацептивы, что тут необыкновенного?

Корр: Господин Мильков, необыкновенное в том, что вы, не желая того и не осознавая, построили зачатки не чего-нибудь, а самого что ни есть коммунистического общества со всеми его атрибутами, как: вера в будущее,

счастливые детство, зрелость и старость, равенство и братство, каждому по труду, каждому по способности, человек человеку друг, товарищ, брат, отказ от золотого тельца. Если бы вы прожили ещё три года, можно быть окончательно уверенным в создании такого общества на отдельно взятом острове.

Я: К сожалению, для этого на острове надо было бы убрать религию, как опиум для народа, кулаков-мироедов, дохлую интеллигенцию, докторов-отравителей, вредителей-генетиков и прочих-прочих троцкистов и иже с ними.

Корр: Счастье должно быть с кулаками.

Я: Вот-вот, ещё хочу отметить одну примечательность, похожую на европейскую. По поводу и без повода туземцы постоянно распускали по отношению друг к другу руки, как герои фильмов Сильвестр Сталлоне, Ван Дам, Джеки Чанг.

Корр: Что за чушь!

Я: Разборки, драки и мордобитие за сферы влияния в племени – такая же реальность. Это меня тоже успокаивало, словно я окунался в российскую и европейскую действительность.

Корр: Потом, я не верю, что цена на контрацептивы с чьей-то лёгкой руки не была создана искусственно?

Я: Это правда, в той или иной мере, вбрасыванием или дефицитом я старался поддерживать её стабильность в заданном валютном коридоре.

Корр: Вы в этом достигли успеха, как великий полтэконом!

Я: Спасибо за комплимент.

Корр: При этом не имея специального образования!

Корр: А мне кажется, только россияне способны на подобные авантюры.

Я: Сначала создать проблему, а потом успешно преодолеть её.

Корр: Господин Мильков, ещё к вопросу о контрацептивах. Во времена колонизации Дикого Запада белые хорошо знали про ненасытную жадность индейцев к спиртному, как деградирующе влияет оно на них. Правительство Соединённых Штатов решило пресечь это зло. Служащим и разбездным агентам, добирающихся до самых отдаленных глубинных районов, было строго запрещено продавать индейцам даже небольшое количество виски или вина. Продиктовано было трезвой предсмотрительностью. Этот запрет принес несравненно больше пользы, чем все меры, принимающиеся в более отдаленные и недавние времена, как правительствами, так и благотворительными обществами. Мой вопрос в следующем: понятно, вымирание от спиртного, от нищеты и болезней. Теперь добавилась ещё одна напасть – так называемое, “карассо”. Ежу понятно, что распространение контрацептивов, равно как и спиртного одинаково приводит к быстрому самоуничтожению местного населения. Вы не боитесь, в какую лажу вляпались, вы готовы нести полное бремя ответственности?

Я: А что мне оставалось делать – без контрацептивов я бы не стоял перед вами живой, через них я выстраивал приемлемые для себя отношения с туземцами.

Корр: Сейчас вы прежде всего нарушитель закона.

Я: Карассо, как и деньги, не пахнут.

Корр: А всё же?

Я: Индеец всегда имел возможность отравлять себя и свою семью чем угодно и по более или менее сходной цене. То, что он добывал на охоте, он распределял и продавал с таким расчетом, чтобы получить как можно больше так называемого смертоносного зелья. Так и у моих аборигенов с контрацептивами.

Корр: Меня не отпускает одна мысль. Похоже, над вами произведен чудовищный эксперимент?

Я: Вас бы на моё место, вы бы не говорили такие слова.

Корр: Не просто произведён, а глобально, по хорошему сработанному сценарию?

Я: Это невозможно по ряду причин, одна из них экономическая: аренда острова, даже островов, подыгрывающие актёры, а мой сгоревший дом-музей. Это немеренные деньги.

Корр: Ну, в наше время преобладания повсюду олигархов, готовых оплатить любую свою прихоть, купить, например, остров и т.д. – это более чем вероятно.

Я: А как тогда объяснить бурю, кораблекрушение? Неужели вы думаете, что кто-то раскачивал корабль? Не вы ли это делали своими руками?

Корр: На это отвечу следующее: а как великий маг Дэвид Копперфильд прошёл сквозь Китайскую стену, как он убирал статую Свободы?

Я: Ну, это были его грандиозные иллюзии...

Корр: Теперь согласен. Вот это единственный довод, голосующий за естественное развитие событий, пожалуй, ставит все точки над “i” не в пользу искусственного ряда обстоятельств. Хотя ваше спасение во время бури было под знаком вмешательства Всевышнего.

Корр: Господин Мильков, вы честный человек?

Я: Стараюсь им быть до конца.

Корр: Значит, вы джентльмен? Вы держите слово?

Я: Конечно, обманывать – это ниже моего достоинства.

Корр: Вы многократно женаты, у вас много детей от туземок. Что вы предполагаете сделать для воссоединения семьи?

Я: Трудно сказать. Я был пленником чрезвычайных условий и, скорее всего, им и останусь по многим причинам, в первую очередь из-за несовершенства законодательства, в которых не предусмотрены исключительные обстоятельства, то есть форс-мажор.

Корр: Сочувствуем, вы стали жертвой насильственных браков, но, однако же одновременно, и политически пиарных браков на уровне племени для своего благополучия. Что в таком случае вы скажете?

Я: Сошлюсь опять на обстоятельства, да и подобный вопрос не ко мне, а к тем туземцам, которые тем или иным волонтаристским способом вынуждали моё согласие. Например, мне подарили жену. Её же ни один дом обратно не возьмёт – пропадёт она. По законам гостеприимства я не должен отказываться от жён. Вот и подумайте, как можно расценить мои действия в таких ситуациях?

Корр: Но кто заставлял вас плодить детей? Опять стечение обстоятельств?

Я: Да, в том числе плохое качество контрацептивов.

Корр: Но вы научились делать аборты!

Я: Никто из жен не обращался по поводу искусственного прерывания беременности.

Корр: Кто из ваших жён самая лучшая?

Я: Раиса Сергеевна.

Корр: Смешной вы человек, я спрашиваю, кто из туземок?

Я: До которой руки мои не дошли!

Корр: Юмористический ответ понятен.

Я: Я серьёзно.

Корр: Потому что количество неохваченных вами женщин настолько мало?

Я: Возможно. Как и мало всё племя.

Корр: Вы живой и невредимый, и это служит доказательством того, что вы превратили браки – в дело добровольное и довольно нескудное занятие. Мы завидуем вам, вы, по существу, сделали их таковыми, проживая с жёнами достаточное время в любви и согласии. И теперь их бросили на произвол судьбы, что не вяжется с вашим утверждением, что вы джентльмен.

Я: У меня сердце разрывается, они прочно вошли в мои кровь и плоть, ведь многие – матери моих детей. В России многожёнство запрещено, в лучшем случае я могу помочь перебраться им в Россию и поддерживать с ними дружеские нормальные отношения.

Корр: А супружеские?

Я: Я не имею права ущемлять их права на меня и собственное достоинство.

Корр: Но это значит создать прецедент!

Я: Я не бедный человек, я сделаю всё, что в моих силах.

Корр: И разберётесь с законом и поборётесь с Раисой Сергеевной?

Я: Как получится.

Корр: Господин Мильков, надеюсь, что вы не обманете наших ожиданий. Спасибо за откровенное и интересное интервью.

Я порядком устал от пресс-конференции и рад был, что ответил на последний вопрос.

На корабле пребывало много узнаваемых соотечественников, а артистов – хоть пруд пруди.

О, Никита Сергеевич Михалков!

Филипп Киркоров, чем-то напоминающий моего любимого друга и брата Хуана!

Снова суетился вездесущий Валдис Пельш.

– Как, разве вы не утонули во время бури? – моё удивление перед ним было искренним.

Пельш долго вглядывался в моё лицо, наконец, вспомнил:

– А, русский военспец, кажется, из Киншасы! Как видите, мы живее всех живых. Кто-то же должен делать программу “Розыгрыш”.

– После моей критики, что-нибудь изменилось в программе в лучшую сторону? – спросил я.

– Вы когда в последний раз её смотрели?

– Три года назад.

– Ну, с тех пор много воды утекло.

– Так как же?

Пельш обронил только одну фразу:

– Советую не пропустить следующие передачи. – И он в очередной раз пустился в бег от меня.

Я прогуливался по палубе, и снова обратил внимание на двоих одетых в черные пиджаки и брюки людей, пристально смотревших на меня из-под шляп. Они явно парились в ярком солнце и даже не притворялись тури-

стами. “Они следят за мной. Это не посторонние люди”, – подумал я. Один был высокого роста, с выбивающимися из-под шляпы светло-русые волосы, сухопарый мужчина под сорок пять лет, чье и без того непримечательное лицо имело ярко выраженную предрасположенность, что он злой человек, что он, вот-вот, вытворит какую-нибудь мне подлость. Другой примерно такого же возраста, среднего роста, с пышными усами, мускулистое тело которого выказывало начальные признаки тучности, был сегодня немного суетлив.

Они отделились от толпы, и подошли ко мне.

– Гражданин России Мильков Алексей Леонтьевич? – Впервые за три года я услышал свою фамилию, так что не сразу отреагировал.

– Да.

– Какое отношение вы имеете к известному алмазному олигарху Милькову?

– Никакого, кроме того, что он мой однофамилец. Простое совпадение.

– Ваши документы.

– У меня нет документов.

– А где они?

– Вы слышали на пресс-конференции мою историю?

В ответ они показали мне бумагу: постановление на арест.

– Российская прокуратура предъявляет вам обвинение и возбуждает против вас уголовное дело.

– Шутить изволите? – Но мой возглас повис в воздухе при виде наручников.

– Мы обязаны экстрагировать вас на родину.

Ситуация, где трагическое выступало на передний план над комическим. Или комическое над трагическим? Разобраться было трудно. Мускулы сотрясла дрожь, кровь прилила к голове, мне не хватало глотка воздуха, читая строчки: “экономическое преступление... разбазаривание народного достояния на три миллиона долларов... использование государственного имущества в личных и корыстных целях”.

– Мне кажется, вы не так выразились, – я взял себя в руки.

– А как надо?

– Не экстрагировать, а интрагировать. Я же возвращаюсь на свою исконную территорию...

– Какой хрен разница! – возмутились они.

– Это ещё не все! – Они подали целый пакет международных исков.

Я перебирал адресаты: Американская лига борьбы против каких-либо шоковых терапий, Активисты за первоначальную среду обитания, Гражданские комитеты “Антиаборт” и “Антиконтрацепция”, Ассоциация защиты окружающей среды. Больше всего меня смутил иск от самой Брижит Бардо в защиту китов, акул и морских котиков.

Как они успели, откуда узнали!

Получалось, что я не имел права читать туземцам кибернетику, не говоря уже о генетике и вообще делать на острове что-либо – только сидеть мышью, быть тише воды ниже травы.

Я едва не уступил отчаянному желанию покончить со всем этим кошмаром и выброситься за борт.

Я молчал, потом спросил:

– Что меня ждет?

– Господин Мильков, обвинительное заключение и... тюрьма.

– Умение пользоваться контрацептивами отличает любую высокоразвитую урбанистическую культуру мира, – попытался оправдаться я.

– Какую, какую... ещё, хрен, культуру? – грубо одернули они меня.

Я покорно протянул руки для наручников. Мне было нечего возразить на проявление дикой болотной замшелости.

– Господа, программа “Розыгрыш” продолжается! – энергичный Валдис Пельш приглашал пассажиров в студию, когда меня уводили.

Глава 21. КОРОТКАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

Теле-шоу “Розыгрыш”. – Мне раскрыли глаза на чудовищную несправедливость. – Сволочи и ублюдки. – Подарок в студию!

Эта короткая и последняя глава написана после того, как все страсти по мне улеглись: жена Рая приняла меня в своё лоно, суды предпочли не тягаться со мной и отпустили с миром, общество уже проявляло своё ледяное равнодушие, друзья потеряли ко мне всякий интерес, конкуренты были как всегда предприимчивы. Но, самое главное, за три года в России наметился позитивный сдвиг того, к чему я приложил свои душу, руки и голову, в общем, за что я боролся – об этом говорило очень много рекламы контрацептивов, а в аптеках, в магазинах прямо у касс каждый мог выбрать любую упаковку из богатого ассортимента множества фирм. Не моя ли волнующая история прибавила лишние голоса в пользу применения контрацептивов, не подтолкнула ли нерешительное общество сделать свой настоящий выбор?

И в этот момент я несказанно обрадовался звонку старого знакомого. Это был сам Валдис Пельш! Он пригласил на программу “Розыгрыш”. Долго уговаривать меня не пришлось, после пережитого на острове Надежда и сидения в следственном изоляторе “Матросская тишина”, я был готов на всё, лишь бы восстановить свою пошатнувшуюся репутацию в глазах общественности. Меня будут представлять на всю страну, будут задавать вопросы. Что было, то было, и пусть народ посмотрит на Русского Робинзона и своего олигарха. Я был рад отдушине.

Наконец, Пельш вызвал из тайной комнаты меня. Взрывы, хлопки, надломанные стулья под тяжестью тел, неожиданные струи воды сопровождали присутствующих и вызывали смех из зала. Партнёрша ведущего за пять минут успела задать массу вопросов мне, после чего Пельш сказал:

– Пришло время раставить все точки над “i”.

Включился экран и пошли кадры моей жизни на острове. Я растерялся, откуда взялась съёмка, если я жил на острове вдали от цивилизации? Это ж надо, меня, оказывается, контролировали в то самое время, когда в моих

коленках поджилки тряслись от страха. Кадры перенесли в самый животрепещущий момент – решалась моя участь во встрече с шаманом.

Ведущая стала представлять:

– В роли шамана ведущий программы “Розыгрыш” Валдис Пельш!

Раздались аплодисменты.

Как! Никогда бы не подумал, что шаман – никакой не шаман! Очень трудно было осознать свой промах. Да, что-то было в шамане от Пельша. Такой же вертлявый, криклявый и химеристый. Как я сразу не догадался?

– Но он погиб, он был отравлен на моих глазах! – всё ещё не веря, выкрикнул я. – Даю голову на отсечение!

Тут же кадры подтвердили мои слова.

А Пельш, этот комедиант, перед всеми зеркально демонстрировал последние хрипы и перекошенное спазмом лицо. Один к одному, как на экране.

Аплодисменты потрясли студию.

Пошли другие кадры: вождь предлагает мне в жёны свою дочь.

Ведущая объявила:

– В роли вождя племени масоку народный артист России Никита Михалков!

Раздались аплодисменты. А я не хотел верить – неужели обтачивающий камнем зубы он и есть?

Никита Сергеевич, присутствующий в студии, с вежливой улыбкой отвешивал поклоны и от скромности разводил руками.

Далее объявлялись:

– В роли Сагворы певица Кристина Орбакайте.

Кристина Орбакайте вышла на середину и спела новую песню.

– А мне казалось, что Сагвора – это Николь Кидман, – сказал я удивленно. – Смутное ощущение похожести и присутствия, хоть убейте.

В зале послышались общие смешки.

– В роли Хуана и Хуаны Филипп Киркоров и Анастасия Стоцкая! – продолжала ведущая.

Яркий дуэт голосов этой пары, исполнивших песню, вызвал нескрываемое всеобщее поклонение в зале.

– В роли...

– В роли...

– В массовых сценах участвовали студенты театральных училищ и студий страны!

И тут у меня открылись глаза на чудовищную несправедливость.

Бедствия, испытанные мной среди туземцев, меркли в сравнении с той глубиной деградации, которая постигла всё моё чванливое общество в “цивилизованном” мире.

– Слов нет, вы все сволочи! – вырвалось у меня. Как оказалось, в самой трансляции на всю страну вместо слова “сволочи” была звуковая вставка “пип-пип-пип” в случае ненормативной лексики, и для телезрителей с фразой “слов нет” я показался как бы даже довольным происходящим.

Пельш в карман за словом не лез.

– А что, умеем мы шутить. Наше дело юродствовать, чтобы зритель всегда мог оценить удивительное время, в котором он живёт. И достаточно умную шутку...

– Нет слов, – повторил я, – вы, сволочи и ублюдки.
“Пип-пип-пип”.

Большого циника, чем Пельш, я не встречал в жизни.

– Вас заказал ваш партнер по бизнесу из алмазной компании “Де Бирс”, которому мы не смогли отказать, – признался он.

– Конкретно, кто?

– Мы не имеем права разглашать столь деликатную информацию.

– Скажите хоть, это мой отечественный или иностранный партнёр?

– Вы плохо думаете об иностранцах, а с другой стороны, кто пьёт шампанское, тот и заказывает музыку.

– Но я же мог элементарно погибнуть!

– Это не было предусмотрено частью нашей программы, а далее все спорные вопросы к вашему партнёру.

– На деревню дедушке?

– Это ваши проблемы.

– Но я сам мог кого угодно убить в непредсказуемых ситуациях!

– Это тоже не было заложено частью нашей программы.

– А вдруг у меня неадекватное поведение?

– Вас, как космонавта, многократно испытывали на прочность и вы ни разу не дали трещину.

– А если бы?

– Вы разве не почувствовали за собой постоянный контроль психологов и “персоналку” службы безопасности, готовых тут же вмешаться?

– Нет.

– Это плюс нашей программе.

– И Квай-ква (Та, которая журчит ручейком между камней) была агентом?

– Вы были под колпаком. Это наша Мата Хари. Самая лучшая Мата Хари всех времён и народов!

– А Вай-нуми?

– А, Укушенный сколопендрой Чёрный дрозд? Сейчас сверюсь со списком. Это играющий режиссёр-постановщик.

– Нет слов, – повторил я, – все вы одним миром мазаны, сволочи и ублюдки, ублюдки и сволочи! И телевидение ваше ублюдочное и сволочное!..

“Пип-пип-пип”.

В зале реагировали улыбками, кое-кто схватился за животики. Надо мной откровенно смеялись.

Я снова возмутился:

– Так это были не настоящие персонажи? Не даром идёт молва, что во все ток-шоу простому народу не пробиться, потому что там сплошные подставы из артистов!

Меня окружили взволнованные Никита Михалков, Кристина Орбакайте, Филипп Киркоров и Анастасия Стоцкая.

– А мы думали, что вы такой же актёр, как все мы, что играем каждый свою роль, – извинялись они. – Если честно, вы, хоть и не профессионал, но ни один актёр не сыграл бы лучше, как вы себя.

Я пронзительно смотрел на них и думал: “когда же они осознают и извинятся передо мною?” И с обидой сказал:

– И вы туда же гнёте, и вы все тут за одно?

Но на их лицах были написаны близорукая растерянность и чувство вины, свойственные русским интеллигентным людям. Давно я такие честные лица не видел.

– Позвольте! – неожиданно выплеснулась мысль у Никиты Сергеевича, – Так мы тоже оказались бедолагами, которые попались на удочку “Розыгрыша”?

Валдис Пельш на всякий случай отошёл в сторону и провозгласил:

– Господа! Вы участвовали в передаче “Розыгрыш”!

Как глас вопиющего в пустыне раздался мой голос:

– Пельш, к чему тогда было ломать эту комедию с контрацептивами?

Ведущий Пельш своей холёной, довольно умильной ухмылкой совсем сбил меня с толку:

– Розыгрыш не был бы розыгрышем, если бы мы не добавили эту пикантную остроту – контрацептивы. Согласитесь, гениальная идея наших продюсеров! Разыгрывать – так разыгрывать. Чтобы на лицах и участников и зрителей присутствовали все известные человечеству эмоции от страха до надежды. Реализация генеральной концепции нашей передачи. Кстати, она совпадает с вашей. Было трудно, но всё организовали, адаптировали, в общем, претворили идею до воплощения, как вы три года тому назад просили – делать передачу “Розыгрыш” более динамичной, невзирая на лица, по существу, как вы ещё хорошо сказали, демократичной и народной.

На экране пошел эпизод с моим интервью на корабле.

– Я подам на вас в суд! – взъярился я.

– Бесплезно! Вы получили то, чего хотели. Никто вас за язык не тянул. И у вас не отнять чувство юмора и другие человеческие качества – это главное, так оценил народ!

Вдруг Пельш преобразился.

– Подарок в студию!

Открылась стена, и перед моим взором предстал мой дом-музей с чучелами. И с моими любимыми жёнами... Они тут же бросились мне на грудь.

На этой счастливой ноте ток-шоу закончилось.

ЭПИЛОГ

Далее уже было за кадром передачи. В один из вечеров мои статные и лихие, не выражающие эмоции телохранители доставили упирающегося и мычавшего Валдиса Пельша в глубокий подвал.

Я скалил перед ним зубы, выпячивая клыки, как этому научился у каннибалов, обезьян и у него самого.

Прочистить мозги этому человеку было необходимо через самые хитрые фильтры. Передо мной на выбор лежали ножи, пистолеты, удавки, я поплеывал на включенный электрический утюг и он шипел. На краю приготовленной ямы крутилась бетономешалка – в нее закладывались лопатами последние ингредиенты.

– Ты знаешь, что я с тобой сделаю, что тебе отрежу?
– Я взял в руки обычный крестьянский серп.

Я упивался видом несчастного человека, убитого неотвратимым возмездием. Всего пять минут, но каких! Их было достаточно, чтобы прочитать на запуганном лице Пельша, что за нечистоплотность надо много заплатить физическими страданиями. И по его физиономии я разобрал, что его мозги прямо на глазах прочищаются, просветляются и начинают варить в нужном направле-

нии, что он в самый раз готов вынести любые мучения, чтобы только остаться живым. Вот что такое запоздалая порядочность с его стороны.

И всё же я восторгался телепередачей “Розыгрыш” и предприимчивостью ее ведущего Валдиса Пельша, которая была ему тут же вознаграждена мною банковской карточкой на миллион долларов.

Ни один телеведущий никогда не получал такой оглушительной суммы.

2000 г.

Алексей Мильков

ИМЕЕТ ЛИ ПРАВО НА ЖИЗНЬ В ПОЭЗИИ ЗАРИФМОВАННАЯ ПРОЗА ?

Перечитывая нашего известного ухтинца Николая Абрамовича Володарского я обнаружил, что его часто применяемый и любимый жанр — новелла в стихотворной форме, в которой он достиг значительной высоты. Привожу в пример несколько стихотворений подобного плана из его сборников.

В СЕЛЬСКОМ КЛУБЕ

Чтобы в жаре не маяться,
сняли люди малицы.
Подмостки светом залиты,
места все в клубе заняты.

На сцене,
ярче вымысла,
девичья стайка выросла.
Все,
как одна,
в кокошниках,
на всех — шелка роскошные.

И вот навстречу девицам
сноровкою померяться
с достоинством завидным
выходят парни видные.

Рубахи, словно радуга,
но нас не это радует.
Мы думаем: из пармы ли?
Но слышится уместное:
— Ну, как вам наши, местные?

А тут сошлись парами
девчонки светло-русые,
(И коми здесь, и русские).
Одна другой красивее,
в глазах искринки синие.

И вспыхнул танец заревом.
Сбегаются и заново
расходятся. И кружится
затейливое кружево.

За каблуками дробными,
за пареньками добрыми,
за перестуком тоненьким
торопятся гармоники...

* * *

Мы шли с прогулки
с женщиной любимой.
Безмолвные, уставшие от счастья.
Зеленый лес и коврики ромашек,
и птичий гомон
позади остались.
И вдруг взгрустнулось.
Отчего взгрустнулось?
Возможно, сумерки причиной были?

— Ведь ты на много лет меня моложе.
Ну, день, ну, год... и ты меня покинешь.
А люди скажут:
“Что же вы хотите?
Он стар.
Таков удел, пожалуй, многих”.
Знакомые при встрече непременно
долбят, как дятлы:
“Старишься, приятель”.

— Смотри, — сказал я женщине любимой, —
и вправду сохнут и белеют губы,
редет волос.
Видно не напрасно
болтают люди, люди зря не скажут...
Но женщина меня остановила.
Лицо ее пылало от заката.

Она приблизилась почти вплотную
и молвила, преодолев смущенье:

— К чему, мой друг,
ты слушаешь пустое?
Зачем себя ты выдумкою ранишь?
Люблю! И все!
А стар ты или молод,
лишь мне одной
дано судить об этом.

Вот как начинается стихотворение “Светлый
родник”

Не пугаясь болот,
не боясь расстоянья,
я добрался в селенье
с чудесным названьем.

Далее, герой вдруг переходит на воспоминания,
чем оно знаменито со слов его жителей:

“Я так думаю,
краше и нет стороны —
высоки наши кедры,
как стрелы, стройны...”

А в конце автор раскрывает секрет, почему у него
не выходит из головы селенье под названием “Свет-
лый Родник”. Потому что:

Не могу позабыть
расставания час.
Не могу позабыть
синеву ее глаз...

Теперь все становится ясно. Правда, финал упрощенный. Получается, сколько деревень, селений, городов, столько можно написать подобных стихотворений. Ну, а если Николай Володарский любвеобильный?

Следующие стихотворения тоже характерны его стилем и их необходимо привести, как примеры.

В ВАГОНЕ

Висков моих коснулась седина,
а я все странствую
и не ищу уюта...
Две девушки застыли у окна,
до отправления поезда — минута.
Но вот уже и семафор открыт
и на сто верст вокруг
простор разбужен.
Заплакала
почти навзрыд
одна из отъезжающих подружек.
Другая же —
веселые глаза

единой капелькой не оросила.
Оставшимся взволнованным друзьям
улыбку на прощанье подарила.
Еще не скрылись мотыльки огней
недавней станции
и городских кварталов,
а та, что на слезинку послабей,
уже смеялась,
щурилась,
болтала.

А сильная стояла у окна,
смотрела в синь
до самого рассвета...

И я подумал:
именно вот эта
останется любимому верна.

Итак, фабула стихотворения такова: друзья провожают двух девушек на поезд. Реакция на расставанье у девушек разная: одна плачет навзрыд, у другой же — веселые глаза. Но стоило поезду набрать пары, как все изменилось с точностью наоборот. И автор делает вывод:

И я подумал:
именно вот эта
останется любимому верна.

Возможно, стихотворение портит это нравоучение. Не автор должен поучать, объяснять читателю, а приведенный пример.

В подтверждение этой мысли хочу продемонстрировать еще одно стихотворение Николая Володарского:

ШУМЕЛ ЗЕЛЕНЬ ПЛДЕНЬ

Шумел зеленый полдень.
Мы стояли
у тополя.
И женщина сказала:
— С тех пор,
как мы не виделись с тобою,
конечно же,
я сильно подурнела.
Ах, боже мой...
Заботы, служба, годы...

И как-то улыбнулась виновато.
У глаз ее,
подернутых печалью,
заметны были лучики морщинок.

Да, годы нас не красят,
это верно.
А может, в жизни что-то не сложилось?
Пусть мне простится
эта полуправда,
но я сказал:

— Ты выглядишь прекрасно.
И время над тобой
совсем не властно.
Была богиней
и сейчас богиня...
Она смеялась.
И в ее ресницах
запуталось серебряное солнце.
Она смеялась.
И свершилось чудо:
как ветром сдуло
лучики морщинок.

Хвалите женщину, друзья,
хвалите!
От этого
Она не станет хуже.

Последние четыре строчки — не перебор ли это с нравоучениями-поучениями-назиданиями автором читателей. А может это вполне нормально, как в ниже следующем стихотворении?

* * *

Мама сердится, мама бранится:
— Дома тебе никак не сидится...
Я отвечаю: — Никак не сидится.
И поправляю тушью ресницы.
— Мне не сидится, но, скажем прямо,
я не дурнушка и молода, мама.
В этом едва ли я виновата.

— Ох, я не хуже была когда-то,
да полюбила с первого взгляда,
да не сложилась песня, как надо.
Разве узнаешь, разве узнаешь,
где найдешь, а где потеряешь.
Не уродись, говорят, красивой,
а уродись везучей, счастливой...

— Все будет, мамочка, честь по чести,
не уроню я девичьей чести.
Я не надолго, скоро вернусь я,
ты не печалься, ты не волнуйся.

Нотация здесь приняла угрожающие формы, но нельзя отрицать, что написано стихотворение очень хорошо.

Все эти стихи — новелистика. Новелла — реальный случай из жизни. Подход поэта простой. Он берет жизненную ситуацию, сначала записывает ее в прозе, а потом рифмуется. В конце стихотворения автор делает подобие педагогического вывода.

Возможно, требования к поэзии в 50-х и 60-х годах были низкие. Почему развилось широко это направление? Почему пышным цветом расцвела рифмованная проза, превратившаяся в рифмованную журналистику, предопределяющую упрощение и, соответственно, в какой-то степени потерю образности. Полная

лапидарность текста без прилагательных и наречий с засилием глаголов. Надо знать обстановку того времени, да и всего советского периода. В моде были нравоучительные стихи, диктуемые идеологией. Как вы видите, строились они по принципу: сначала подается общая ситуация, затем следует развязка и далее сентенция — изречение нравоучительного характера (мораль сей басни такова). Похоже, Н. Володарский оказался просто продуктом своего времени, если позволил себе писать нравоучительные стихи.

И тут становится не совсем ясно в вопросе о поэзии: какая простота — искусство, а какая сложность — детский лепет. Правомочно тут же спросить: есть ли это поэзия? Что можно, а чего нельзя в поэзии?

И я решил проверить, кто еще уже из уважаемых классиков “балуется” в этом направлении, и обнаружил, что все “балуется”, все “злоупотребляют”.

Вот беру у Н. Некрасова “Размышления у парадного подъезда”. Он повествует:

Вот парадный подъезд.
По торжественным дням,
Одержимый холопским недугом,
Целый город с каким-то испугом
Подъезжает к заветным дверям...

Стихотворение очень длинное, чтобы привести его полностью.

В. Маяковский в стихотворении “Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче” рассказывает так:

В сто сорок солнц закат пылал,
в июль катилось лето,
была жара,
жара плыла —
на даче было это.
.....
в упор я крикнул солнцу:
“Слазь!
довольно шляться в пекло!”
Я крикнул солнцу:
“Дармоед!
Занежен в облака ты,
а тут — не знай ни зим, ни лет,
сиди, рисуй плакаты!”
Я крикнул солнцу:
“Погоди!
Послушай, златолобо,
чем так,
без дела заходить,
ко мне
на чай зашло бы!”

У Есенина для примера напрашивается стихотворение “Хороша была Танюша”.

Хороша была Танюша, краше не было в селе,
Красной рюшкой по белу сарафан на подоле.

У оврага за плетнями ходит Таня ввечеру.
Месяц в облачном тумане водит с тучами игру.

Вышел парень, поклонился кучерявой головой:
“Ты прощай ли, моя радость,
я женюсь на другой”.

Побледнела, словно саван, схолодела, как роса,
Душегубкою змеєю развилась ее коса.

“Ой ты, парень синеглазый, не в обиду я скажу,
Я пришла тебе сказать: за другого выхожу”.
Не заутренние звоны, а венчальный переклик,
Скачет свадьба на телегах, верховые прячут лик.

Не кукушки загрустили — плачет Танина родня,
На виске у Тани рана от лихого кистеня.
Алым венчиком кровинки запеклися на челе, —
Хороша была Танюша, краше не было в селе.

Читатель может со мной не согласиться, но это чистой воды журналистика, заметка для стенной печати. Да, но какая образность! А где нравоучение? Его нет, как и не должно быть. Но незримо оно присутствует (мол, не делайте так, юноши и девушки, иначе...)

Николай Володарский не утруждает себя лирикой и образностью? Ничего подобного. “В сельском клубе” стихотворение очень образное, и другие тоже. Получается, если есть образность, то зарифмованная проза уже имеет право на жизнь.

Это подтверждает Пушкин в “Полтаве”:

Швед, русский — колет, рубит, режет.
Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон.

А Лермонтов — в “Бородино”:

Носились знамена, как тени,

В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

.....
Земля тряслась — как наши груди;
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Или Э. Багрицкий в стихотворении “Смерть пионерки” свое повествование разворачивает так:

Валя, Валентина,
Что с тобой теперь?
Белая палата.
Крашенная дверь.

.....
Не противься ж, Валенька!
Он тебя не съест,
Золоченый, маленький,
Твой крестильный крест.

А вот то, что я искал. Повелительное наклонение, характерное для поучений. У Багрицкого тоже нравоучение, совершенно открытая нотация, как и у Агнии Барто, сумевшей целую! новеллу уместить в четыре строчки:

Наша Таня громко плачет:
Уронила в речку мячик.
Тише, Танечка, не плачь:
Не утонет в речке мяч.

Так что Николай Володарский не одинок в творческом методе, и за излишние подозрения я приношу ему свои извинения.

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

ЗДРАВСТВУЙ, “УХТА ЛИТЕРАТУРНАЯ”

В культурной жизни нашего города произошло необычное и приятное, на мой взгляд, событие. Алексей Мильков издал первый номер первого в истории города журнала “Ухта литературная”.

Издан за свой счет; сам его редактировал, сам же является его основным автором. Для своих публикаций и предназначал журнал, хотя в перспективе журнал может стать более общим. И имеет большой объем.

В номере помещено три рассказа А. Милькова, написанных в присущем ему стиле иронической фантастики.

Несколько лет назад А. Мильков принес на заседание литературного объединения свои первые опыты в этом жанре; опыты, надо сказать, были неудачными, рассказы и повести изобиловали стилистическими ошибками, о чем ему пишущие коллеги сразу же и сказали, как это в нашей среде принято делать. В последующие годы он литобъединение не посещал — как выяснилось, напряженно работал над собой, учился писать профессионально. И теперь, открыв изданный им номер журнала, я с удовольствием прочел два его рассказа: “Смех” и “Надули”, написанные хорошим литературным языком, имеющие в основе интересные сюжеты. Сегодня в жанре фантастики трудно что-либо сказать новое, но автору это, на мой взгляд, удалось. Третий рассказ, мне думается, неудачен именно из-за неоригинальности и расплывчатости сюжета.

В разделе “Время, события, люди” помещена обстоятельная статья Игоря Терновского “Так было и так есть” (из истории ухтинской литературы), где показана литературная жизнь города.

В конце номера приведена подробная библиографическая справка об изданиях ухтинских авторов за 1989-1998 гг.

Объем журнала невелик, всего тридцать страниц с текстом в два столбца, но журнал со вкусом оформлен, его приятно читать. Единственным недостатком выпуска можно назвать отсутствие корректора: в тексте много опечаток.

Надо полагать, что Алексей Мильков не оставит идею и журнал “Ухта литературная” продолжит жизнь. Городу нужно такое специализированное издание. Почему бы не сделать журнал общегородским? Собрать редколлегия, попросить у городской администрации денег, хотя бы на два выпуска в год, издавать его тиражом экземпляров в пятьсот, сделать платным и продавать в Ухте, Сосногорске, Сыктывкаре и т. п. Себестоимость издания будет относительно невелика, спонсор не понесет больших убытков. Зато, какое хорошее дело будет делаться!

Нуждаются в регулярных публикациях прозаики и поэты, да и читателю хочется встречаться на страницах журнала с С. Рулевым, А. Пашневым, А. Журавлевым, А. Илларионовым, Н. Фоменко, Р. Лапиной, Г. Сологуб, В. Мироновым, В. Аншуковым, С. Широковой, И. Кутеповой, В. Карелиным, с совсем юными дарованиями, а таковые в городе имеются. Так что “Ухта литературная” может начать долгую и интересную жизнь, став общегородским изданием. Хорошее дело начато А. Мильковым, нужно его поддержать!

Обращаюсь к городской администрации, к коммерческим структурам, ко всем, кто может помочь, кто пожелает внести свой вклад в культуру города: помогите, откликнитесь! Деньги, вложенные в культуру, не пропадают.

Павел Корюгин

председатель городского литобъединения.

(“Ухта” 30. 06. 98 г.)

ПЕРСОНАЛИИ

МИЛЬКОВ Алексей Леонтьевич

(смотри библиографическую справку в “УЛ” № 1)

С поэтессой Надеждой Мирошниченко
на вечере духовной музыки в ДК (апрель, 1998 г.)
(фото О. Сизоненко)

ПЕРСОНАЛИИ

3 июля Надежде Мирошниченко — ЮБИЛЕЙ !

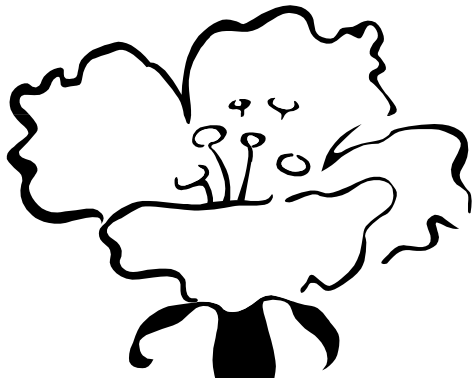
Провинция любит потом.
Сначала глядит — и не видит.
Ей кажется: в люди не выйдет
из провинциалов никто.
Ей кажется: мир не дорос
до чеховских этих историй,
где Волга — в Каспийское море,
где кушает лошадь овес...

Неправда, что мир равнолик
по сумме и разности знаков.
Неправда, что мутен родник,
но мутен бывает однако.
Неправда, что легче в селе,
ну разве что навеселе.
Провинция любит потом,
когда на щите золотом.

Мы помним, когда эти строки потрясли всю страну, а первая обошла все издания и ее цитируют до сих пор. Из нее следует, что столица любит сегодня. Но Надежда Мирошниченко покинула столицу и осела в наших суровых краях, где низкая температура и не хватает воздуха. Удивительно, но в ее стихах нет холода, и нет вакуума, потому что оптимизм, энергия и оригинальные идеи не произрастают из ничего.

“Ухта литературная” собрала все поздравления ухтинских почитателей ее таланта и присоединяет к многочисленным остальным со всей страны, а также желает много здоровья, много стихов и много поклонников!

“Ухта литературная”

СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ...

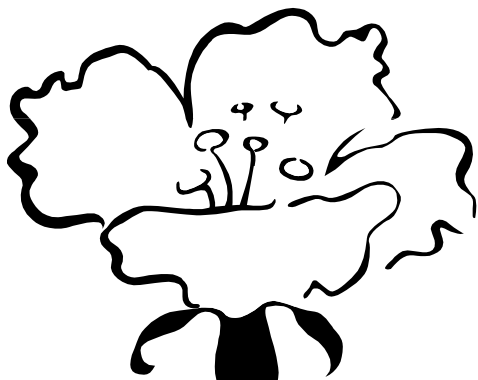
- Да будет проклят тот, кто нарушит данную клятву!
 - Да будет проклят тот, кто питает затаенную вражду!
 - Да будет проклят тот, кто повернется спиной к своему другу!
 - Да будет проклят тот, кто в день борьбы отступится от своего побратима!
 - Да будет проклят тот, кто нанесет вред другу, кровь которого стала его кровью!
 - Пусть чесотка обезобразит его тело и сделает его ненавистным!
 - Пусть лишай истребят на его голове все волосы!
 - Пусть змея притаится на его тропинке!
 - Пусть его жена никогда не родит!
 - Пусть силы покинут его на брачном ложе!
 - Пусть болезни подтачивают его силы, и дни его сократятся недугом!
 - Пусть его члены откажутся служить ему, ноги и руки его сведет судорогой!
 - Пусть! Пусть! Пусть!
- Я тоже выкрикнул несколько современных клятв.
- Да пусть изменится статус-кво клятвоотступника в сторону ухудшения его жизненного уровня!
 - Пусть на него свалится информационная глухота!
 - Пусть он ощутит на себе все тяготы полной изоляции от цивилизованного мира!
 - Пусть СПИД нарушит его иммунную систему!
- Кровь продолжала сочиться, и со мной успели побрататься еще несколько папуасов. В продолжении всего вечера на будущего клятвоотступника сыпались самые страшные бедствия, что временами становилось жутко.

Там, где склоны были лишены древесной растительности, росли дикие бананы: они поднимались вверх и своими пышными шатрами осеняли самые высокие холмы, прогулки по которым небезопасны. Сотая часть этих бананов шла в пищу человеку, десятая часть шла в пищу свиньям и обезьянам, а все остальное превращалось в свалку отходов. Гниющие в изобилии поваленные стволы бананов и валяющиеся по земле переспелые плоды издавали противный запах, от которого меня выворачивало. Кистью руки я измерил плоды здешних бананов и оказалось, что они длиной почти в полметра, а толщиной в мою руку у предплечья.

Становлюсь совсем папуасом: я раскрасил себя черной краской и отличался только бородой, не отставал от туземцев в беге, прыжках, бросании копья, стрельбе из лука и, самое главное, в истошных воплях во время безумных плясок.

Я перебирал адресаты: Американская лига борьбы против каких-либо шоковых терапий, Активисты за первозданную среду обитания, Гражданские комитеты "Антиаборт" и "Антиконтрацепция", Ассоциация защиты окружающей среды. Больше всего меня смутил иск от самой Брижит Бардо в защиту китов, акул и морских котиков.

Алексей МИЛЬКОВ

СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ...

Однажды с узелком пришла ко мне женщина и объявила, что Вай-коо-кай (Черный дрозд), тот самый, с которым я когда-то побратался, дарит ее мне в жены в знак признательности нашей дружбы. Женщина была не первой свежести, если не четвертой. Я уже разобрался в обычаях туземцев. Черный дрозд толкал меня на своеобразный обмен женами, принятый у них, как у нас в ресторане происходит своеобразное "от нашего стола вашему столу, а от вашего — нашему". Все три моих жены были относительно красавицы, потому что я сам их выбирал. Мне не хотелось неравноценного обмена, и я оставил женщину у себя, ожидая, что последует дальше. Между тем настойчивый папуас уже прислал вторую жену, не менее преклонную в годах и безобразную, а я все хранил молчание, что свидетельствовало по обычаям туземцев о моем немиролюбивом отношении.

И я выступил с речью, смысл которой заключался в следующем:

— Конфликт двух сторон. Одна сторона, называемая в дальнейшем продавец — родители девушки, обладатели и правопреемники живого товара. Другая сторона — покупатель, молодой человек, положивший глаз на товар-девушку, но несогласный с предложенной ценой, считая ее завышенной и непомерно обременительной для него. Чтобы матримониальная сделка между сторонами состоялась, продавец дает льготный кредит доверия покупателю, заключающийся в предоставлении права обладания товаром на определенный срок, в данном случае — год. В свою очередь покупатель пользуется товаром и обязуется погасить кредит-доверие в течение года. В случае не погашения кредита, товар-девушка возвращается продавцу-родителям, тогда оплата за временное пользование производится по расценкам проката. Если товар приведен в негодность по вине покупателя, тот должен возместить его стоимость женой, которая уже есть у него.

А этот случай совсем осложнил наши отношения. Ко мне привели женщину, у которой не было детей. Я забыл сказать, что практиковал лечение в меру своих знаний, доставшихся мне от цивилизованной жизни, и на моем счету было уже много при помощи гомеопатии и самой простецкой хирургии заглушенных болезней. Папуасы тянулись к моей хижине, и я брался за все более сложных больных. Естественно, начал с осмотра. Не надо говорить, в какой откровенной одежде ходят женщины на острове. Вошел ее муж, увидел ее в лежачем положении в нет ничего вульгарней позе, которую женщина вынуждена принимать во время осмотра, и закричал:

— Ты украл у меня жену!

Это было мягко сказано за неимением в их лексиконе нашего слова — изнасилование.

Я молчал, потом спросил:

— Что меня ждет?

— Обвинительное заключение и... тюрьма.

— Умение пользоваться контрацептивами отличает любую высокоразвитую урбанистическую культуру мира, — попытался оправдаться я.

— Какую, какую... еще, хрен, культуру?

Я покорно протянул руки для наручников. Мне было нечего возразить на проявление дикой болотной замшелости.

Алексей МИЛЬКОВ

